
К. Д. Бальмонт
1

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
в семи томах

Константин Дмитриевич
Бальмонт

Собрание сочинений
ТОМ 1

Полное собрание стихов
1909-1914
Книги I-III

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б21

Оформление художника
Е. БЕРЕЗИНА

Бальмонт К. Д.

Б21 Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Полное собрание стихов 1909—1914: Кн. 1—3; Вступ. ст. В. Макарова. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 504 с.

ISBN 978-5-904656-83-6 (т. 1)
ISBN 978-5-904656-82-9

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист и переводчик, виднейший представитель Серебряного века. Именно с него начался русский символизм.

Стихи Бальмонта удивительно музыкальны, недаром его называли «Паганини русского стиха». Его поэзия пронизана романтичностью, духовностью, красотой. Она свободна от условностей, любовь и жизнь воспеваются даже в такие страшные годы как 1905 или 1914.

Собрание сочинений Константина Дмитриевича — изысканная коллекция самых значительных и самых красивых творений метра русской поэзии, принесших ему российскую и мировую славу. Произведения, включенные в Собрание сочинений, дают самое полное представление о всех гранях творчества Бальмонта — волшебника слова.

Уникальными являются первые три тома — в них без сокращений воспроизведено «Полное собрание стихов К. Бальмонта в 10 томах», изданное в 1904—14 гг. В пятый и шестой тома вошли прозаические произведения Бальмонта, очерки, заметки, впечатления и мысли. Заключительный том Собрания сочинений включает в себя лучшие образцы его художественных — поэтических и прозаических — переводов.

В первый том собрания вошли сборники стихов «Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина», «Горящие здания» и «Будем как солнце».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-904656-83-6 (т. 1)
ISBN 978-5-904656-82-9

КРЫЛАН

(Поэзия как волшебство)

В 1896 году Чехов создал «Чайку», — пьесу настолько современную, что премьера ее не могла не провалиться. Современники инертны по определению. Но в зале и вообще в жизни уже были те самые люди, которым эта пьеса могла сказать и говорила очень многое, что и подтвердилось дальнейшим ее процветанием на сцене. Некоторые персонажи, интонации, быть может, еще шли от Тургенева, но Константин Гаврилович Треплев был угаданным типом совершенно нового тогда человека, и человека молодого, разумеется. И, разумеется, он человек литературный, начинающий, не без таланта, но на распутье. Всем известны эти слова из его пьесы: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки» и т.д. Аркадина прямо называет пьесу «декадентским бредом», «претензией на новые формы, на новую эру в искусстве». Да так оно и было. Чехов ничего не выдумал. Но было еще нечто, что поважнее — формировалось новое сознание человека. Эклектичное, квазикультурное, но тем и интересное. «Общая Мировая Душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь». Хотел ли Чехов подшутить над этим веянием времени, — все-таки пьеса заявлена как комедия, — линия, оставшаяся невостребованной. Но, кроме всего прочего, то что есть в ней декадентского, — это же буквально программа Константина Бальмонта. Чехов, пристально следивший за новыми именами, не мог не заметить появление бальмонтовской поэзии, считая ее настоящей, что и отмечал в одном из ответных писем поэту, получив в дар его новую книжку. То есть, может он и хотел первоначально подшутить, но дело вышло гораздо серьезней и Чехов не захотел от

этого веяния отгородиться: он сам был из тех же пернатых: это поднимало ввысь. Ко времени появления «Чайки» Бальмонт уже был автором трех полноценных книг. Среди них — «Сборник стихотворений», 1890, «Под северным небом», 1894, и вполне уже своя, своего собственного звучания книга стихов — «В безбрежности», 1895, в щедром названии которой отчетливо слышатся «треплевские» мотивы. Таким образом, Чехов взял Константина Бальмонта, вплоть до его имени, за образец нового в русской литературе. Сносок к его имени в собрании писем Чехова более чем достаточно, поэт же отвечал всегдашней и восторженной любовью. В последствии Бальмонт не просто оправдал это, но и с лихвой воплотил в своем творчестве, эпиграфом к которому можно было бы поставить приведенные выше слова Константина Треплева/Чехова о Мировой Душе. Бальмонт был всем в этом мире или стремился быть, насколько возможно, и это делало его поэзию, поэзию старшего из декадентов, прогрессивной и необычайной, и за все годы личного со стороны государства забвения поэта не только читаемой, но хранимой в душе читателя. Искусство остается прекрасным.

«Крылатый был он человеколев», — таким предстает Леонардо да Винчи в одном из лучших стихотворений Бальмонта из его книги «Сонеты меда, солнца и луны». Но как это часто бывает с художниками, это вполне подходит для характеристики самого автора. Льва можно отбросить, тем более, что сам Бальмонт без ложной скромности соотносил себя с тигром, — а вот крылатость останется. И это уже его собственное, бальмонтовское. Лев играет с Леонардо, однако в облике Бальмонта тоже есть что-то львиное. Эта узнаваемо вскинутая голова, кверху разметанные волосы, которые даже на черно-белых фотографиях представляются по львиному песочно-рыжими. И все это стремление вверх — брови, глаза, скулы, задорно задранный нос, короткий и туповатый, как у льва. Стремительные плечи, будто готовые к полету и очевидно еще более стремительные мысли. Бальмонт быстр, порывист в своих стихах и даже на портретах, из которых портрет работы Валентина Серова — шедевр, определивший бальмонтовский облик на долгие годы. Такова его природная сущность: стремление к полету. «Я живу слишком быстрой жизнью», — признается он и это звучит на удивление современно. Его книги быстры и познавательны, как путешествие. Стихи воспринимаются, как главы приключенческого романа, героем которого был жадный до мировых впечатлений ум поэта. За этой сменой впечатлений и картин следишь не только с наслаждением поэтическими тонкостями, когда они того заслуживают, но и с познавательным интересом. Современники частенько не поспевали за ним, уставали от его изменчивости, называли это декадентскими изломами, позерством. Поза, как низкая проза, абсолютно чужда духу Бальмонта. В нем было то, что испанцы опасно называют «игра бе-

са». Все это до поры до времени мило, конечно, в поэтическом отношении, но жизнь все равно потребует расплаты, когда уже не отыграться. Не даром же говорится: играй да не отыгрывайся. Много позже, уже будучи изгнанником, поэт, как, впрочем, и многие другие, опомнятся, что за игрищами своими во всякого рода «соборность», в «козлоногий космополитизм», проглядели главное свое достояние — Россию. Было самое начало эмиграции, а он уже писал из Парижа своей жене Е.А. Андреевой в письме от 12 марта 1923 года: «В Москву хочется всегда , а днями так это бывает, что я лежу угрюмый целый день, молча курю, думаю о России, о великой радости слышать везде Русский язык, о том, что я русский, а все-таки не гражданин вселенной, и уж меньше всего гражданин старенькой, скучненькой, серенькой Европы...» И это пишет человек, отличавшийся языковой всеядностью, чуть ли не единственный из русских поэтов объехавший весь мир, безоглядно бросавшийся в объятия любых культур, переводивший с таких разных языков и таких разных авторов, что невольно усомнишься если не в искренности, то в качестве. Безусловно, этим он размывал свой поэтический облик и читатель в конце концов потерял его. Его помнили, о нем много писали — при жизни даже больше, чем после, что случается не часто. И всегда твердо знали, Бальмонт — поэт. Но не только в силу исторических обстоятельств он оказался в вынужденном изгнании. Нет, забвение ему не грозило и не грозит. Но такова природа его творчества. За ускользающим образом поэта нужно следовать непременно в том направлении, в котором он в данное мгновение движется. А это не просто. Он охвачен всеми стихиями сразу. Он и ветер: «Я вольный ветер, я вольно вею», и огонь: «...пройдут столетья, Я буду все светить, сжигая и горя», и вода: «Ручьем я смеялся, но с морем сольюсь», и земля: «Я страшен, как и ты, я чуткий и бездушный». Совсем не красного словца ради поставил он эпиграфом к своей книге «Только любовь» слова из «Бесов» Достоевского: «Я всему молюсь». Так поэт себя ощущал в мире, словно нарочно не замечая всего ужаса, всех гримас за этими красивыми словами запутавшегося в своей гордыне самоубийцы Кирилова. Вообще надо сказать, что Бальмонт, как никто, богат эпиграфами к своим книгам, стихам. Именно богат, потому что одним этим уже обогащает читателя. Глубокие мысли, извлеченные из многих источников, до которых не у всякого есть возможность дотянуться, он щедро выставляет впереди себя, будучи уверен в своих силах, что это не повредит его собственным творениям, и чаще всего это так и происходит. Но эта литургия всему на свете не может иногда не вызывать чувство протеста: «Я люблю тебя, дьявол, я люблю тебя, Бог». Бунин, полный антипод Бальмонта, впрочем, такой же страстный путешественник, возмущается что тот прославлял: «...кривые кактусы, побеги белены и змей и ящериц отверженные роды, чуму, про-

казу, тьму, убийство и беду, Гоморру и Содом», восторженно приветствовал, как «брата», Нерона...» И все-таки это надергано из контекста и в большей степени характеризует самого Бунина, классика во всем. Бальмонт, отражавший другую сторону тогдашнего российского бытия, был совершенно другим. Кроме того, это поэзия. И тем ответственность страшней. Кумир Бальмонта, Бодлер, до такого смешения, пожалуй, не доходил, направленность его критического отрицания бьет в конкретную цель. И все же это у Бальмонта всего лишь игра в демонизм, в какого-то дикаря, что подтверждается его же весьма культурными и взвешенными стихами. Это немного расхолаживает, конечно, но в высшем смысле очень оправдано и очень по-русски. Заповедь Любви Бальмонт, как то и следовало, воспринял по-карамазовски широко, то есть опять же, как истинно русский во всем. По всем его страницам рассыпано: «О люди, я чувствую только любовь!» При этом, быть может, даже несколько рассудочно он четко различает любовь к дьяволу от любви к Богу. Тем вдохновенней в его творчестве звучит восхищение прекрасным, больше того, все оно небывало проникнуто «ароматом солнца» и такая в нем жажда всемирных впечатлений, что в конце концов поэтом поется молитва за все, в том числе и за то, что пугает рассудок, но имеет место быть. Этот «аромат солнца» весьма смешил Толстого. Так Пушкин не принимал батюшковского серпа, срезающего ландыш в лесу: «место серпа в поле засеянном». Однако позаимствовал у него яркий голос соловья. Так И.И.Дмитриев предлагал Державину гениальные строки:

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!

переменить на бесцветное, но зато удобопонятное:

О домовитая птичка,
Любезна ласточка моя!

Как видим, Бальмонт в своих поэтических вольностях предстает законным наследником русской поэтической школы. Нет, Толстой не просто смеялся, так он пытался защититься от того тонкого яда, который чудился ему в «запахе солнца» современной ему литературы. Яд разрушения проникал во все и прежде всего в литературу. Алкогольные пары мучительного Эдгара, наркотические бреды Бодлера и «проклятых поэтов» порождали особенный и заманчивый мир, заставляя искать его искушений. Поиски эти иной раз доходили, особенно у Бальмонта, до шутейного абсурда. Борис Зайцев с удовольствием вспоминает, как поэт у него в квартире на Сивцевом Вражке, будучи в подпитии, пожелал читать свои стихи среди пальм и за не имением лучшего залез под стол. Вечно окру-

женный стайкой поклонниц, в слегка взвинченном состоянии, но при неизменно белоснежных воротничках, поэт был неподражаем в стихии подобных искушений, однако поиски его имели весьма ощутимые и яркие результаты. «Десять лет он царил над русской поэзией» — заметил Брюсов. Позднее подхватили, мол, и только! Да разве этого мало? Объективней был Вячеслав Иванов, когда говорил уже в двадцатых годах о секрете «...его нескудеющей и совершенно неоправданной тридцатилетней славы». Термин «неоправданной», как оказалось, преходящий, да и не в славе дело поэта. Интерес к Бальмонту после первых модных всплесков с годами выровнялся и сделался классическим. Секрет же его Вячеслав Иванов сам же и раскрыл: Бальмонт — наше эхо, как это и завещано поэтам еще Пушкиным. «Предо мною другие поэты предтечи». Как это раздражало! Но Бальмонт только не уточнил, что он не лучший, разумеется, но в чем его подлинное отличие от предшественников, — он сделал поэтическое слово звучащим, он вынес его на широкие подмостки. Он разъезжал с выступлениями по стране и за рубежом, и у него даже был свой импресарио. Программа называлась — «Поэзия как волшебство». Уточним — звуковое волшебство. Он подарил его нам. До этого времени поэзия звучала по-домашнему. Стихи читались про себя. Но вот жизнь принесла иное веяние и Бальмонт оказался из первых, кто сделал поэзию достоянием звука. Отсюда, а не от какого-то там декадентства так много в его стихах звуковых перекличек, «уклонов», — он их не открыл, он их озвучил, что и увенчало его заслуженными лаврами сначала скандальной популярности, а потом уже и славы.

Разумеется, поэт был опьянен своей славой, но и русская жизнь уже потеряла свою трезвость. Поэт увлекал, но и увлекался. Русское общество уже было разбито на всевозможные кланы, кружки, мистические академии. Передовые люди, как их привыкли понимать, кричали и ораторствовали громче всех, вульгарно воспринятое толстовское отрицание отрицанием и срывание масок переродилось в них в злобное негодование по любому поводу. А тут еще Ходынка и несчастное 9 января! Чье сердце не возмутилось бы? Кроме того, демократические тенденции, — да, но кто же против демократических тенденций, когда сам Пушкин завещал России крамольную «Вольность». Значит, это хорошо. И Бальмонт, не раздумывая, разразился «Песнями мстителя», которые неловко читать ввиду их слабости, фальши. Но кто в Ходынской беде повинен, когда сегодня люди то и дело насмерть давят друг друга на пресловутых дискотеках?! Впрочем, поэт сейсмограф лишь своего времени. «Поэтом можешь ты не быть», — этого, конечно, Бальмонт исполнить не мог, напротив, передовые журналы платили хорошие гонорары, и люди были все премилые. С какой душой Горький, быстро вошедший в силу на пожертвования того же Морозова, уговаривал

Чехова разорвать договор с издателем Марксом! «Мы заплатим втрое!» и т.п. Хороший был организатор, этот псевдобосяк, как называли его Михаил Пришвин, Бунин. Обработанный пропагандой Горького, и Бальмонт, словно зажмурившись перед пропастью, «граждански восскорбел» о мифических «сознательных смелых рабочих», о «стальной воле», о невообразимой какой-то «свободе — гадам не под стать», взвалив по обычаю все грехи на царя, которого назвал оскорбительно «Наш маленький султан», что просто не имело под собой никакого смысла, кроме бездумного глумления в угоду определенным кругам, которые очень скоро станут кругами Ада. Что делать, он был всего лишь поэт, при этом поэт модный, и быть бы ему однодневкой, если б не талант. Но знать бы ему, воспевшему чуму и проказу, что грянет день, когда эти символы ужасного свершатся наяву и железом воцарятся на крови в родном доме! Бальмонт — глашатай красоты и меньше всего пророк. Между тем дар пророчества, свойственный поэтам с древности, а значит, в какой-то мере и ему, позволил Бальмонту нечаянно заглянуть в не столь уж отдаленное будущее. В «Литургии красоты», изданной в 1905 году, поэт, точно определив настоящего адресата, написал великое стихотворение «Бедлам наших дней». Вот оно.

Безумствуют, кричат, смеются,
Хохочут, бешено рыдают,
Предлинным языком болтают,
Слов не жалеют, речи льются
Многоглагольно и нестройно,
Бесстыдно, пошло, непристойно.

Внимают тем, кто всех глупее,
Кто долгой в болтовне тягучей,
Кто, человеком быть не смея,
Но тварью быть с зверьми умея,
Раскрасит краскою линючей
Какой-нибудь узор дешевый,
Приткнет его на столб дубовый
И речью нудною, скрипучей
Под этот стяг сбирает стадо,
Где каждый с каждым может спорить,
Кто всех животней мутью взгляда,
Кто лучше сможет свет позорить.

О сердце, есть костры и светы,
Есть в блеск одетые планеты,
Но есть и угли, мраки, дымы
На фоне вечного горенья.

Поняв, щади свои мгновенья,
Ты видишь: эти — одержимы,
Беги от них, им нет спасенья,
Им радостно, что бес к ним жмется,
Который глупостью зовется.

Он вечно ищет продолженья, —
Чтоб корм найти, в хлевах он бродит, —
И безошибочно находит
Умалишенные виденья.
О сердце, глупый бес — как Лама,
Что правит душами в Тибете:
Один умрет — другой для срама,
Всегда в запасе есть на свете.
Беги из душного Бедлама
И знай, что, если есть спасенье
Для прокаженных, — есть прозренье, —
И что слепцы судьбой хранимы, —
Глупцы навек неизлечимы.

Не случайно, что это стихотворение не вошло в том Библиотеки поэта (1969). Слишком откровенно поэт нарисовал картину ораторствующего под стягом, разрисованным линючей краской. Эта картинка увидена на тогдашних улицах, когда с любого столба кричали новоявленные благодетели рода человеческого, и черты одного из таких «передовых борцов» неожиданно узнаются, — его «животная муть взгляда», узнается нудная, скрипучая речь, обращенная к самым низменным инстинктам толпы, узнается готовность растоптать все родное, отеческое. На многие годы вперед образ агитатора заполнит жизнь России, застынет в монументальных позах на ее площадях. И это увидел и нарисовал Бальмонт, артистично воспевавший дикарские инстинкты, но интуитивно не приемлющий никакого хаоса. Он назвал этого беса — Глупость. Глупость, может, и была бесом, но за ней стояло нечто пострашнее. Вовлеченный в круговорот событий, Бальмонт, как и все, конечно, не мог взвешенно постичь их действительную сущность. В его представлении царило еще байроновское возмущение всяким угнетением и в противовес — восславление всяческой свободы. Ничего реального у него под этим не было, но пример Толстого увлекал многих: с Толстым мы правы! Но тогда еще никто не мог знать, что и Толстой, в своих отрицаниях дошедший до Буддизма, в конце концов не нашел ни одного ответа. Насильствие же революций безоговорочно отвергал. И этого-то как раз не услышали. 1910 год положил конец его метаниям и развязал руки всем. Вот бальмонтовская инвектива против Романовых: «Ждите же царствия страха!» Бальмонт никак не ожидал в увлечении слегка кабац-

ким по русскому обычаю негодованием, что царствие страха уже не за горами и на плахе окажется не только русский царь с семьей, но вся Россия и он сам. И не на плахе даже, как воображал поэт, а в подвале обыкновенного дома, в расстрельном подвале ЧК.

Бальмонт — романтик и поступал как романтик. Он весь еще был во власти грез свободомыслия Байрона и Шелли, во власти трагических видений любимого им Эдгара По, которые часто, между прочим, оказывались черным розыгрышем, фарсом. И в том и в другом случае жизнь — катастрофа. В личном плане — всегда. Катастрофа нашего поэта двойная. Бальмонт был гражданин мира, каким он себя считал, но при этом, несомненно, был европейцем, а еще более — русским. Его судьба — зеркало влияний Европы на русского интеллигента. Версилов из «Подростка» Достоевского с жаром говорил о камнях Европы как о святыне всякого русского. Он же говорил о различиях. Вот и Бальмонт, 1867 года рождения, дитя достоевской поры, — именно о таких, вот об этих детях и писал Достоевский, — также и Бальмонт стремился идти по стопам пророков Европы. Он не замечал и не мог заметить, что эти пророки несли разрушение своему дому, а значит, и его дому тоже. И дело делалось, почти уже само собой. Сколько писали о закате Европы, о загнивании Запада. Но все ценности брали в основном оттуда. Близкое время не позволяло видеть правду, а она состояла в том, что дело не в материальных благах, но в устоях Европы, которым Европа изменила. А то говорят: «Где же этот пресловутый закат Европы? Вон как процветает!» Кажется, лишь теперь уясняется, что был поколеблен дух Европы, а не что-нибудь иное. И вся судьба Бальмонта, как наиболее яркого символиста русской литературы, есть наглядное тому свидетельство. Он сам стал символом и не упадка даже, а настоящего крушения европейской культуры и своей страны. И в этом смысле он декадент.

«Сам дух растлился в наши дни», — писал Тютчев о Западе. Но увы, сегодня звучит это для нас не так отвлеченно. Вот Бальмонт еще ранний, Бальмонт эпохи своей книги «Тишина»:

Хочется в пропасть упасть,
Хочется Бога проклясть.

Что же, и упал и проклял, а еще недавно был влюбленный юноша, родом из сердца России, один из десятерых сыновей владимирского небогатого помещика, оттуда, где было по его же собственным словам, «красивое малое царство уюта и тишины». И это нужно было разрушать? Что было терять настоящему, а не книжному изгою Бодлеру, сжегшего себя наркотиками? Ни семьи, ни родины, которую он презирал, ни Бога, о котором властитель дум и душ Европы Шопенгауэр писал: «Надеюсь, что Бога нет». Он даже не был уверен, что Бога нет, только надеялся, однако последователи его фило-

софского пессимизма не стали задерживаться на подобных пустяках. В результате — затяжной, удушающий кризис во всех сферах духовной деятельности при материальном, казалось бы, благополучии. Но в Бальмонте было то, что было в Достоевском: «Пусть будет благополучие, хлеб, но если не будет Христа, я останусь с Христом». И Бальмонт, как дитя достоевской эпохи, точнее, один из их множества («Мальчики» в «Братьях Карамазовых») именно этим отличался от великих своих европейских и иных учителей и кумиров: в нем жила вера. Ради этого глубинного чувства, быть может, не всегда осознанного до поры до времени, он и предпочел трагедию изгнанничества. Революцию он понимал как возрождение, очищение, но увидел вокруг себя Ад, погибель родного народа, уничтожавшего самого себя. Как, что? Да вот так. Когда-то проглядели предсказанного Бальмонтом косноязычного «агитатора», зато заметили какой-то нелепый «челн томленья», которым поэт просто дразнил неумных людей. Так и теперь за Бальмонтом желательно видеть лишь «бальмонтизмы», но ведь он не шутя исповедуется:

Есть что-то, что выше всех знаний и слов,
И я отвергаю слова мудрецов,
Я знаю, я чувствую только одно,
Что пьяно одно мировое вино.
Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым,
И буду я с юными утренним вновь...
О люди, я чувствую только любовь!

Никаким пантеизмом этого не объяснить! Вера в Воскресение впитывалась с молоком матери и, кажется, против этого из всех россиян бунтовал лишь Толстой с непостижимым упорством. Бальмонт же запомнил навсегда:

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клекоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан Богомолья.

Да, конечно, это написано в 1925 году, на чужбине, но в этих строчках нет ни капли сусального золота, все настоящее. Нищим умирая на Рождество 24 декабря 1942 года, он призвал священника, покаялся и причастился. И не в каком-то порыве слепого отчаянья, а по душе, о чем в 1893 еще году написал короткое, но такое значительное стихотворение:

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,

И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Современникам, как видно, этого было не нужно. Славу поэта по справедливости составили другие стихи, в которых полностью раскрылось сложное человеческое явление своего времени по имени Бальмонт, а эти строки — всего лишь первоначальный, ничем не замутненный ручеек, однако же таково бальмонтовское истинное кредо, которое он не растерял и не отбросил в пылу маскарадных столпотворений. Тем не менее, после многих лет изломов и блужданий поэта, среди криков «Зачем?», всегда был слышен его голос о том, что для него важнее всего. Для него, а не для литературного рынка, то есть сокровенное. Исповедь его всегда проще узорчатых его славословий и этим, быть может, они и хороши. Вообще Бальмонт в лучшие свои мгновения, изъяснялся в простейших словах, а рифмы у него и без того просты. Получается, что поэт, вкушавший индийский лотос вдохновенья, лучшие свои строки сложил о своем, среднерусском, хотя, бесспорно, и возвышенном. Такие строки рассыпаны по всем его книгам. Публика ожидала от поэта изломов и надломов, что на рынке всегда имеет спрос. И Бальмонт давал и даже злоупотреблял. Тем внимательней, по крайней мере, сегодня читаются стихи, которые не теряются и в сумятице «Горящих зданий» вопреки своему позитиву (или благодаря оному). Сомнение, отрицание более привлекательно, поскольку таковых большинство (легион). Тем ценнее позитивный опыт Бальмонта, поэта во всем, потому что его наследие — это в большинстве своем прекрасные стихотворения, и ничего больше.

Бледный воздух прохладен.
Не желай. Не скорби.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби.

Даль небес беспредельна.
О, как сладко тому,
Кто, хотя бы бесцельно,
Весь приникнет к Нему.

В небе царствуют луны.
Как спокойно вкруг них!

Златоцветные струны
Затаили свой стих.

Скоро звезды проснутся.
Сочетаясь в узор,
Их намеки сплетутся
В серебристый собор.

Звезды — вечные души.
Звезды свечи зажгли.
Вот все глуше и глуше
Темный ропот земли!

Нет границ у лазури.
Слышишь медленный звон?
Это прошлые бури
Погружаются в сон.

Тихо в царстве покоя.
Круг заветный замкнут.
Час полночного боя
Отошедших минут!

Воздух чист и прохладен,
Этот миг не дроби.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби!

В своем месте хороши и уклоны и извивы, и диссонансы, — здесь же пригодился звук хорошо настроенной лиры. И как прекрасно, что все это написано по-русски, русским не скудеющим языком. Какого еще служения отчему слову искать? Книга жизни многообразна, что показывает и Библия. После своих молитвенных откровений поэт мог снова возопить: «Я жалею, что жил на земле!». Не так же ли поступали и пророки? Человек живой, хотя и сказка. Чего же больше? Пожалуй, это очевидно, ведь жизнь — это то самое, когда «...на свете мне всего дороже — Радость вечно петь Тебе хвалы, Милосердный Боже!» Это не выпрямление пути поэта, а лишь заново отмеченные вехи и вешки, которых иной любитель экзотического антуража и не приметит. Но, честно говоря, и этот экзотизм тоже был возможен в основном лишь благодаря богатству родной речи. Праздник русского языка — Бальмонт. И как-то не можешь согласиться с Мариной Цветаевой: «Бальмонт в русской сказке заморский гость... говорит на каком-то иностранном языке, на каком не знаю, — бальмонтовском». Но поэт всегда говорит на

своем языке, а заморского в нем — не больше, чем в новгородском госте Садко, любопытного до всего нового и небывалого, но это как раз самая русская черта.

То же можно сказать о его «отвлеченности». «Он самый отвлеченный поэт наших дней», — метко, как всегда, характеризует его Вячеслав Иванов. И при этом, посмотрите, как конкретно он мыслил — в стихах, тем более в прозе. Проза его, разумеется, поэтична, но достоинство ее не в этом. Она не в традициях русского художественного рассказа. Здесь, скорее, взят за образец Оскар Уайльд как эссеист, всегда дающий что-то новое в смысле знания о чем-либо. Можно представить, как читались книги эссе Бальмонта, если они раскупались даже в труднейшие годы русской катастрофы. Речь идет не о малоизвестном романе «Под серпом» и не о литературно-критических статьях, которых множество и которые тоже имеют свои достоинства. Но вот, например, его книга «Край Озириса», египетские очерки. Издана она в 1914 году. При тогдашней скудности информации о Египте, это драгоценный слиток для читателя. Даже сегодня из нее узнаешь немало нового, проникаешься духом древности, и кроме того, наслаждаешься изумительными переводами древнеегипетских текстов. Никакого налета «бальмонтизма», который вульгаризировали, по выражению Блока подражатели, здесь не чувствуется, напротив, возникает иллюзия древнего звучания, овеянного забытыми ароматами и воскуреньями. Никто не смог больше передать так тонко изысканность поэтической речи, сладость любовных песен поэтов Древнего Египта, как Бальмонт, — настолько глубоко были они, по-видимому, сродни ему самому: он не перевел их, он их озвучил. Но сохранена и философичность и эзотеричность этих текстов. И что любопытно, — Бальмонт не побоялся использовать рифму! Он следует тут за Фетом, который отважился зарифмовать песни Горация и Катулла, не изменив духа античной поэзии, которая была безрифменной в нашем понимании, однако имела свои ухищрения и тонкости. Бальмонт упоенно воспроизводит эти тонкости и они живут, проникнутые чувственностью и глубоким чувством. И страшным эхом из вечности доносятся голосом русского поэта слова из «Книги мертвых»:

«Я Огонь, я сын Огня. Я буду жить. Мой лик не утратится».

Как это по-бальмонтовски звучит! И многоликий Бальмонт живет — в «Носящем барсову шкуру» Руставелли, в «Вороне» Эдгара По, в «Облаке» Шелли, в Теннисоне, в Кальдероне. И прежде всего в своих стихах. Но, повторяем, он многолик, — не потому ли у него нет чисто любовной лирики? То есть у него все о любви, но в широком смысле этого великого слова. Несомненно, поэт объективный, он должен был высказаться и лично. Время позволяет заглянуть нам в его переписку с женой, оставшейся в вымороченной диктатурой террора Москве, — выше уже приводилось несколько строк.

С поистине дантовской горечью и силой взывает он к ней 15 сентября 1924 года: «Золотое утро... О, поэты, сколь они непоследовательны! Я был последователен, когда тебе и мне светили наши зори, первые зори, и вторые, и третьи. Но тогда я последовательностью в своих неукрощаемых причудах и беспутствах столько раз тебя ранил, что, падая сейчас перед тобой на колени, говорю: Бессмертная моя любовь, моя Катя, моя радость, мое счастье, моя Беатриче, нужно было быть тобою, чтобы не бросить меня, не разлюбить, или не сойти с ума, или не умереть». Посреди мытарств парижских, он не только тоскует по России, он тоскует по своей настоящей и единственной, несмотря ни на что, женщине. Екатерина Алексеевна Андреева, вторая жена Бальмонта — первый брак выбросил поэта из окна на мостовую и оставил его хромым, — можно сказать, его второе я. Он был эхом для многих, она — эхом для него, и как от угасшей звезды от нее все еще долетает до нас его светописная волна: «Милая, любимая моя Катя, через все страны кричу: „Люблю тебя!“ «Как мне хотелось бы увидеть тебя, обнять тебя, поцеловать, прижаться и слушать, как бьется твое сердце, это удивительное сердце, лучше которого нет другого на Земле. Это сердце, по прихоти своей, полюбило меня. Я знаю, что не стою этой любви, я, всегда бегущий и убегающий, как тень на воде от летучего облака». И в другом письме: «Моя милая Катя, чувства могут передаваться на расстоянии от сердца к сердцу без какого-либо внешнего способа, — а мы оба знаем, что при известной степени напряжения они наверно передаются...» И еще: «Пески и сосны... Помнишь, как нам было хорошо когда-то с тобой в Биаррице? Сколько любви, и молодости, и счастья было в нас, и как пело сердце, в прозрачном любующемся сознании — непрерывающаяся пряжа все новых и новых мыслей и образов. Там я написал много страниц, которые навсегда останутся певучим знаком моей души, твоей души, нашей любви. Там я был только с тобой, никогда ни с кем другим, это наш Океан, наше Солнце, наш, только наш, могучий вал, хоть мы стояли с тобой высоко над водой! Моя милая, я объехал чуть не всю Землю и видел все океаны, но такого Океана, которому именно там я пропел свою песню — „Океан мой древний прародитель“, — только такого высокого плещущего Океана, который жил и манил всеми празднествами сил — перед нашими глазами и в двух наших сердцах, я не видел уже нигде и никогда». А вот еще аккорд из все того же удивительного письма от 15 сентября 1924 года: «.... Благословляю Судьбу, что злой Хаос не захлестнул меня, ни тебя, и в бушевавшем Хаосе ты была прекраснее и совершеннее, чем сама о том можешь знать. Благодарю Судьбу, что она послала тебя как свет неугасимый в мою спутанную жизнь». Поэт не подбирает слов, говорит его сердце. Екатерина Алексеевна была, по его собственным словам, «с яркосияющими черными глазами, полными живой улыбчивости». Та-

кой она и снилась ему все годы разлуки. Для нее же он оставался ребенком, не знающим ни прошлого, ни будущего, признающим лишь настоящее. Ничто не является признаком настоящего как любовь. Давно канул в вечность день 13 января 1933 года, а в нем все звучит глагольная форма настоящего этого бальмонтовского письма: «И всегда бывает так, что я во сне впадаю в кажущиеся мне безысходными затруднения, — неотмыкающиеся двери, крутые лестницы, путаные переходы, — и в эти минуты, когда гибель уже настала, ты, весело смеясь, протягиваешь свою милую красивую руку и спасаешь меня». В отношении таких писем не хочется упоминать о стихотворениях в прозе, не нужно все заворачивать в красивую обертку. Говоря о сокровенном, поэт подписывается, разумеется, очень личным, но забавным прозвищем: «Твой Рыжан».

Замечательный бальмонтовский неологизм. Тигр в своем воображении, в любви — «Твой Рыжан», он был альбатросом, из породы рукокрылых, и хотя охромел, но тем вольнее ему в воздухе. На земле пошлость, порою желая уничтожить его, глумилась над ним, оно и понятно, родная его стихия — воздух.

Есть такое странное существо, обитающее в эвкалиптовых лесах Австралии, но уже на грани исчезновения, и называется — крылан. Малоприглядное, вроде летучей мыши и тоже ночное, по повадкам же — пестрая бабочка: питается цветочным нектаром, чем способствует опылению растений. Оставим в стороне зоологию, но про Бальмонта лучше не скажешь — Крылан. А был он Константин Дмитриевич и жил большей частью в Москве, непременно, в дешевых номерах какого-нибудь «Мадрида», где-нибудь на Тверской. Рукокрылый человек, Крылан — явление по преимуществу воздушное. Вон он, взмахнул руками и многоцветным парусником горделиво красуется в дали своего Океана, на просторах русской литературы. Не случайно Бальмонт — рифмуется со словом горизонт.

Валерий Макаров

Книга I

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ. В БЕЗБРЕЖНОСТИ. ТИШИНА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
(1904)

Огонь, Вода, Земля и Воздух — четыре царственные Стихии, с которыми неизменно живет моя душа в радостном и тайном соприкосновении. Ни одного из ощущений я не могу отделить от них и помню о их Четверогласии всегда.

Огонь — всеобъемлющая тройственная стихия, пламя, свет и теплота, тройственная и седьмеричная стихия, самая красивая из всех. Вода — стихия ласки и влюбленности, глубина завлекающая, ее голос — влажный поцелуй. Воздух — всеокружная колыбель-могила, саркофаг-альков, легчайшее дуновение Вечности и незримая летопись, которая открыта для глаз души. Земля — черная оправа ослепительного бриллианта и Земля — небесный Изумруд, драгоценный камень Жизни, весеннее Утро, нежный рассветный Сад.

Я люблю все Стихии равно, хоть по-разному. И знаю, что каждая стихия бывает ласкающей, как колыбельная песня, и страшной, как шум приближающихся вражеских дружин, как взрывы и раскаты дьявольского смеха.

Вода нежнее Огня, оттого что в ней женское начало, нежная влажная всевоспринимаемость. Огонь не так нежен порой, но он сильнее, сложнее и страшнее, он сокровеннее и проникновеннее. В Воздухе тонут взоры и душа уносится к Вечному, в белое Царство Бестелесности. Земля родней нам всех других Стихий — высот и низин — и к ней радостно прильнуть с дрожанием счастья в груди и с глухим сдавленным рыданием.

Все Стихии люблю я, и ими живет мое творчество.

Оно началось, это длящееся, только еще обозначившееся, творчество — с печали, угнетенности и сумерек. Оно началось под Северным небом, но силою внутренней неизбежности, через жажду безгранного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу.

От книги к книге, явственно для каждого внимательного глаза, у меня переброшено звено, и я знаю, что, пока я буду на Земле, я не устану ковать все новые и новые звенья и что мост, который создает моя мечта, уводит в вольные манящие дали.

От бесцветных сумерек к красочному Маю, от робкой угнетенности к Царице-Смелости с блестящими зрачками, от скудости к роскоши, от стен и запретов к Цветам и Любви, от незнанья к счастью вечного познанья, от гнета к глубокому вздоху освобожденья, к этой радости видеть и ласкать своим взором еще новое, вот еще и еще, без конца.

И если воистину я люблю все Стихии в разное время равно, мне все же хочется сказать сейчас, что любимая моя стихия — Огонь. Я молюсь Огню. Огонь есть истинно всемирная стихия, и кто причастился Огня, тот слит с Мировым. Он душой своей входит в таинственные горницы, где горят неугасимые светильники, — и струятся во взоры влиянья волшебных талисманов, драгоценных камней.

К. Бальмонт

3 декабря. Вечер.
Москва

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ

Элегии, стансы, сонеты

Ohne das Gefolge der Trauer
ist mir das Göttliche im Leben nie
erschienen

Lenau

1894 — Зима

I
СМЕРТЬ

Не верь тому, кто говорит тебе,
Что смерть есть смерть: она — начало жизни,
Того существованья неземного,
Перед которым наша жизнь темна,
Как миг тоски — пред радостью беспечной,
Как черный грех — пред детской чистотой.
Нам не дано познать всю прелесть смерти,
Мы можем лишь предчувствовать ее, —
Чтоб не было для наших душ соблазна
До времени покинуть мир земной
И, не пройдя обычных испытаний,
Уйти с своими слабыми очами
Туда, где б ослепил нас высший свет.
Пока ты человек, будь человеком
И на земле земное совершай,
Но сохрани в душе огонь нетленный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тем, чем быть ты можешь.
Бестрепетно иди все выше — выше,
По лучезарным чистым ступеням,
Пока перед тобой не развернется
Воздушная немая бесконечность,
Где время прекращает свой полет.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
В разумной подчиненности Творцу,

В смиренном почитании Природы, —
Что как по непочатому пути
Всегда вперед стремится наше Солнце,
Ведя с собой и Землю и Луну
К прекрасному созвездью Геркулеса,
Так, вечного исполнено стремленья,
С собой нас увлекает Божество
К неведомой, но благодатной цели.
Живи, молись — делами и словами,
И смерть встречай как лучшей жизни весть.

II
ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей, и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет,
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье, — точно искрится звезда.
Точно светлый дождь струится, — и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокий полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн Небес?

Все сильней звучит их пенье, все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, —
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья,
Чуть трепещут очертанья вещих сказочных стволов;

Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют,
И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов.

III
ЗАРНИЦА

Как в небесах, объятых тяжким сном,
Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром, —

Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет, —

Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, как гробница,
В ней отзыва на их призывы нет.

IV
МОЛИТВА

Господи Боже, склони свои взоры
К нам, истомленным суровой борьбой,
Словом Твоим подвигаются горы,
Камни как тающий воск пред Тобой!

Тьму отделил Ты от яркого света,
Создал Ты небо, и Небо небес,
Землю, что трепетом жизни согрета,
Мир, преисполненный скрытых чудес!

Создал Ты Рай — чтоб изгнать нас из Рая.
Боже, опять нас к себе возврати,
Мы истомились, во мраке блуждая,
Если мы грешны, прости нас, прости!

Не искушай нас бесцельным страданьем,
Не утомляй непосильной борьбой,

Дай возвратиться к Тебе с упованьем,
Дай нам, о, Господи, слиться с Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже Наш, Отче Наш, полный любви!
Боже, нам горько, нам страшно, нам трудно,
Сжалься, о, сжалься, мы — дети Твои!

V
ЛУННЫЙ СВЕТ
Сонет

Когда Луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу — Луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье.
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я — облачко, я — ветерка дыханье.

VI
НИТЬ АРИАДНЫ

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, —

Тоскою о том, чего нет,
Что́ дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездою.

Есть много не сказанных слов,
И много созданий, не созданных ныне, —
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных
песков,
В немой Аравийской пустыне.

VII

* * *

Уходит светлый Май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет, — мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений, и борьбы,
Когда заноет грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной Судьбы.

И что мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастие? О, нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет,
И поведет меня путем тернистым бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И, — что всего страшней, — быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья —
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

VIII

* * *

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отреченья,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

IX
БОЛОТО

О, нищенская жизнь, без бурь, без ощущений,
Холодный полумрак, без звуков и огня.
Ни воплей горестных, ни гордых песнопений,
Ни тьмы ночной, ни света дня.
Туманы, сумерки. Средь тусклого мерцанья
Смешались контуры; и краски, и черты,
И в царстве мертвого бессильного молчанья
Лишь дышат ядовитые цветы.
Да жабы черные, исчадия трясины,
Порою вынырнут из грязных спящих вод,
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведут зловещий хоровод.

X
БЕЗ УЛЫБКИ, БЕЗ СЛОВ

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем Луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,

Погрузились мы в море загадочных снов,
В царстве бледной Луны.

Как отрадно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть,
И, забыв, что любовь невозможна для нас,
Как отрадно мечтать и любить,
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной Луны.

XI
РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжкой скорби
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак, —
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

XII
ЗАЧЕМ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную —
И приковал меня к земле?

Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий,
Я говорю Тебе, Творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: где же наш Отец?
Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть — все страшно,
непонятно,
Все неизбежно для меня.
Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..»

XIII

* * *

Мне ненавистен гул гигантских городов,
Противно мне толпы движенье,
Мой дух живет среди лесов,
Где в тишине уединенья
Внемлю я музыке незримых голосов,
Где неустанный бег часов
Не возмущает упоенья,
Где сладко быть среди цветов
И полной чашей пить из родника забвенья.

XIV

* * *

Я знаю, что значит — безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что значит — с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

XV
У СКАНДИНАВСКИХ СКАЛ

Дремлют гранитные скалы, викингов приют опустевший,
Мрачные сосны одели их твердую темную грудь.
Скорбь в небесах разлита, точно грусть о мечте отлетевшей,
Ночь без Луны и без звезд бесшумно свершает свой путь.

Ластится к берегу Море волной шаловливо-беспечной,
Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
Хочется слиться с Природой, прекрасной, гигантской,
и вечной,
Хочется капелькой быть в безграничной пучине морской.

XVI
ПРИЗРАК

Где бы ни был я, везде, как тень, со мной
Мой милый брат, отшедший в жизнь иную,
Тоскующий, как ангел неземной,
В своей душе таящий скорбь немую, —
Так явственно стоит он предо мной.

И я, как он, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смеюсь ли, — дух родной, —
Он никогда меня не покидает,
Со мной живет он жизнию одной.

Лишь иногда в тревожный час ночной,
Невольно ум в тоске изнемогает,
И я его спрошу: «В стране иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль с тобой, о, брат мой милый?»

В его глазах тогда мелькает тень,
И слезы он блестящие роняет,
И как пред ночью тихо гаснет день,
Так от меня он тихо улетает.

XVII
У ФЬОРДА

Хмуро северное небо,
Скорбны плачущие тучи,
С темных скал на воды фьорда
Мрачно смотрит лес могучий.
    Безотрадно здесь мерцанье
    Безглагольной глубины,
    Неприветны вздохи ветра
    Между ветками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждет воли и простора,
Жаждет луга, трав душистых,
Их зеленого убора.
    И встревоженный мечтою
    Слышишь в ропоте волны —
    Колокольчик русской тройки
    В царстве степи и Луны.

XVIII
ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Еще последний снег в долине мглистой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пень,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной, —

Как мир хорош в своей красе нежданной,
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

XIX
НОРВЕЖСКАЯ ДЕВУШКА

Очи твои, голубые и чистые —
Слиянье небесной лазури с изменчивым блеском волны;
Пряди волос золотистые
Нежнее, чем нить паутины в сияньи вечерней Луны.
Вся ты — намек, вся ты — сказка прекрасная,
Ты — отблеск зарницы, ты — отзвук загадочной песни без слов;
Светлая, девственно ясная,
Вакханка с душою весталки, цветок под покровом снегов.

XX
М***

Ты — шелест нежного листка,
Ты — ветер, шепчущий украдкой,
Ты — свет, бросаемый лампадкой,
Где брезжит сладкая тоска.

Мне чудится, что я когда-то
Тебя видал, с тобою был,
Когда я сердцем то любил,
К чему мне больше нет возврата.

XXI
ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

XXII
ГОРНЫЙ КОРОЛЬ
Скандинавская песня

H. Ibsen. Gildet paa Solhaug

Горный король на далеком пути.
— Скучно в чужой стороне. —
Деву-красавицу хочет найти.
— Ты не вернешься ко мне. —

Видит усадьбу на мшистой горе.
— Скучно в чужой стороне. —
Кирстэн-малютка стоит на дворе.
— Ты не вернешься ко мне. —

Он называет невестой ее.
— Скучно в чужой стороне. —
Деве дарит ожерелье свое.
— Ты не вернешься ко мне. —

Дал ей он кольца, и за руку взял.
— Скучно в чужой стороне. —
Кирстэн-малютку в свой замок умчал.
— Ты не вернешься ко мне. —

Годы проходят, пять лет пронеслось.
— Скучно в чужой стороне. —
Много бедняжке поплакать пришлось.
— Ты не вернешься ко мне. —

Девять и десять умчалося лет.
— Скучно в чужой стороне. —

Кирстэн забыла про солнечный свет.
— Ты не вернешься ко мне. —

Где-то веселье, цветы, и весна.
— Скучно в чужой стороне. —
Кирстэн во мраке тоскует одна
— Ты не вернешься ко мне. —

XXIII
КАРТИНКА
Сонет

В глухую ночь, неясною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелою медлительной стопой
Проходят предо мной воспоминанья.

Я слышу песни, смех, и восклицанья,
Я вижу, как неровною тропой,
Под ласкою вечернего сиянья,
Пред сном идут стада на водопой.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздымают пыль клубами у дороги
Толпы овец пушистых и быков.

Пастух устал, об ужине мечтает,
И надо всей картиною витает
Веселый рой беспечных сельских снов.

XXIV
* * *

О, если б мне сердце холодное,
Холодное сердце русалки, —
Чтоб мог я спокойно внимать неумолчному ропоту Моря,
И стону страданий людских!

О, если б мне крылья орлиные,
Свободные сильные крылья, —

Чтоб мог я на них улететь в безграничное царство Лазури,
Чтоб мог я не видеть людей!

XXV
МЕЧТА

Стекло Балтийских вод под ветром чуть дрожало,
Среди печальных шхер на Север мы неслись.
Невольно ты ко мне свой милый взор склоняла.
В двух молодых сердцах мечты любви зажглись.

Ты мне казалася волшебною загадкой,
Казался я тебе загадкою, — и мы
Менялись взорами влюбленными, украдкой,
Под кровом северной вечерней полутьмы.

Как хороши любви застенчивые ласки,
Когда две юные души озарены
Мечтой минутною, как чары детской сказки,
Как очертания причудливой волны.

Ни слова мы с тобой друг другу не сказали,
Но был наш разговор без слов красноречив,
С тобой расстался я без муки, без печали,
Но сохранил в душе восторженный порыв.

...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелея,
Я более пленен той чистою мечтой. —
Как бледный Север мне и ближе, и милее,
Чем светлый знойный Юг с своею красотой.

XXVI

* * *

Когда между тучек туманных
Полночной порой загорится Луна,
Душа непонятной печаля полна,
Исполнена дум несказанных,

Тех чувств, для которых названия нет.
И той Красоты бесконечной,
Что, вспыхнув, зарницею вечной,
Сияет потом в черном сумраке лет.

XXVII

* * *

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной Луною, —
Удалилась царица небес,
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез.

И в предутреннем сумраке ясном
Мне послышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся Природа казалась больною
И как будто молила меня,
И грустила, прощаясь с Луною,
В ожидании знойного дня.

XXVIII
РАЗЛУКА

Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии,
Я думал, мой друг, о тебе, —
О тебе,

Чей образ со мной неразлучен,
Точно так же, как час, возвещающий дню
Приближение ночи,
Неразлучен с красавицей неба, Вечерней Звездой, —
Как морская волна неразлучна с пугливою чайкой.
Много ярких светил в безграничном пространстве Лазури, —
Лучезарный Арктур, Береники блестящие кудри,
Орион, и созвездие Леды,
Большая Медведица,
Но среди миллионов светил
Нет светила прекрасней — Вечерней Звезды.
Много птиц, много гостий крылатых, летит через Море,
Бросив берег его, направляясь к другому,
Что вдали где-то там затерялся среди синевы и туманов, —
Но только одну белокрылую чайку
С любовью баюкает, точно в родной колыбели,
Морская волна.
Чайка взлетает к нависнувшим тучам,
Чайка умчится в далекие страны, —
Куда и зачем, вряд ли знает сама, —
Но снова, как странник,
Уставший бродить в бесприютных краях,
Прилетит она к синей родимой волне,
Прильнет к ней своей белоснежною грудью, —
И Солнце смеется, взирая на них,
И шлет им лучистые ласки.
Так и я, разлучившись с тобой,
О, мой друг бесконечно любимый,
Был сердцем с тобой неразлучен,
Я баюкал твой ласковый образ в своей трепетавшей груди,
Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии.

XXIX

* * *

Есть красота в постоянстве страдания
И в неизменности скорбной мечты.

Знойного яркого Солнца сияние,
Пышной Весны молодые черты
В сердце не так вызывают сознание
Ласки больной, неземной красоты,
Как замка седые руины, печальной Луны трепетание,
Застенчивых сумерек скорбь, или осени грустной листы.

XXX
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Липы душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь нас окутает ласковым сумраком,
В небе далеком зажгутся огни,
Ветер о чем-то зашепчет таинственно,
И позабудем мы прошлые дни,
И позабудем мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бедный ребенок, больной и застенчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страдания.
Как наклоняется нежно к ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Так заглянула ты в душу мою,
Ищешь ответа в ней... Спи! Колыбельную
Я тебе песню спою!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,
Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надежному сердцу прильни,
Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

XXXI
ПЕСНЬ ЮДИФИ
Из Библии

Пусть кимвалы поют,
Пусть тимпаны звучат,
Богу Нашему гимн,
Стройный гимн возгласят.
    Пойте священные песни
    В честь Вседержителя-Бога,
    Он за народ Свой смиренный
    Поднял десницу Свою.

С северных гор, из далекой земли,
Полчища вражьи Ассура пришли,
Как саранча, не десятки, а тьмы,
Конница их заняла все холмы.

Враг грозил, что пределы мои он сожжет,
Что мечом моих юношей он истребит,
И о камень младенцев моих разобьет,
    И расхитить детей,
    И пленит дочерей,
    Дев прекрасных пленит.
Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложил всех врагов Иудейской страны.

Не от юношей пал Олоферн-великан,
Не рукою своей с ним сражался титан.
Но Юдифь красотою лица своего
    Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнее, тимпаны,
Господу Нашему Богу
Песнь вознесем до Небес.

XXXII
АВГУСТ
Сонет

Как ясен Август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листы,
Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный, —
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз, пред острием серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.
Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе журавлей летит толпа,
И криком шлет «прости» в места родные.

XXXIII
* * *

*Марусе С****

О, птичка нежная, ты не поймешь меня,
Пока в твоих глазах сверкает утро Мая.
Твой голос чуть дрожит, как серебро звеня,
С улыбкой на тебя взирает мать родная.
О, птичка нежная, ты не поймешь меня!

Везде нас ждет печаль. Мрачна юдоль земная.
Мне страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Из темного угла, твоим словам внимая,
Смотрю я на тебя и Господа молю: —
Пусть будет для нее легка стезя земная!

Увы, и предо мной блистали краски дня —
Мой день давно погас. Со мною тьма ночная.
И я когда-то пел, чужую скорбь гоня,
Когда-то и ко мне склонялась мать родная...
О, птичка нежная, ты не поймешь меня!

XXXIV
ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

1

Уходят дни. И вот уж десять лет
Прошло с тех пор, как смерть к тебе склонилась.
Но смерти для твоих созданий нет,
Толпа твоих видений, о, поэт,
Бессмертием навеки озарилась.

2

В веком гробу ты спишь глубоким сном.
Родной страны суровые метели
Рыдают скорбно в сумраке ночном.
Баюкают тебя в твоей постели,
И шепчут о блаженстве неземном.

3

Ты заслужил его. Во тьме невзгоды,
Когда, под тяжким гнетом, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживал мучительные годы,
Ты был исполнен думою одной: —

4

Кумир неволи сбросить с пьедестала,
Живой волной ударить в берега,

[1] Было прочитано автором 31-го октября 1893 года в Москве, в заседании Общества Любителей Российской Словесности, посвященном памяти И. С. Тургенева.

Сломить ту силу, что умы сковала, —
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затем, чтоб растоптать врага.

5

И ты спустился в темные пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Пленяющей печальной красотой,
И подсмотрел цветы средь грязной тины,
Средь грубости — любви порыв святой.

6

И слился ты с той светлою плеядой,
Пред чьим огнем рассеялася тьма,
Пред чьим теплом растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой, —
И пала крепостничества тюрьма.

7

Но в этот миг, зиждительный и чудный,
Ты не хотел душою отдохнуть,
Святым огнем твоя горела грудь,
И вот опять — далекий, многотрудный,
Перед тобой открылся новый путь.

8

Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забытый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.

9

Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За рощей чуть горит Луны эмаль.

И в сердце молодом встает печаль.
И слышен чей-то странный, грустный шопот.
Кому-то в этот час чего-то жаль.

10

И там вдали, где роща так туманна,
Где луч едва трепещет над тропой, —
Елена, Маша, Лиза, Марианна,
И Ася, и несчастная Сусанна —
Собралися воздушною толпой.

11

Знакомые причудливые тени,
Создания любви и красоты,
И девственной, и женственной мечты,
Их вызвал к жизни чистый нежный гений,
Он дал им форму, краски, и черты.

12

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданий женской любящей души,
Ее заветных дум, немой печали,
Лишь с ним для нас впервые прозвучали
Те песни, что таилися в тиши.

13

Он возмутил стоячих вод молчанье.
Запросам тайным громкий дал ответ,
Из тьмы он вывел женщину на свет,
В широкий мир стремлений и сознанья,
На путь живых восторгов, битв, и бед.

14

Вот почему, с любовью вспоминая
О том, кто удалился в мир иной,

Пред кем зажегся светоч неземной,
Здесь собралась толпа ему родная
С ним слившаяся мыслию одной: —

15

Пусть мы с тобой разлучены судьбою
Уж десять невозвратных долгих лет,
Но ты, наш друг, учитель, и поэт,
Средь нас живешь! Сверкает над тобою
Бессмертия нетленный чистый свет!

XXXV
ЗАРЯ

Николаю Ильичу Стороженко

Брызнули первые искры рассвета,
Дымкой туманной покрылся ручей.
В утренний час его рокот звончей.
Ночь умирает... И вот уж одета
В нерукотворные ткани из света,
В поясе пышном из ярких лучей,
Мчится Заря благовонного лета
Из-за лесов и морей,
Медлит на высях обрывистых гор,
Смотрится в зеркало синих озер,
Мчится Богиня Рассвета.

Следом за ней
Легкой гирляндою эльфы несутся,
Хором поют: «Пробудилась Заря!»
Эхом стократным их песни везде отдаются,
Листья друг к другу с безмолвною лаской жмутся,
В небе — и блеск изумруда, и блеск янтаря,
Нежных малиновок песни кристальные льются:
«Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!»

XXXVI
ДУХИ ЧУМЫ

Мы спешим, мы плывем
На могучей волне,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне.

Слезы жен и детей
Не заметит наш глаз.
И где смерть для людей,
Там отрада для нас.

Нашей властью звучат
Панихиды в церквах,
В двери к людям стучат
Смерть, и гибель, и страх.

Между вешних листов,
Символ сгибнувших сил,
Миллионы крестов,
Миллионы могил.

Любо нежную мать
Умертвить, погубить,
Мы не можем ласкать,
Не умеем любить.

В эти дни, как и встарь,
Каждый миг, каждый час,
Лучший дар на алтарь
Жизнь приносит для нас.

И спешим, и плывем
Мы в ночной тишине,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне.

XXXVII
ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

XXXVIII
* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаньях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе — за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,

За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

XXXIX
ЦВЕТОК

Умер бедный цветок на груди у тебя,
Он навеки поблек и завял,
Но он умер тревожно в нежно любя,
Он недаром страдал.

Долго ждал он тебя на просторе полей,
Целый день на груди красовался твоей,
Как он пышно, как чудно, как ярко блистал,
Он недаром любил и страдал.

XL

* * *

Дышали твои ароматные плечи,
Упругие груди неровно вздымались,
Твои сладострастные тихие речи
Мне чем-то далеким и смутным казались.

Над нами повиснули складки алькова,
За окнами полночь шептала невнятно,
И было мне это так чуждо, так ново,
И так несказанно, и так непонятно.

И грезилось мне, что, прильнув к изголовью,
Как в сказке, лежу я под райскою сенью,
И призрачной был я исполнен любовью,
И ты мне казалась воздушною тенью.

Забыв о борьбе, о тоске, о проклятьях,
Как нектар, тревогу я пил неземную, —
Как будто лежал я не в грешных объятьях,
Как будто лелеял я душу родную.

XLI
ДВА ГОЛОСА

Скользят стрижи в лазури неба чистой.
— В лазури неба чистой горит закат. —
В вечерний час как нежен луг росистый!
— Как нежен луг росистый, и пруд, и сад! —
Вечерний час — предчувствие полночи.
— В предчувствии полночи душа дрожит. —
Пред красотой минутной плачут очи.
— Как горько плачут очи! Как миг бежит! —

XLII
ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.

День догорает. Закат загорается.
Шопотом, ропотом рощи полны.
Новый восторг воскресает для жителей
Сказочной светлой свободной страны.

Ветра вечернего вздох замирающий.
Полной Луны переменчивый лик.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Миг невозможного. Счастия миг.

XLIII
РАБСТВО

Сонет

Ты льнешь во мне, как гибкая лоза,
И все твои движения красивы,
Твоих волос капризные извивы
Пышнее, чем полночная гроза.

Настолько же прекрасны, как и лживы,
Глубокие спокойные глаза,
Где искрится притворная слеза,
Где видны сладострастные порывы.

Тот будет твой безвольный раб всегда,
Кого ты отравила поцелуем,
В нем прошлое погибнет без следа,

В нем вечно будет жгучая вражда
К тому, чем прежде был он так волнуем,
К святыне, что погасла, как звезда.

XLIV
КОШМАР
Сонет

В печальные миг, в печальный час ночной,
В алькове пышном, полном аромата,
Покоилась она передо мной,
Дремотою изнеженной объята.

И понял я, что мне уж нет возврата
К прошедшему, к Лазури неземной: —
Я увидал не человека-брата,
Со мною был бездушный зверь лесной.

Незримыми немыми голосами
Душа моя наполнилася вдруг
От этих губ, от этих ног и рук.

Мгновения сменилися часами,
И видел я везде — везде вокруг —
Змею с полузакрытыми глазами.

XLV
* * *

Нет, мне никто не сделал столько зла,
Как женщина, которая твердила

Мне каждый миг: «Люблю тебя, люблю!»
Она украдкой кровь мою,
Как злой вампир, пила.
Она во мне все чистое убила,
Она меня к могиле привела.

Забыв весь мир, забыв, что люди, братья,
Томятся где-то там, во тьме, вдали,
Я заключил в преступные объятья
Тебя, злой дух, тебя, о, перл Земли.
Озарены больным сияньем лунным,
Окутаны туманной полумглой,
Подобно духам тьмы иль звукам струнным,
Витаем мы меж Небом и Землей.

Твой образ, то насмешливый, то милый,
Мне грезится в каком-то смутном сне,
Цветы любви сбирая над могилой,
Я вижу, как ты гроб готовишь мне.

Как мертвецу, мне чуждо все живое...
Но кто же ты, мой гений неземной,
Во мне зажегший пламя роковое?
Страдаю я, покуда ты со мной, —
А нет тебя — и я страдаю вдвое.
В твоей душе слились добро и зло...
Зачем твое дыханье огневое
Меня сожгло?

О, как прекрасна ты неотразимо,
Как властна ты заставить все забыть!
Твой нежный смех — улыбка серафима,
И я тебя не в силах не любить!
Но почему ж во мне неудержимо
Желание встает — тебя убить?

XLVI

ЛАСТОЧКИ

Сонет

Земля покрыта тьмой. Окончен день забот.
Я в царстве чистых дум, живых очарований.

На башне вдалеке протяжно полночь бьет,
Час тайных встреч, любви, блаженства, и рыданий.

Невольная в душе тоска растет, растет.
Встает передо мной толпа воспоминаний,
То вдруг отпрянет прочь, то вдруг опять прильнет
К груди, исполненной несбыточных желаний.

Так в знойный летний день, над гладью вод речных
Порою ласточка игриво пронесется,
За ней вослед толпа сестер ее живых,
Веселых спутниц рой как будто бы смеется,
Щебечут громко все, — и каждая из них
Лазури вод на миг крылом своим коснется.

XLVII
В СТОЛИЦЕ

Свежий запах душистого сена мне напомнил далекие дни,
Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни;
Предо мною воскресло то время, когда мир я безгрешно любил,
Когда не был еще человеком, но когда уже богом я был.

Мне снятся родные луга,
И звонкая песня косца,
Зеленого сена стога,
Веселье и смех без конца.
Июльского дня красота,
Зарница июльских ночей,
И детского сердца мечта
В сияньи нездешних лучей.
Протяжное пенье стрекоз,
Чуть слышные всплески реки,
Роптание лип и берез,
В полуночной тьме светляки.
И все, что в родной стороне

Меня озарило на миг,
Теперь пробудило во мне
Печали певучий родник.

И зачем истомленною грудью я вдыхаю живой аромат,
Вспоминая луга с их раздольем, и забытый запущенный сад?
Свежий запах душистого сена только болью терзает меня:
Он мне душною ночью напомнил отлетевшие радости дня.

XLVIII
ГРУСТЬ

Внемля ветру, тополь гнется, с неба дождь осенний льется,
Надо мною раздается мерный стук часов стенных;
Мне никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И из уст невольно рвется монотонный грустный стих;
И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный странный шопот — шопот капель дождевых.

Отчего так ветру скучно? Плачет, ноет он докучно, —
И в ответ ему стозвучно капли бьются и бегут;
Я внемлю, мне так же скучно, грусть со мною неразлучна,
Равномерно, однозвучно рифмы стройные текут;
В эту пору непогоды, под унылый плач Природы,
Дни, мгновенья, точно годы — годы медленно идут.

XLIX

* * *

В поле искрилась роса,
В небесах царил покой,
Молодые голоса
Звонко пели за рекой.

Но меж тем как песни звук
Озарял немую даль,
Точно тень, бродила вкруг
Неутешная печаль.

И, скорбя о трудном дне,
Где-то дух страдал людской,
Кто-то плакал в тишине
С бесконечною тоской.

L
СМЕРТЬ
Сонет

Суровый призрак, демон, дух всесильный,
Владыка всех пространств и всех времен,
Нет дня, чтоб жатвы ты не снял обильной,
Нет битвы, где бы ты не брал знамен.

Ты шлешь очам бессонным сон могильный,
Несчастному, кто к пыткам присужден,
Как вольный ветер, шепчешь в келье пыльной,
И свет даришь тому, кто тьмой стеснен.

Ты всем несешь свой дар успокоенья,
И даже тем, кто суетной душой
Исполнен дерзновенного сомненья.

К тебе, о, царь, владыка, дух забвенья,
Из бездны зол несется возглас мой: —
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!

LI
СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мной!
В небе — предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
В утренней девственной мгле,

Дуб залепечет с сосной.
Грустно поникнет к земле
Ласковый ландыш лесной.

Вестник бессмертного дня,
Где-то зашепчет родник,
Где-то проснется, звеня...
В этот таинственный миг,
Смерть, убаюкай меня!

В БЕЗБРЕЖНОСТИ

Землю целуй, и неустанно ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего.

Достоевский

1895 — Зима

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловит уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

ЗА ПРЕДЕЛЫ

Вечность движенья —
Область моя;
Смерть и рожденье,
Ткань бытия.

Гете. Дух Земли

I
БОЛОТНЫЕ ЛИЛИИ

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вкруг них шелестят камыши.

Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.

И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.

Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.

Расцветут, и поблекнут бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распустятся снова, прекрасные, —
И никто не узнает о них.

II

* * *

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
Бесконечная грусть, безграничная даль,
Трепетание звезд, их мерцанье стоокое,
Догорающих тучек немая печаль.

Все мне чудится вздох камыша почернелого,
Глушь родимых лесов, заповедный затон,
И над озером пение лебедя белого,
Точно сердца несмелого жалобный стон.

III
НА ДАЛЬНЕМ ПОЛЮСЕ

На дальнем полюсе, где Солнце никогда
Огнем своих лучей цветы не возрощает,
Где в мертвом воздухе оплоты изо льда
Безумная Луна, не грея, освещает, —

В пределах Севера тоскует Океан
Неумирающим бесцельным рокотаньем,
И, точно вспугнутый, крутится ураган,
И вдаль уносится со вздохом и с рыданьем.

На дальнем полюсе, где жизнь и смерть — одно,
Момент спокойствия пред вечером подкрался: —
Все было ярким сном лучей озарено,
И только Океан угрюмо волновался.

Но вот застыл и он. Была ясна вода,
Огнистая, она терялася в пространстве,
И, как хрустальные немые города,
Вздымались глыбы льдов — в нетронутом убранстве.

И точно вопрошал пустынный мир: «За что?»
И красота кругом бессмертная блистала,

И этой красоты не увидал никто,
Увы, она сама себя не увидала.

И быстротечный миг был полон странных чар, —
Полуугасший день обнялся с Океаном.
Но жизни не было. И Солнца красный шар
Тонул в бесстрастии, склоняясь к новым странам.

IV
КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают, — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик,
То Месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?» — камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»

Но Месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

V

ПОДВОДНЫЕ РАСТЕНЬЯ

Сонет

На две морском подводные растенья
Распространяют бледные листы,
И тянутся, растут как привиденья,
В безмолвии угрюмой темноты.

Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья,
Им снятся ароматные цветы.

Но нет пути в страну борьбы в света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

VI

ПУСТЫНЯ

Я видел Норвежские фьорды с их жесткой бездушной
красой,
Я видел долину Арагвы, омытую свежей росой,
Исландии берег холодный, и Альп снеговые хребты, —
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующих гор
Лишь краткой окутают лаской, на миг убаюкают взор,
А образ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходит из сердца, навек отравляет мечты.

В молчаньи песков беспредельных я слышу неведомый шум,
Как будто в дали неоглядной встает и крутится самум,

Встает, и бежит, пропадает, — и снова молчанье растет,
И снова мираж лучезарный обманно узоры плетет.

И манит куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается к Небу, чтоб снова бессильно упасть:
Как будто бы Жизнь задрожала, с напрасной мечтой
и борьбой,
И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

VII
ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ

Датскому лирику Тору Ланге

Огней полночных караван
В степи Небес плывет.
Но кто меня в ночной туман
Так ласково зовет?

Зачем от сердца далека
Мечта о Небесах?
Зачем дрожит моя рука?
Зачем так манит прах?

Болото спит. Ночная тишь
Растет и все растет.
Шуршит загадочно камыш.
Змеиный глаз цветет.

Змеиный глаз глядит, растет,
Его лелеет Ночь.
К нему кто близко подойдет,
Уйти не может прочь.

Он смутно слышит свист змеи,
Как нежный близкий зов,
Он еле видит в забытьи
Огни иных миров.

Не манит блеск былых утех,
Далек живой родник.
В болоте слышен чей-то смех,
И чей-то слабый крик.

VIII
ГИБЕЛЬ

Предчувствием бури окутан был сад.
Сильней заструился цветов аромат.
Узлистые сучья как змеи сплелись.
Змеистые молнии в тучах зажглись.

Как хохот стократный, громовый раскат
Смутил, оглушил зачарованный сад.
Свернулись, закрылись цветов лепестки.
На тонких осинах забились листки.

Запрыгал мелькающий бешеный град.
Врасплох был захвачен испуганный сад.
С грозою обняться и слиться хотел.
Погиб — и упиться грозой не успел.

IX

* * *

Е. А. Варженевской

Вечерний свет погас.
Чуть дышит гладь воды.
Настал заветный час
Для искристой Звезды.

Она теперь горит,
Окутанная мглой,
И светом говорит
Не с Небом, а с Землей.

Увидела она,
Как там внизу темно,
Как сладко спит волна,
Как спит речное дно.

И вот во мгле, вдали,
Открыв лицо свое,
Кувшинки расцвели
И смотрят на нее.

Они горят в ночи,
Их нежит гладь воды,
Ласкают их лучи
Застенчивой Звезды.

И будут над водой
Всю ночь они гореть,
Чтоб с Утренней Звездой
Стыдливо умереть.

X
ИСПОЛИНСКИЕ ГОРЫ

Исполинские горы,
Заповедные скалы.
Вы — земные узоры,
Вы — вселенной кристаллы.

Вы всегда благородны,
Неизменно прекрасны,
От стремлений свободны,
К человеку бесстрастны.

Вы простерли изломы,
Обрамленные мохом,
Вы с борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохом.

Вы спокойно безмолвны,
Вас не тронут рыданья,
Вы — застывшие волны
От времен Мирозданья.

XI
КОВЫЛЬ

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит Месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И непрочные, минутные,
Что то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

XII
ОКЕАН

Сонет

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет.
Я волны вопрошал, и Океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ.

«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.

Скитайся дни, года, десятки, сотни лет, —
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько вопросил безбрежный Океан, —

Зачем он страстных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, — но Океан угрюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.

XIII

* * *

Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
Оба окутаны светом мертвенно-бледной Луны.
Ветер в пространстве смутился, смолк в безутешном просторе,
Небо, и Ветер, и Море грустью одною больны.

В холоде гибнет и меркнет все, что глубоко и нежно,
В ужасе Небо застыло, странно мерцает Луна.
Горькая влага бездонна, Море синеет безбрежно,
Скорбь бытия неизбежна, нет и не будет ей дна.

XIV
ЛЕБЕДЬ

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

XV
БЕСПРИЮТНОСТЬ
Сонет

Меня не манит тихая отрада,
Покой, тепло родного очага,
Не снятся мне цветы родного сада
Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
Я слышу рев и рокот водопада,
Мне грезятся морские берега,
И гор неумолимая громада.

Среди других обманчивых утех
Есть у меня заветная утеха:
Забыть, что значит плач, что значит смех, —

Будить в горах грохочущее эхо.
И в бурю созерцать, под гром и вой,
Величие пустыни мировой.

XVI
НАД ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ

*Фаине ****

Над пучиной морской, тяготея, повисла скала,
У подножья скалы бьются волны толпой неустанной,
Греет зной ее камни, к ней ластятся ветер и мгла,
Но безмолвна она — в час ночной, в час зари златотканной.

Белоснежная тучка мелькнет и растает над ней,
Прощебечет блуждающих птиц перелетная стая,
Загорится, забрезжит за морем звезда золотая,
Небо вспыхнет в ответ мириадами синих огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлет громада,
Если ж волны сильнее нахлынут, журча и звеня,
Словно шепчет она еле слышно: «Не надо... не надо...
Утишите волненье свое... Не будите меня...»

XVII
В ПЕЩЕРЕ

В пещере угрюмой, под сводами скал,
Где светоч дневной никогда не сверкал,
Иду я на ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьме отдаются шаги.

И кто-то со мною как будто идет,
Ведет в лабиринте вперед и вперед.
И, вскрикнув, я слышу, как тотчас вокруг,
Ответный, стократный, разносится звук.

Скользя по уступам, иду без конца,
Невольно мне чудится очерк лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого, — не могу и не смею понять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской: —
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стене, —
И ужас вливается в сердце ко мне.

«Кто шепчет?» — кричу я. «Ты друг мне?
Приди!»
И голос гремит и хохочет: «Иди!»
И в страхе кричу я: «Скажи мне, куда?»
И с хохотом голос гремит: «Никуда!»

Бесплодно скитанье в пустыне земной,
Близнец мой, страданье, повсюду со мной.
Где выход, не знаю, — в пещере темно,
Все слито в одно роковое звено.

XVIII
АЮДАГ

Синеет ширь морская, чернеет Аюдаг.
Теснится из-за Моря, растет, густеет мрак.
Холодный ветер веет, туманы поднялись,
И звезды между тучек чуть видные зажглись.

Неслышно Ночь ступает, вступает в этот мир,
И таинство свершает, в шествует на пир.
Безмолвие ей шепчет, что дню пришел конец,
И звезды ей сплетают серебряный венец.

И все полней молчанье, и все чернее мрак.
Застыл, как изваянье, тяжелый Аюдаг.
И Ночь, смеясь, покрыла весь мир своим крылом,
Чтоб тот, кто настрадался, вздохнул пред новым злом.

XIX

* * *

В этой жизни смутной
Нас повсюду ждет —
За восторг минутный —
Долгой скорби гнет.

Радость совершенства
Смешана с тоской.
Есть одно блаженство: —
Мертвенный покой.

Жажду наслажденья
В сердце победи,
Усыпи волненья,
Ничего не жди.

XX

* * *

Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
  В сердце волненье растет и растет!
Может ли ветер свободный кому покориться?
  Может ли звезд не блистать хоровод?

Нет, мне не нужно покоя, не нужно забвенья,
  Если же счастие нам не дано, —
В море отчаянья, в темную бездну мученья
  Брошусь на самое дно!

XXI
В ЧАС РАССВЕТА

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал,
Перекличке горных духов в час рассвета я внимал.
Со скалы к скале срывался, точно зов, неясный звук.
Освеженный, улыбался, пробуждался мир вокруг.

Где-то серна пробежала, где-то коршун промелькнул,
Оборвался тяжкий камень, между скал раздался гул.
И гнездится, и клубится легкий пар, источник туч,
Зацепляясь, проползает по уступам влажных круч.

И за гранью отдаленной, — радость гор, долин, полей, —
Отрывает лик победный, все полней и все светлей,
Ярко-красное Светило расцветающего дня,
Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня.

XXII
ВЕТЕР

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим,
И под влажным мерцаньем Луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим,
И легендам приморской волны.

Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном,
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанном,
В ненасытной тревоге живу.

XXIII
ПРИЗРАКИ

Шелест листьев, шопот трав,
Переплеск речной волны,
Ропот ветра, гул дубрав,
Ровный бледный блеск Луны.

Словно в детстве предо мною,
Над речною глубиною,
Нимфы бледною гирляндой обнялись, переплелись.
Брызнут пеной, разомкнутся,
И опять плотней сожмутся,
Опускаясь, поднимаясь, на волне и вверх и вниз.

Шепчут темные дубравы,
Шепчут травы про забавы
Этих бледных, этих нежных обитательниц волны.
К ним из дали неизвестной
Опустился эльф чудесный,
Как на нити золотистой, на прямом луче Луны.

Выше истины земной,
Обольстительнее зла,
Эта жизнь в тиши ночной,
Эта призрачная мгла.

XXIV
ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ

На вершине скалы, где потоком лучей
Солнце жжет горячей, где гнездятся орлы,
Из туманов и мглы зародился ручей,
Все звончей и звончей по уступам скалы
Он волной ударял, и гранит повторял
Мерный отзвук на звук, возникавший вокруг.

Как прозрачный кристалл, как сверкающий луч,
Переменчивый ключ меж камней трепетал,
На граните блистал, и красив, и певуч,
Жаждой жизни могуч, он от счастья рыдал,
И кричали орлы, на уступах скалы,
У истоков ручья, в торжестве бытия.

XXV
ДУХ ВЕТРОВ

Дух ветров, Зефир игривый
Прошумел среди листов,
Прикоснулся шаловливый
К нежным чашечкам цветов.

И шепнул неуловимый,
И волною шевельнул,
К арфе звучной и незримой
Дланью быстрою прильнул.

И с беспечностью ребенка,
Не заботясь ни о чем,
Он играл легко и звонко
В ясном воздухе ночном.

И влюбленные наяды
Показались из волны,
И к нему кидали взгляды
В свете гаснущей Луны.

Нимфа с нимфою шепталась,
О блаженстве говоря.
А за Морем пробуждалась
Розоперстая заря.

XXVI

* * *

Ветер перелетный обласкал меня
И шепнул печально: «Ночь сильнее дня».
И закат померкнул. Тучи почернели.
Дрогнули, смутились пасмурные ели.

И над темным морем, где крутился вал,
Ветер перелетный зыбью пробежал.

Ночь царила в мире. А меж тем далеко,
За морем зажглося огненное око.

Новый распустился в небесах цветок,
Светом возрожденным заблистал Восток.
Ветер изменился, и пахнул мне в очи,
И шепнул с усмешкой: «День сильнее ночи».

XXVII
РУЧЕЙ

(с восточного)

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
Пусть ты скован цепями суровой зимы,
Скоро вспыхнет весна, запоешь ты звончей,
На заре, под покровом немой полутьмы.

И свободный от мертвых бездушных оков,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный сладостный зов
Вольный отклик послышится в чаще лесной.

И, под шелест листка, ветерка поцелуй
Заволнует твою белоснежную грудь,
И застенчивым лилиям в зеркало струй
На себя будет любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится под лаской лучей,
И бесследно растают оковы зимы.
Что ж ты плачешь, скорбящий звенящий ручей,
Что ж ты рвешься так страстно из темной тюрьмы?

XXVIII

* * *

Утомленное Солнце, стыдясь своего утомленья,
Раскрасневшийся лик наклонило и скрыло за лесом,
Где чуть дышит, чуть шепчет в ветвях ветерка дуновенье,
Где листва чуть трепещет в лучах изумрудным навесом.

Распростертую Землю ласкало дневное Светило,
И ушло на покой, но Земля не насытилась лаской,
И с бледнеющим Месяцем Солнцу она изменила,
И любовь их зажглась обольстительной новою сказкой.

Вся небесная даль озарилась улыбкой стыдливой,
На фиалках лесных заблистали росою слезинки,
Зашепталась речная волна с серебристою ивой,
И, качаясь на влаге, друг другу кивали кувшинки.

XXIX
ЗВУКИ ПРИБОЯ

Как глух сердитый шум
Взволнованного Моря!
Как свод Небес угрюм,
Как бьются тучи, споря!

О чем шумит волна,
О чем протяжно стонет?
И чья там тень видна,
И кто там в Море тонет?

Гремит морской прибой,
И долог вой упорный:
«Идем, идем на бой,
На бой с Землею черной!

Разрушим грань Земли,
Покроем все водою!
Внемли, Земля, внемли,
Наш крик грозит бедою!

Мы все зальем, возьмем,
Поглотим жадной бездной,
Громадой волн плеснем,
Взберемся в мир надзвездный!»

«Шуми, греми, прибой!»
И стонут всплески смеха.
«Идем, идем на бой!» —
«На бой» — грохочет эхо.

XXX
МОРСКОЕ ДНО
Сонет

С морского дна безмолвные упреки
Доносятся до ласковой Луны —
О том, что эти области далеки
От воздуха, от вольной вышины.

Там все живет, там звучен плеск волны,
А здесь на жизнь лишь бледные намеки,
Здесь вечный сон, пустыня тишины,
Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вот Луна, проснувшись в высоте,
Поит огнем кипучие приливы,
И волны рвутся к дальней Красоте.

Луна горит, играют переливы, —
Но там, под блеском волн, морское дно
По-прежнему безжизненно-темно.

XXXI
* * *

Е. Н. Лисагоровской

Кто это ходит в ночной тишине,
Кто это бродит при бледной Луне?

Сонные ветви рукою качает,
Вздохом протяжным на вздох отвечает.

Кто над немою дремою стоит,
Влажным дыханием травы поит?

Чье это видно лучистое око —
Ближе и ближе — и снова далеко?

Слышно, как старые сосны шумят,
Слышен гвоздики ночной аромат.

В сонном болоте знакомые травы
Больше не дышут дыханьем отравы.

Тише! Останься, помедли со мной!
Кто ты, — не знаю, о, призрак ночной.

Сладко с тобой под Луною встречаться,
С призраком — призраком легким качаться.

Что же ты вновь убегаешь, скользя, —
Или нам ближе обняться нельзя?

Или подвластны мы чарам запрета
В царстве холодного лунного света?

Кто ж это гонится там за тобой? —
Призрак сверкает блестящей стопой.

Легким видением тень убегает, —
Только на небе зарница мелькает.

XXXII
ОСТРОВ ЦВЕТОВ

Графине Е. Н. Толстой

Жемчужина морей,
Цветущий Остров дремлет,
И в пышности своей
Волнам влюбленным внемлет.

Над ним — простор Небес,
Кругом — пустыня Моря,
На нем зеленый лес
Шумит, прибою вторя.

Здесь нет людских следов,
Здесь легкий ветер веет,
Он чашечки цветов
Дыханием лелеет.

Безмолвные цветы —
Властители пространства,
И жаждой красоты
Живет цветов убранство.

И вот за гранью гор
Встает дворец Востока, —
Украшен трав ковер
Цветами златоока.

И снова в свой черед
Вздохнет Закат усталый,
И берег вновь цветет,
Лазурный, желтый, алый.

Проходит жизнь как сон,
Рассвет, как прежде, пышен,
Полет седых времен
Над Островом не слышен.

Лучи с Небес глядят,
И кроток свет Заката,
Цветы лучам кадят
Струями аромата.

Кадильница морей,
Цветами Остров дышит,
А ветер сеть ветвей
Колышет и колышет.

XXXIII
ТУМАНЫ

Туманы таяли и вновь росли над лугом,
Ползли, холодные, над мертвою травой,
И бледные цветы шепталися друг с другом,
Скорбя застывшею листвой.

Они хотели жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, гореть, лелеять аромат,
Любиться с пчелами, дрожать под мотыльками,
Из мира сделать пышный сад.

Они изнемогли под сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходит слишком рано,
Что поздно вспыхнут краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушным кораблем повисли над землей.
И ветры буйные, смеясь, его качали,
И свет боролся с тусклой мглой.

Все жарче день пылал сверкающим приветом,
Холодный круг земли дыханьем горяча, —
И облако зажглось, пронизанное светом
Непобедимого луча!

XXXIV
ЧАХЛЫЕ СОСНЫ

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
Ветер в пролетах свистит от стены до стены.

Таинство жизни трепещет средь мертвых камней,
Что-то забилось, как будто бы тени теней.

Чахлые сосны растут на отвесной стене,
Шепчут под Солнцем, и зябнуть при тусклой Луне.

Хочется соснам на горную высь посягнуть:
Цепкие корни въедаются в твердую грудь.

Скупо их кормят бездушные глыбы скалы.
С жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлые сосны без влаги растут и растут.
Чахлые сосны к Лазури дорогу найдут!

ЛЮБОВЬ И ТЕНИ ЛЮБВИ

Amore e'l cor gentil sono una cosa.

Dante

Воспоминанье граничит с раскаяньем.

Бальмонт

I

* * *

В пустыне безбрежного Моря
Я остров нашел голубой,
Где, арфе невидимой вторя,
И ропщет и плачет прибой.

Там есть позабытая вилла,
И, точно видение, в ней
Гадает седая Сибилла,
В мерцаньи неверных огней.

И тот, кто взойдет на ступени,
Пред Вещей преклонится ниц, —
Увидит поблекшие тени
Знакомых исчезнувших лиц.

И кто, преклоняясь, заметит,
Как тускло змеятся огни,
Тот взглядом сильней их засветит, —
И вспомнит погибшие дни.

И жадным впиваяся взором
В черты бестелесных теней,
Внимая беззвучным укорам,
Что бури громовой слышней, —

Он вскрикнет, и кинется страстно
Туда, где былая стезя...
Но тени пройдут безучастно,
И с ними обняться — нельзя.

II
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В царстве света, в царстве тени, бурных снов и тихой лени,
В царстве счастия земного и небесной красоты,
Я всем сердцем отдавался чарам тайных откровений,
Я рвался душой в пределы недоступной высоты,
Для меня блистало Солнце в дни весенних упоений,
Пели птицы, навевая лучезарные мечты,
И акации густые и душистые сирени
Надо мною наклоняли белоснежные цветы.

Точно сказочные змеи, бесконечные аллеи
Извивались и сплетались в этой ласковой стране,
Эльфы светлые скликались, и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей Луне,
И с улыбкою богини, с нежным профилем камеи,
Чья-то тень ко мне бесшумно наклонялась в полусне,
И зардевшиеся розы и стыдливые лилеи
Нашу страсть благословляли в полуночной тишине.

III
НОЧЬ

Скоро на небе Месяц проглянет.
Листья застыли. Время уснуть.
Ночь пронесется. Утро настанет.
Снова забота сдавит нам грудь.

Птички замолкли. Друг бесприютный,
Птички заснули, — что ж ты не спишь?
Сердцем отдайся грезе минутной.
В Небе глубоком звездная тишь.

Скоро двурогий Месяц засветит.
Слышишь, как дышит, шепчет сирень?
Сумрак полночный мыслям ответит.
Тьма нас ласкает. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишь — мы рядом.
Будем друг друга тихо любить.
Что же ты смотришь горестным взглядом?
Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чем обманут,
Встало волною, плещется в грудь.
Звезды светить нам дважды не станут.
Ночь убывает. Снов не вернуть.

Серая чайка плачет над морем.
В Небе свинцовом тусклая мгла.
Ах, не расстаться с тягостным горем!
Где же мы были? Ночь уж прошла.

IV
БАЮШКИ-БАЮ

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вечно молчаливая.
    Я тебе спою
    Баюшки-баю.
С радостью свидания
К нам идут страдания,
Лучше — отречение,
Скорбь, самозабвение.
    Счастия не жди,
    В сердце не гляди.
В жизни кто оглянется,
Тот во всем обманется,
Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
    Жизнь проспать свою.
    Баюшки-баю.
Где-то море пенится,
И оно изменится,
Утомится шумное,

Шумное, безумное.
    Будет под Луной
    Чуть дышать волной.
Спи же, спи, печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птичка боязливая.
    Я тебе пою
    Баюшки-баю.

V

*
* *

Не могу я забыть неотступный укор,
Что застыл в глубине неподвижных очей,
Он повсюду со мной, этот мертвенный взор,
И в сиянии дня, и в молчаньи ночей.

Всюду вижу ее, хоть ее уже нет,
С кем когда-то восторг и страданье делил,
Ту, в чьем сердце всегда находил я ответ,
Ту, кого я ласкал, и, лаская, убил.

Сколько раз я внимал рокотанью морей,
Сколько раз уходил в безмятежие гор,
Но во мраке ночном и в сияньи лучей
Пред собой я встречал укоризненный взор.

Всюду вижу как сон — запрокинутый труп,
Он молчит, он живет выраженьем лица,
И усмешкой немой исказившихся губ
Он со мной говорить — говорит без конца.

VI

*
* *

День за днем ускользает несмело,
Ночи стелют свой черный покров.

Снова полночь немая приспела,
Слышен бой колокольных часов.

Гулкий звон разрастается, стонет,
Заунывным призывом звучит,
И в застывшем безмолвии тонет, —
И пустынная полночь молчит.

Медный говор так долго тянулся,
Что, казалось, не будет конца.
И как будто вдали улыбнулся
Милый очерк родного лица.

И забылся весь ужас изгнанья,
Засветился родимый очаг...
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мрак.

Дверь открылась и снова замкнулась,
Луч блеснул, и его не видать, —
И бессильно в груди шевельнулось
То, чему не бывать, не бывать.

VII

* * *

Мы шли в золотистом тумане,
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом Океане,
Как тонут во мгле корабли.

Нам снились видения Рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользающим взглядом
К пределам безвестной земли,

Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремяся от влаги к земле —
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

VIII
ОАЗИС

Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты Луною зажглась золотой,
И тебе, недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой.

Я решился в желании смелом
По кремнистой дороге идти
И не медлить нигде на пути,
Ты казалась мне высшим пределом,
За который нельзя перейти.

И потом... О, какое мученье!
К недоступному доступ найден.
Я как жалкий ребенок смущен.
Где любовь, где восторг упоенья?
Все прошло, ускользнуло, как сон.

Я мечты отдавал не богине,
Ты — все, ты — земля на земле,
Я один в удушающей мгле.
Я очнулся в бесплодной пустыне,
Я проснулся на жесткой скале.

IX

* * *

Колеблются стебли зеленой долины,
Их красит цветов разноцветный убор.
А справа и слева дымятся вершины,
Дымятся вершины торжественных гор.

Я бросил свой дом, он исчез за горами,
Оставил навеки родную семью.
Под Небом глубоким с его облаками.
Меж гор многоснежных, в раздумьи стою.

Я жду, чтобы брызнули краски рассвета,
Чтоб легкий от гор удалился дымок.
Но в сердце напрасно ищу я ответа,
Где Запад и Север, где Юг и Восток.

Я жду. Все воздушней оттенки Лазури.
Над сонной долиной — немой полусвет.
Бледнеют обрывки умолкнувшей бури.
И вот загорается где-то рассвет.

Блеснули цветы пробужденной долины.
В небесном пространстве заискрился день.
Но с левой горы, с недоступной вершины,
Легла на меня исполинская тень.

Я стал удаляться от тени угрюмой,
Но тень, вырастая, скользила за мной.
Долина блистала смеющейся думой,
А я был преследуем тьмою ночной.

И вспыхнул закат перламутрово-алый,
За горы склонялся задумчивый день,
До новой горы доходил я, усталый,
И с правой горы опрокинулась тень.

И тени слились. И заря догорела.
И горы окутались в сумрак ночной.
С вершины к вершине, протяжно, несмело,
Пророчества духов неслись надо мной.

X

*
* *

В молчаньи забывшейся ночи
Уснул я при бледной Луне,
И странно-знакомые очи
Во сне наклонялись ко мне.

И странно-печальные речи
Я слышал смущенной душой,
И знал, что дождался я встречи
С родной, отдаленно-чужой.

И вот белоснежные крылья
Растут и дрожат в полусне,
И плавно, легко, без усилья,
Мы близимся к бледной Луне.

И чье-то остывшее тело
Внизу разглядеть я хочу.
Но нет для бессмертья предела,
Я выше, все выше лечу!

XI

*
* *

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня.

Был и я когда-то счастлив. Верил и любил.
Но когда и где, не помню. Все теперь забыл.

С кем я жизнь свою размыкал? И зачем, зачем?
Сам не знаю. В сердце пусто. Ум бессильный нем.

Дождь струится беспощадный. Ветер бьет в окно.
Смех беспечный стих и замер — далеко, давно.

Для чего ж ты вновь со мною, позабытый друг?
Точно тень, встаешь и манишь. Но темно вокруг.

Мне не нужен запоздалый, горький твой привет.
Не хочу из тьмы могильной выходить на свет.

Нет в душе ни дум, ни звуков. Нет в глазах огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

XII
ТРИОЛЕТЫ

1

Твоя застенчивая нежность —
В земле сокрытый водопад,
В ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застенчивая нежность —
Растущей тучи безмятежность,
Цветов несмятых аромат.
Твоя застенчивая нежность —
Готовый вспыхнуть водопад.

2

Немая царственная вечность
Для вас зажгла свои огни,
Любви блаженства и беспечность.
Немая царственная вечность
Вас увлекает в бесконечность,
И в целом мире — мы одни:
Немая царственная вечность
Для нас зажгла свои огни.

3

Любви цветок необычайный,
Зачем так рано ты поблек!
Твое рожденье было тайной,
Любви цветок необычайный,
Ты мне блеснул мечтой случайной,
И я, как прежде, одинок.
Любви цветок необычайный,
Зачем так рано ты поблек!

4

Ты промелькнула, как виденье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, как виденье,
И мне осталось сожаленье,
И поздней мудрости змея.
Ты промелькнула, как виденье,
О, юность быстрая моя!

XIII
РУСАЛКИ

Мы знаем страсть, но страсти не подвластны.
Красою наших душ и наших тел нагих
Мы только будим страсть в других,
А сами холодно-бесстрастны.

Любя любовь, бессильны мы любить.
Мы дразним и зовем, мы вводим в заблужденье,
Чтобы напиток охлажденья
За знойной вспышкой жадно пить.

Наш взгляд глубок и чист, как у ребенка.
Мы ищем Красоты и мир для нас красив,
Когда, безумца погубив,
Смеемся весело и звонко.

И как светла изменчивая даль,
Когда любовь и смерть мы заключим в объятье,
Как сладок этот стон проклятья,
Любви предсмертная печаль!

XIV
ПОЗДНО
Два сонета

1

О, если б кто-нибудь любил меня, как ты,
В те дни далекие предчувствий и печали,
Когда я полон был дыханьем красоты,
И гимны ангелов заоблачных звучали.

На думы тайные мне тучки отвечали,
Луна сочувственно глядела с высоты,
Но струны лучшие в душе моей молчали,
И призрак женщины смутил мои мечты.

И призрак женщины склонялся надо мною.
Я жаждал счастия. Но призрак изменял.
И много дней прошло. Ты встретилась со мною.

Я полюбил тебя. Но точно бурный вал,
Предвестник гибели, какой-то голос грозно
Гремит насмешкою и вторит: «Поздно! Поздно!»

2

С неверным спутником — непрочным челноком —
Пристал я к берегу и ждал успокоенья.
Увы, я опоздал, застигнут был врагом:
Гремучий вал скользил, дрожал от нетерпенья.

Прилива жадного кипучее волненье
Окутало меня. За легким ветерком

Нахлынула гроза, и силою теченья
Я схвачен, унесен, лежу на дне морском.

Я в Море утонул. Теперь моя стихия —
Холодная вода, безмолвие, и мгла.
Вокруг меня кишат чудовища морские.

Постелью служит мне подводная скала,
Подводные цветы цветут без аромата.
И к звездам нет пути, и к Солнцу нет возврата.

XV
АРГУЛИ

Слушай! Уж колокол плачет вдали.
Я умираю.
Что мне осталось? Прижаться лицом к Аргули!
Точно свеча, я горю и сгораю.

Милый мой друг.
Если бездушная полночь свой сумрак раскинет вокруг,
Голосу друга умершего чутко внемли,
Сердцем задумчиво-нежным
Будешь ты вечно моею, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека от земли, и крылом белоснежным
Вечно скользи
В чистых пределах небесной стези.
Мыслям отдайся безбрежным,
Плачь и мечтай,
Прочь от враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинам холодным и снежным,
Взор навсегда обратить к Красоте,
Лучше страдать, но страдать на такой высоте,
Духом мятежным
Так унестись, чтоб земля чуть виднелась вдали.
О, моя птичка! Моя Аргули!

XVI
МЭРИ
Сонет

Когда в глухой тиши старинного музея,
Исполненный на миг несбыточной мечты,
Смотрю на вечные созданья красоты,
Мне кажется живой немая галерея.

И пред Мадоннами душой благоговея,
Я вижу много в них священной простоты,
И в книге прошлого заветные листы
Читаю я один, волнуясь и бледнея.

Так точно близь тебя душою я постиг,
Что можно пережить века в единый миг,
Любить и тосковать, о том сказать не смея,

И выразить всех чувств волшебных не умея, —
Я вечной Красоты в тебе познал родник,
Мечта художника, безмолвная камея.

XVII
* * *

Слова смолкали на устах,
Мелькал смычек, рыдала скрипка,
И возникала в двух сердцах
Безумно-светлая ошибка.

И взоры жадные слились
В мечте, которой нет названья,
И нитью зыбкою сплелись,
Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возростала,
И скрипка, точно слившись с ней,
Дрожала, пела, и рыдала.

XVIII
ТРУБАДУР

Мадонна, солнце между звезд, мадонн прекрасных
украшенье,
Ты в сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть
и возрожденье.
Как саламандра, я горю в огне любви, но не сгораю,
Как лебедь, песню я пою, и после песни умираю.

Мадонна, цвет среди цветов, среди красавиц украшенье,
Тебе — мой вздох, тебе — мой стих, нежней, чем утра
дуновенье.
Как феникс, я хочу сгореть, чтобы восстать преображенным,
И для мадонны умереть, в для мадонны жить влюбленным.

XIX
СЛОВА ЛЮБВИ

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожать, они алмазны,
Как в час предутренний — звезда,
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доныне,
И будут первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной,
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

XX

* * *

Смешались дни и ночи,
Едва гляжу на свет,
Видений ищут очи,
Родных видений нет.

Все то, чему смеялась
Влюбленная душа,
К безвестному умчалось,
И плача, и спеша.

Поблекли маргаритки,
Склонив головки вниз,
И липкие улитки
На листьях собрались.

И если предо мною,
Над лоном сонных вод,
Бессмертною Луною
Блистает небосвод, —

Мне кажется, что это
Луна погибших дней,
И в ней не столько света,
Как скорби и теней.

И если ветер злится,
И если дождь идет,
Моя душа томится
И странно счастья ждет.

И плачут, плачут очи,
И Солнца больше нет,
Смешались дни и ночи,
Слились и тьма, и свет.

XXI
БЕАТРИЧЕ
Сонет

Я полюбил тебя, лишь увидал впервые.
Я помню, шел кругом ничтожный разговор,
Молчала только ты, и речи огневые,
Безмолвные слова мне посылал твой взор.

За днями гасли дни. Уж год прошел с тех пор.
И снова шлет Весна лучи свои живые,
Цветы одели вновь причудливый убор.
А я? Я все люблю, как прежде, как впервые.

И ты по-прежнему безмолвна и грустна,
Лишь взор твой искрится и говорит порою.
Не так ли иногда владычица-Луна

Свой лучезарный лик скрывает за горою, —
Но и за гранью скал, склонив свое чело,
Из тесной темноты она горит светло.

XXII

* * *

Отчего нас всегда опьяняет Луна?
Оттого, что она холодна и бледна.
Слишком много сиянья нам Солнце дает,
И никто ему песни такой не споет,
Что к Луне, при Луне, между темных ветвей,
Ароматною ночью поет соловей.

Отчего между женщин нам дороги те,
Что бесстрастны в победной своей красоте?
Оттого, что в волшебной холодности их
Больше скрытых восторгов и ласк огневых,
Чем в сиянии щедрой покорной мечты,
Чем в объятьях доступной для нас красоты.

XXIII
ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ

1

Печальные глаза, изогнутые брови,
Какая властная в вас дышит красота!
Усмешкой горькою искажены уста.

Зачем?
            Так глубоко волнуешь ты и манишь, —
И страшной близости со мной достигнув, — вдруг
Ты изменяешься. И вновь темно вокруг.
Ты вновь чужая мне. Зачем?
Я умираю.
Что значит этот смех? Что значить этот взгляд?
Глядят так ангелы? Так духи тьмы глядят?

2

Черноглазая лань, ты глядишь на меня,
И во взоре твоем больше тьмы, чем огня.

Не гляди. Погляди. От любви я умру.
Я люблю этих глаз роковую игру.

Что мне жизнь! Все забыл, все утратил любя.
Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этих глаз не понять.
Подожди! Подожди! Дай хоть взглядом обнять!

XXIV

* * *

Я боюсь, что любовью кипучей
Я, быть может, тебя оскорбил.
Милый друг, это чувство нахлынуло тучей,
Я бороться не мог, я тебя полюбил.
О, прости! Точно сказкой певучей,
Точно сном зачарован я был.

Я уйду, и умрут укоризны,
И ты будешь одна, холодна.
Только скорбной мольбой замолкающей тризны
Донесется к тебе песнопений волна.
Точно песни забытой отчизны,
Точно вздох отлетевшего сна.

XXV
НОЧНЫЕ ЦВЕТЫ

В воздухе нежном прозрачного мая
Дышет влюбленность живой теплоты:
В легких объятьях друг друга сжимая,
Дышут и шепчут ночные цветы.

Тени какие-то смутно блуждают,
Звуки невнятные где-то звенят,
В воздухе тают, и вновь возрастают,
Льется с цветов упоительный яд.

То не жасмин, не фиалки, не розы,
То не застенчивых ландышей цвет,
То не душистый восторг туберозы, —
Этим растеньям названия нет.

Только влюбленным дано их увидеть,
С ними душою весь мир позабыть,
Тем, что не могут друг друга обидеть.
Тем, что умеют ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
Если тебя я забыться молю,
Это — дыханье прозрачного Мая,
Это — тебя я всем сердцем люблю.

Если виденья в душе пролетают.
Если ты жаждешь и ждешь Красоты, —
Это вблизи где-нибудь расцветают,
Где-нибудь дышут — ночные цветы.

XXVI
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Легкий ветер присмирел,
Вечер бледный догорел,
С неба звездные огни

Говорят тебе: «Усни!»
Не страшись перед Судьбой,
Я как няня здесь с тобой
Я, как няня здесь пою:
«Баю-баюшки-баю».

Тот, кто знает скорби гнет,
Темной ночью отдохнет,
Все, что дышит на Земле,
Сладко спит в полночной мгле,
Дремлют птички и цветы,
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здесь пропою:
«Баю-баюшки-баю».

XXVII

* * *

Засветилася лампада
Пред иконою святой.
Мир далекий, мир-громада,
Отлетел, как сон пустой.

Мы в тиши уединенной.
Час, когда колокола
Будят воздух полусонный,
Час, когда прозрачна мгла.

Ласка этой мглы вечерней
Убаюкивает взгляд,
И уколы жгучих терний
Сердце больше не язвят.

Помолись в тиши безмолвной
Пред иконою святой,
Чтобы мир, страданьем полный,
Вспыхнул новою мечтой.

Помолись со мной, родная,
Чтобы жизнь светлей прошла,

Чтобы нас стезя земная
Вместе к гробу привела.

Над пучиной неизвестной
Пусть мы склонимся вдвоем,
Пусть чудесный гимн небесный
Вместе Богу мы споем.

XXVIII.
ЛУННЫЙ ЛУЧ

Я лунный луч, я друг влюбленных.
Сменив вечернюю зарю,
Я ночью ласково горю,
Для всех, безумьем озаренных,
Полуживых, неутоленных;
Для всех тоскующих, влюбленных,
Я светом сказочным горю,
И о восторгах полусонных
Невнятной речью говорю.

Мой свет скользит, мой свет змеится,
Но я тебе не изменю,
Когда отдашься ты огню,
Тому огню, что не дымится,
Что в тесной комнате томится.
И все сильней гореть стремится —
Наперекор немому дню.
Тебе, в чьем сердце страсть томится,
Я никогда не изменю.

XXIX

* * *

Пред рассветом дремлют воды,
Дремлет сумрак молчаливый,
Лик застенчивой Природы
Дышит ласкою стыдливой.

Но постой — вдали зажгутся,
Вспыхнут полосы огня,
Воды шумно разольются,
И сверкая, и звеня.

Так и ты молчишь бесстрастно,
Нет в душе твоей порыва,
Ты застенчиво-прекрасна,
Ты чарующе-стыдлива.
Но настанет пробужденье,
Новым чувством вспыхнет взгляд,
«Возрожденье! Возрожденье!» —
Струны сердца зазвенят.

XXX
ЭЛЬЗИ

Эльзи! Красавица горной Шотландии!
Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный луч проскользнул через высокое окно.
Лунный лик потерялся за сетью развесистых елей.
Как прекрасен полуночный час!
Как прекрасна любовь в тишине полуночи!
Эльзи, слушай меня.
Я тебе нашепчу мимолетные чувства,
Я тебе нашепчу гармоничные думы,
Каких ты не знала до этой минуты, вдали от меня,
Не знала, когда над тобою шептались
Родимые сосны далекой Шотландии.
Не дрожи и не бойся меня.
Моя любовь воздушна, как весеннее облачко,
Моя любовь нежна, как колыбельная песня.

Эльзи, как случилось, что мы с тобою вдвоем?

Здесь, среди Скандинавских скал,
Нас ничто не потревожит.
Никто не напомнит мне

О печальной России,
Никто не напомнит тебе
О туманной Шотландии.
В этот час лунных лучей и лунных мечтаний
Мы с тобою похожи на двух бестелесных эльфов,
Мы как будто летим все выше и выше, —
И нет у меня родины, кроме тебя,
И нет у тебя родины, кроме меня.

Как странно спутались пряди
Твоих золотистых волос,
Как странно глядят
Твои глубокие и темные глаза!
Ты молчишь, как русалка.
Но много говорит мне
Твое стыдливое молчание.
Знойные ласки сказали бы меньше.
И зачем нам ласки,
Когда мы переполнены счастьем,
Когда сквозь окно
Для вас горят своими снегами высоты Ронданэ,
И смутное эхо
Вторит далекому говору
Седых водопадов,
И угрюмый горный король
Своей тяжелой стопою будит уснувшие ели.

Я не сжимаю твоей руки в моей руке,
Я не целую твоих губ.
Но мы с тобою два цветка одной и той же ветви,
И наши взоры говорят на таком языке,
Который внятен только нашим душам.

Хочешь, — расскажу тебе старую сагу.
Хочешь, — спою тебе песню.
Здесь, под Северным небом,
Я против воли делаюсь скальдом,
А скальды, — ты знаешь, —
Могли петь свои песни каждый миг.
Будь же моей Торбьёрг Кольбрун,

Будь моей вдохновительницей.
Смотри, перед тобою твой — твой певец,
Торнодд Кольбрунарскадьд.

Уж я слышу звуки незримых голосов,
Трепетанье струн нездешней арфы.
Пусть будет моя песня воздушна, как чувство любви,
Легка как шелест камышей,
И если в ней будет
Хоть капля того яда,
Которым я был когда-то отравлен, —
Да не коснется он тебя.

Слушай, Эльзи.

В час ночной, во мгле туманной, где-то там за синей далью,
Убаюканная ветром, озаренная Луной,
Изгибаяся красиво, наклоняяся с печалью,
Шепчет плачущая ива с говорливою волной.
И томительный, и праздный, этот шопот бесконечный.
Этот вздох однообразный над алмазною рекой
Языком своим невнятным, точно жалобой сердечной,
Говорит о невозвратном с непонятною тоской.
Говорит о том, что было, и чего не будет снова.
Что любила, разлюбила охладевшая душа,
И, тая в очах слезинки, полны жаждой неземного.
Белоснежные кувшинки задремали, чуть дыша.
И отравлен скорбью странной, уязвлен немой печалью,
В миг туманный, в миг нежданный, ум опять живет былым,
Где-то там, где нет ненастья, где-то там за синей далью,
Полон счастья сладострастья пред виденьем неземным.

Что с тобой, моя Эльзи? Ты спишь?
Нет, не спишь?
Отчего ж ты закрыла глаза?
Что ж ты так побледнела?

Лунный лик засверкал
Из-за сети уснувших развесистых елей.
Лунный луч задрожал

На твоем, побледневшем от страсти, лице.
Эльзи, Эльзи, я здесь, я с тобой!
Я люблю тебя! —
Эльзи!

XXXI

* * *

В стыдливости немой есть много красоты:
Полурасцветшие цветы
Внушают нам любовь и нежное участье,
И девственной Луны пленительна мечта.

Но есть иная красота:
Души влюбленной сладострастье.
Пред этой чудной вспышкой счастья
Полубожественного сна,
Стыдливость чуть горит воспоминаньем бледным,
Как потускневшая Луна
Пред Солнцем пышным и победным.

XXXII
НЕПОПРАВИМОЕ

М. А. Дурнову

Прекрасен полуночный час для любовных свиданий,
Ужасен полуночный час для бездомных теней.
Как сладко блаженство объятий и страстных рыданий,
И как безутешна печаль о возможном несбывшихся дней!
Прекрасен полуночный час для любовных свиданий.

Земля не устанет любить, и любить без конца.
Промчатся столетья и будут мгновеньем казаться,
И горькие слезы польются, польются с лица,
И тот не устанет рыдать, кто любви был бессилен отдаться,
А мир будет вечно любить, и любить без конца.

Франческа, Паоло, воздушные нежные тени,
Вы свято любили, и светит вам нежность в Аду.
Но горе тому, кто замедлил на первой ступени,
Ктоввериться снам не посмел и всю жизнь протомился
в бреду.
Франческа, Паоло, в несчастьи счастливые тени!

XXXIII

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты — Солнце во мраке ненастья,
Ты — жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозой опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.

За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступленья —
Тебя я хочу!

XXXIV

* * *

Был покинут очаг. И скользящей стопой
На морском берегу мы блуждали с тобой.

В Небесах перед нами сверкал Скорпион,
И преступной любви ослепительный сон

Очаровывал нас все полней и нежней
Красотой содрогавшихся ярких огней.

Сколько таинства было в полночной тиши!
Сколько смелости в мощном размахе души!

Целый мир задремал, не вставала волна,
Нам никто не мешал выпить чашу до дна.

И как будто над нами витал Серафим,
Покрывал нас крылом белоснежным своим.

И как будто с Небес чуть послышался зов,
Чуть послышался зов неземных голосов.

«Нет греха в тех сердцах, что любовь пьют до дна,
Где любовь глубока — глубока и полна.

«Если ж стынет очаг, пусть остынет совсем,
Тот, в ком чувство молчит, пусть совсем будет нем».

И от прошлого прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше с тобой.

В Небесах потускнел, побледнел Скорпион,
И пурпурной зарей был Восток напоен.

И пурпурной зарей озарился весь мир:
Просветленной любви он приветствовал пир.

XXXV
Я ЖДУ

Уж ночь зажигает лампады
Пред лицом пресветлым Творца.
Пленителен ропот прохлады,
И водная даль — без конца.

Мечта напевает мне, вторя:
«Мой милый, желанный... Приду!»
Над синею влагою Моря,
В ладье легкокрылой я жду.

Я жду, и заветное слово
«Люблю» повторяю, любя,

И все, что есть в сердце святого,
Зовет, призывает тебя.

Приди, о, любовь золотая,
Простимся с добром и со злом,
Все Море от края до края
Измеряем быстрым веслом.

Умчимся с тобой в бесконечность,
К дворцу сверхземной Красоты,
Где миг превращается в вечность,
Где «я» превращается в «ты».

Хочу несказанных мгновений,
Восторгов безумно святых,
Признаний, любви, песнопений
Нетронутых струн золотых.

Тебе я отдам безвозвратно
Весь пыл вдохновенной души,
Чем жизнь как цветок ароматна,
Что дышит грядущим в тиши.

С тобою хочу я молиться
Светилам нездешней страны,
Обняться, смешаться, и слиться
С тобой, как с дыханьем Весны.

С тобою как призрак я буду,
Как тень за тобою пойду,
Всегда, неизменно, повсюду...
Я жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМ

Immer weiter.
Goethe

I

* * *

Восходящее Солнце, умирающий Месяц,
Каждый день я люблю вас и жду.
Но сильнее, чем Месяц, и нежнее, чем Солнце,
Я люблю Золотую Звезду.

Ту звезду золотую, что мерцает стыдливо
В предрассветной мистической мгле,
И в молчаньи вечернем, холодна и прекрасна,
Посылает сияние Земле.

Тем, кто днем утомился и враждой и заботой,
Этот блеск о любви говорит,
Для того, кто во мраке тосковал беспросветно,
Он с высот championed упованьем горит.

Оттого так люблю я ту Звезду-Чаровницу:
Я живу между ночью и днем,
От нее мое сердце научилося брезжить
Не победным, но нежным огнем.

II
ДАНТЕ
Видение

Пророк, с душой восторженной поэта,
Чуждавшейся малейшей тени зла,
Один, в ночной тиши, вдали от света,
Молился он, — и Тень к нему пришла.

Святая Тень, которую увидеть
Здесь на земле немногим суждено.

Тем избранным с ней говорить дано,
Что могут бескорыстно ненавидеть
И быть всегда — с Любовью заодно.

И долго Тень безмолвие хранила,
На Данте устремив пытливый взор.
И вот, вздохнув, она заговорила,
И вздох ее речей звучал уныло,
Как ветра шум среди угрюмых гор.

«Зачем зовешь? Зачем меня тревожишь?
Тебе одно могу блаженство дать,
Ты молод, ты понять его не можешь:
Блаженство за других душой страдать.
Тот путь суров. Пустынею безлюдной
Среди песков он странника ведет.
Достигнет ли изгнанник цели чудной —
Иль, не дойдя, бессильно упадет?
Осмеянный глухой толпой людскою,
Ты станешь ненавидящих любить,
Питаться будешь пламенной тоскою,
Ты будешь слезы собственные пить.
И холодна, как лед, людская злоба!
Пытаясь тщетно цепи тьмы порвать,
Как ложа ласк, ты будешь жаждать гроба,
Ты будешь смерть, как друга, призывать!»

И отвечал мечтатель благородный:
«Не страшен мне бездушной злобы лед,
Любовью я согрею мрак холодный.
Я в путь хочу! Хочу идти вперед!»
И долго Тень безмолвие хранила,
Печальна и страдальчески-бледна.
И в Небесах, из темных туч, уныло
Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тень:

«Себя отринуть,
Себя забыть — избраннику легко.
Но тех, с кем жизнь связал, навек покинуть,

От них уйти куда-то далеко, —
Навек со всем, что дорого расстаться,
Оставить свой очаг, жену, детей,
И много дней, и много лет скитаться,
В чужой стране, среди чужих людей, —
Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
И пусть тебе отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,
Она тебя отвергнет, как врага!
Придет ли день, ты будешь жаждать ночи,
Придет ли ночь, ты будешь ждать утра,
И всюду зло, и нет нигде добра,
И скрыть нельзя заплаканные очи!
И ты поймешь, как горек хлеб чужой,
Как тяжелы чужих домов ступени,
Поднимешься — в борьбе с самим собой,
И вниз пойдешь — своей стыдяся тени.
О, ужас, о, мучительный позор:
Выпрашивает милостыню — Гений!»

И Данте отвечал, потупя взор:
«Я принимаю бремя всех мучений!»

. . . .

И Тень его отметила перстом,
И вдруг ушла, в беззвучии рыдая,
И Данте в путь пошел, изнемогая
Под никому невидимым крестом.

III
ПОГИБШИЙ

Два отрывка из поэмы

1

Уж ночь. Калитка заперта.
Аллея длинная пуста.

Окован бледною Луной,
Весь парк уснул во мгле ночной.

Весь парк не шелохнет листом.
И заколдован старый дом.

Могильны окна, лишь одно
Мерцаньем свеч озарено.

Не спят — изгнанник средь людей,
И мысли друг, — и враг страстей.

Он в час любви, объятий, снов
Читает книги мудрецов.

Он слышит, как плывет Луна,
Как дышет, шепчет тишина.

Он видит в мире мир иной,
И в нем живет он час ночной.

Тот мир — лишь в нем, и с ним умрет,
В том мире светоч он берет.

То беглый свет, то краткий свет,
Но для него забвенья нет.

2

Помогите! помогите! Я один в ночной тиши.
Целый мир ношу я в сердце, но со мною ни души.

Для чего кровавым потом обагряется чело?
Как мне тяжко! Как мне душно! Вековое давит зло!

Помогите! помогите! Но никто не внемлет мне.
Только звезды, улыбаясь, чуть трепещут в вышине.

Только лик Луны мерцает, да в саду, среди вершин,
Шепчет Ветер перелетный: Ты один — один — один.

IV
ТРИ СОНЕТА

1. ВОПРОС

Меня пленяет все: и свет, и тени,
И тучи мрак, и красота цветка,
Упорный труд, и нега тихой лени,
И бурный гром, и шопот ручейка.

И быстрый бег обманчивых мгновений,
И цепь событий, длящихся века;
Во всем следы таинственных велений,
Во всем видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой ум не может: —
Зачем Господь в борьбе нам не поможет,
Не снимет с нас тернового венца?

Зачем Он создал смерть, болезнь, страданье,
Зачем Он дал нам жгучее желанье —
Грешить, роптать, и проклинать Творца?

2. ОТКЛИК

Кто там вздыхает в недрах темной бездны?
Чьи слезы льются скорбно по лицу?
Кто шлет свой крик бессильный в мир
надзвездный,
Взывая святотатственно к Творцу?

Богохуленья ропот бесполезный,
Слова упрека, от детей к отцу.
Поймет ли человек закон железный: —
Без вечных мук пришел бы мир к концу.

Ужели маловерным непонятно,
Что правда — только в образе Христа?
Его слова звучат светло и внятно.

«Я — жизни смысл, печаль и красота...
К блаженству Я пришел стезей мученья...
Смерть победил Я светом отреченья...»

3. БИБЛИЯ

В тиши полуразрушенной гробницы
Нам истина является на миг.
Передо мной заветные страницы,
То Библия, святая книга книг.

Людьми забытый, сладостный родник,
Текущий близь покинутой станицы.
В раздумьи вкруг него, склонив свой лик,
Былых веков столпились вереницы.

Я вижу узел жизни — строгий долг —
В суровом Пятикнижьи Моисея;
У Соломона, эллина-еврея,

Любовь и жизнь одеты в яркий шелк;
Но Иов жизнь клянет, клянет, бледнея,
И этот стон доныне не умолк.

V

* * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы в мыслях, в желаниях слиться
С тем чистым, к чему я так жадно стремлюсь!
И что мне лишенья, и что мне страданья,
И что мне рыдающих струн трепетанья, —
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьме испытанья, —
Но только бы верить всегда,
Но только бы видеть из бездны преступной.
Что там, надо мной, в высоте недоступной,
Горит — и не меркнет Звезда!

VI

* * *

Свеча горит и меркнет и вновь горит сильней,
Но меркнет безвозвратно сиянье юных дней,
Гори же, разгорайся, пока еще ты юн,
Сильней, полней касайся сердечных звонких струн.
Чтоб было что припомнить на склоне трудных лет,
Чтоб старости холодной светил нетленный свет —
Мечтаний благородных, порывов молодых,
Безумных, но прекрасных, безумных — и святых.

VII
НАДГРОБНЫЕ ЦВЕТЫ

Среди могил неясный шопот,
Неясный шопот ветерка.
Печальный вздох, тоскливый ропот,
Тоскливый ропот ивняка.

Среди могил блуждают тени
Усопших дедов и отцов,
И на церковные ступени
Восходят тени мертвецов.

И в дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На небе бледном янтари.

Тогда, поняв, что жизнь минутна,
Что безуспешна их борьба,
Рыдая горестно и смутно,
Они идут в свои гроба.

Вот почему под утро блещут
Цветы над темною плитой:
В них слезы горькие трепещут
О жизни — жизни прожитой.

VIII
ИЗ-ПОД СЕВЕРНОГО НЕБА

Из-под северного неба я ушел на светлый Юг,
Где звучнее поцелуи, где пышней цветущий луг.
Я хотел забыть о смерти, я хотел убить печаль,
И умчался беззаботно в неизведанную даль.

Отчего же здесь на Юге мне мерещится метель,
Снятся снежные сугробы, тусклый месяц, сосны, ель?
Отчего же здесь на Юге, где широк мечты полет,
Мне так хочется увидеть воды, убранные в лед?

Да, не понял я, не понял, что с тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, в край волшебный
и чужой!
Да, не понял я, не понял, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебней, чем чужбины ширь и даль!

Полным слез, туманным взором я вокруг себя гляжу.
С обольстительного Юга вновь на Север ухожу.
И как узник, полюбивший долголетний мрак тюрьмы,
Я от Солнца удаляюсь, возвращаясь в царство тьмы.

IX
БОЛЬНОЙ

Ах, мне хотелось бы немножко отдохнуть!
Я так измучился, мне в тягость все заботы,
И ждать, надеяться — нет сил и нет охоты,
Я слишком долго жил, мне хочется уснуть.
Вот видишь, я устал. Я жил еще немного,
Но слишком долго жил: мой день длинней, чем год.
Я столько знал тоски, я столько знал невзгод,
Что бесконечною мне кажется дорога, —
Дорога прошлого. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вот слабеют силы,

И тени прошлого мне более не милы,
И ночь заманчива, и ненавистен день...
Уснуть, навек уснуть! Какое наслажденье!
И разве смерть страшна? Жизнь во сто крат страшней.
Всего несносней цепь минут, часов, и дней,
Ужасно правды ждать и видеть заблужденье,
И пыл своей души бесцельно расточать,
Жить в неизвестности мучительной и странной,
И вечно раздражать себя мечтой обманной,
Чтоб тотчас же ее с насмешкой развенчать.
Но ты не сердишься? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, нет, конечно нет... Я знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, нежная сестра!
Дай руку мне свою... вот так... я поцелую,
Я буду целовать все пальчики твои; —
Ты знаешь, никогда мне счастье не смеялось,
И в детстве надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо с улыбкою любви.
Но около тебя я полон чем-то новым,
Мне кажется, что я от горя отдохнул;
Вот если бы еще немножко я уснул,
С постели я бы встал совсем-совсем здоровым.
А если я умру? Ты каждую весну
Ведь будешь приходить поплакать у могилы?
Ах, как-то странно мне... Совсем теряю силы...
Послушай, не сердись... Я... кажется... усну!

X
МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

Бьют часы. Бегут мгновенья.
Вечер вспыхнул и погас.
И настойчивы мученья
В этот поздний горький час.
Луч Луны кладет узоры
На морозное стекло.
Сердца трепетные взоры
Ищут правды, видят зло.

Нет отрады, нет привета
Вне Земли и на Земле,
В царстве солнечного света,
И в холодной лунной мгле.
Мир молчит, а сердце внемлет,
Мчатся годы и века,
Не заснет и не задремлет
Неустанная тоска.
В Небесах плывут Светила
Безутешной чередой,
И бессменно уныло
Тучи стелются грядой.
Зло с добром, печаль с мечтою —
Нераздельная семья,
И бесцельной Красотою
Вспыхнул светоч Бытия.
И как будто кто-то тонет
В этой бездне мировой,
Кто-то плачет, кто-то стонет —
Полумертвый, но живой.
И бегут, бегут мгновенья,
Новый вечер вновь погас,
И настойчивы мученья
В этот поздний горький час.
И напрасно ищут взоры
Разгадать добро и зло.
И Луна кладет узоры
На морозное стекло.

XI
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Месяца не видно. Светит Млечный Путь.
Голову седую свесивши на грудь,
Спит ямщик усталый. Кони чуть идут.
Звезды меж собою разговор ведут.
Звезды золотые блещут без конца.
Звезды прославляют Господа Творца.

«Господи», — спросонок прошептал ямщик,
И, крестясь, зевает, и опять поник.
И опять склонил он голову на грудь.
И скрипят полозья. Убегает путь.

XII
НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАР

Едва-едва горит мерцанье
Пустынной гаснущей Луны,
Среди безбрежной тишины,
Среди бездонного молчанья.
Иду один... Везде снега,
Снега и льды, и воздух мертвый,
Над мертвым царством распростертый.
Пустыни снежной берега
Вдали рисуются туманно;
На них гигантские цветы,
В расцвете бледной красоты,
Встают и гаснут беспрестанно.
Бросаю к Небу тусклый взор
И там не вижу тверди синей:
Там бледный, белый, мертвый иней
Сплелся в нависнувший собор.
Иду... Пространству нет предела!
И в этой страшной тишине
Мои шаги не слышны мне.
Мое замерзнувшее тело
Бежит вперед, скорей, скорей, —
Гонимо жаждою бесцельной,
Бежит в пустыне беспредельной.
И тени собственной моей
Не вижу в этом беге вечном, —
И лишь гигантские цветы,
Как вечных снежных гор хребты,
Растут в пространстве бесконечном!

XIII
НЕБЕСНАЯ РОСА

День погас, и ночь пришла.
В черной тьме душа светла.
В смерти жизнь, и тает смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой:
Там серебряной росой,
В самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходят Ангелы во мгле,
Слезы счастья шлют земле,
Славят светлого Творца,
Любят, любят без конца.

XIV

* * *

Ночью мне виделся Кто-то таинственный.
Тихо склонялся Он, тихо шептал;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Светом нездешним во мне трепетал.

Ждал меня, звал меня долгими взорами,
К небу родимому путь открывал,
Гимны оттуда звучала укорами,
Сон позабытый все ярче вставал.

Что от незримых очей заслонялося
Тканью телесною, грезами дня,
Все это с ласкою нежной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мне,
Тени вставали и таяли звуками,
Тени к родимой влекли стороне.

Звали Эдема воздушные жители
В царство, где Роза цветет у Креста.
Вот уж я с ними... в их тихой обители...
«Где же я медлил?» — шептали уста.

XV
ПОСЛЕДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ

Благородному борцу
Петру Федоровичу Николаеву

Вдали от блеска дня, вдали от шума,
Я жил не год, не два, а сотни лет.
Тюремщик злой всегда молчал угрюмо,
Он мне твердил одно лишь слово: — «Нет».
И я забыл, что в мире дышит свет,
И я забыл, что значат звуки смеха,
Я ждал — чего-то ждал — хоть новых бед.
И мне одна была дана утеха: —
Крича, будить в тюрьме грохочущее эхо.

В уме вставали мысли прежних дней,
И гасли вновь, как беглые зарницы,
Как проблески блуждающих огней,
Как буквы строк сжигаемой страницы,
И вместо них тянулись вереницы
Насмешливых кроваво-смутных снов;
Как хищные прожорливые птицы,
Как полчища уродливых врагов,
Неслись они ко мне на звон моих оков.

И все же в этой черной тьме изгнанья
Зажегся блеск, зажегся наконец;
Кипучие и жгучие страданья
Взлелеяли сверкающий венец,
И первый луч смеялся, как гонец
Моей весны, душистого рассвета;
Со вздохом я приветствовал конец
Ночной тоски в пустыне без ответа,
И видел взгляд любви, и слышал гул привета.

И вот я вновь живу среди людей,
Под Солнцем ослепительно-лучистым.
И вижу я детей моих детей,
Внимаю в полдень птичкам голосистым,
Роптанью трав, струям кристально-чистым. —
Но я опять вернулся бы в тюрьму,
К уступам скал, безжизненным и мглистым,
Когда бы знал, что, выбрав скорбь и тьму,
Я с чьей-нибудь души тяжелый грех сниму!

XVI
НА МОТИВ ПСАЛМА XVIII-го

Ночь ночи открывает знанье,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.

Все от Него — и жизнь, и смерть.
У ног Его легли, простерлись бездны,
О помыслах Его вещает громко твердь,
Во славу дел Его сияет светоч звездный.

Выходит Солнце-исполин,
Как будто бы жених из брачного чертога,
Смеется светлый лик лугов, садов, долин,
От края в край небес идет его дорога.

Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!

XVII
В БЕЗДОННОМ КОЛОДЦЕ

Меж стен отсыревших, покрытых грибками,
В бездонном колодце, на дне, глубоко,

Мы ждем, притаившись, и дышим легко,
И звезды в Лазури сияют над нами, —

Лучистые звезды, горящие днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Чтоб в царстве беззвучья полнее отдаться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

Вдали от людского нестройного гула,
Не видя, как скользкая плесень растет,
Мечтой мы бежим все вперед и вперед, —
Вселенная сном безмятежным уснула.

И чище, чем свет суетливого дня,
Воздушней, чем звуки земных песнопений,
Средь звезд пролетает блуждающий Гений,
На лютне незримой чуть слышно звеня.

И в Небе как будто расторглась завеса,
Дрожит от восторженных мук небосклон,
Трепещут Плеяды, блестит Орион,
И брезжит далекий огонь Геркулеса.

Сплетаются звезды — и искрятся днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Для тех, кто умеет во тьме отдаваться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

XVIII

* * *

И Сон и Смерть равно смежают очи,
Кладут предел волнениям души,
На смену дня приводят сумрак ночи,
Дают страстям заснуть в немой тиши.

И в чьей груди еще живет стремленье,
К тому свой взор склоняет Ангел Сна,

Чтоб он узнал блаженство пробужденья,
Чтоб за зимой к нему пришла весна.

Но кто постиг, что вечный мрак — отрада,
С тем вступит Смерть в союз любви живой,
И от ее внимательного взгляда
К страдальцу сон нисходит гробовой.

XIX
НА МОТИВ ЭККЛЕЗИАСТА

Род проходит и снова приходит,
Вновь к истокам стекаются реки,
Солнце всходит и Солнце заходит,
А Земля пребывает вовеки.

Веет ветер от Севера к Югу,
И от Юга на Север стремится,
И бежит он во мраке по кругу,
Чтобы снова под Солнцем кружиться.

Суета! Что премудрость и знанье!
Нам одно все века завещали:
Тот, кто хочет умножить познанья,
Умножает тем самым печали.

Полдень жжет ослепительным зноем,
Ночь смиряет немым усыпленьем:
Лучше горсть с невозбранным покоем,
Чем пригоршни с трудом и томленьем.

Смех напрасен, забота сурова,
И никто ничего не откроет,
И ничто здесь под Солнцем не ново,
Только Смерть — только Смерть успокоит!

XX
ВОСКРЕСШИЙ

Полуизломанный, разбитый,
С окровавленной головой,
Очнулся я на мостовой,
Лучами яркими облитой.

Зачем я бросился в окно?
Ценою страшного паденья
Хотел купить освобожденье
От уз, наскучивших давно.

Хотел убить змею печали,
Забыть позор погибших дней...
Но пять воздушных саженей
Моих надежд не оправдали.

И вдруг открылось мне тогда,
Что все, что сделал я, — преступно.
И было Небо недоступно,
И высоко, как никогда.

В себе унизив человека,
Я от своей ушел стези,
И вот лежал теперь в грязи,
Полурастоптанный калека.

И сквозь столичный шум и гул,
Сквозь этот грохот безучастный
Ко мне донесся звук неясный:
Знакомый дух ко мне прильнул.

И смутный шопот, замирая,
Вздыхал чуть слышно надо мной,
И был тот шопот — звук родной
Давно утраченного рая: —

«Ты не исполнил свой предел,
Ты захотел успокоенья,

Но нужно заслужить забвенье
Самозабвеньем чистых дел.

«Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебе дала,
Иди сквозь мрак земного зла
К небесной радостной отчизне.

Ты обманулся сам в себе
И в той, что льет теперь рыданья, —
Но это мелкие страданья.
Забудь. Служи иной судьбе.

Душой отзывною страдая,
Страдай за мир, живи с людьми
И после — мой венец прими...»
Так говорила тень святая.

То Смерть-владычица была,
Она явилась на мгновенье,
Дала мне жизни откровенье
И прочь — до времени — ушла.

И новый, лучший день, алея,
Зажегся для меня во мгле. —
И прикоснувшися к земле,
Я встал с могуществом Антея.

XXI

* * *

Символ смерти, символ жизни, бьет полночный час,
Чтобы новый день зажегся, старый день угас.

Содрогнулась ночь в зачатьи новых бодрых сил,
И заплаканные тени вышли из могил.

Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана,
Чтоб созрела возрожденья новая волна.

Каждый день поныне видим чудо из чудес,
Всходит Солнце, светит миру, гонит мрак с Небес.

Мир исполнен восхищенья миллионы лет,
Видя тайну превращенья тьмы в лучистый свет.

XXII

* * *

Горящий атом, я лечу
В пространствах — сердцу лишь известных,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,
Который жнет в полях небесных
Колосья мыслей золотых
И с неба зерна посылает,
И в этих зернах жизнь пылает,
Сверканье блесток молодых,
Огни для атомов мятежных,
Что мчатся, так же, как и я,
В туманной мгле пустынь безбрежных,
В бездонных сферах Бытия.

XXIII

* * *

Да, я вижу, да, я знаю: в этой жизни счастья нет.
Счастье брезжит, как мерцанье умирающих планет.

Там в пространствах недоступных, вечно полных
тишины,
Ярко дышут, ярко светят Неба огненные сны.

Дышут стройные Светила, блещут только для себя,
К нам невольный свет бросают, нас, безвестных, не любя.

Миллионы, мириады нескончаемых веков,
Мы, отринутые, стонем, слыша звон своих оков.

Мы не знаем, где родится новой истины звезда.
Нами правят два проклятья: *Навсегда* и *Никогда.*

Навсегда в пределах жизни к мнимой смерти мы идем,
И страданье нам смеется над обманчивым путем.

К вам доходит свет небесный — в час, когда умрет звезда.
И с живой душой обняться мы не можем никогда.

XXIV
ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

За краткий миг существованья
Я сотни лет готов страдать,
И новых — новых пыток ждать
За эту сладость угюванья,
Что в тусклой мгле небытия
Зажгутся быстрою слезою
Цветы, спаленные грозою,
И брызнет звонкий всплеск ручья,
И сон любви, как призрак, встанет.
И вновь и вновь меня обманет
Улыбкой бледного лица,
И крик души сквозь Вечность грянет
Восторгом жгучим без конца!

XXV

* * *

За пределы предельного,
К безднам светлой Безбрежности!

В ненасытной мятежности,
В жажде счастия цельного,

Мы, воздушные, летим
И помедлить не хотим.

И едва качаем крыльями.

Все захватим, все возьмем,
Жадным чувством обоймем!

Дерзкими усильями
Устремляясь к высоте,
Дальше, прочь от грани тесной,

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

ТИШИНА

Лирические поэмы

Есть некий час всемирного молчанья.

Тютчев

1897 — Зима

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сонет

Близ пышной Мексики, в пределах Аризоны,
Меж рудников нашли окаменелый лес,
В потухшем кратере, где скаты и уклоны
Безмолвно говорят о днях былых чудес.

Пред взором пристальным ниспала мгла завес,
И вот горит агат, сапфиры, халцедоны, —
В тропических лучах цветущей Аризоны
Сквозь тьму времен восстал давно отживший лес.

Он был засыпан здесь могучим слоем пыли,
Стихийной вспышкою отторгнут от земли,
С ее Созвездьями, горящими вдали.

Но канули века, и кратеры остыли,
Скитальцы бледные владыками пришли, —
И новым сном зажглись обломки давней были.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ

Прежде чем душа найдет возможность постигать и дерзнет припоминать, она должна соединиться с Безмолвным Глаголом, — и тогда для внутреннего слуха будет говорить Голос Молчания.

Из индийской мудрости

1

Между льдов затерты, спят в тиши морей
Остовы немые мертвых кораблей.
Ветер быстролетный, тронув паруса,
Прочь спешит в испуге, мчится в небеса.
Мчится — и не смеет бить дыханьем твердь,
Всюду видя только — бледность, холод, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали из воды.
Белый снег ложится, вьется над волной,
Воздух заполняя мертвой белизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц.
Царству белой смерти нет нигде границ.
Что ж вы здесь искали, выброски зыбей,
Остовы немые мертвых кораблей?

2

«На Полюс! На Полюс! Бежим, поспешим,
И новые тайны откроем!
Там, верно, есть остров — красив, недвижим,
Окован пленительным зноем!

«Нам скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний.
Мы жаждем качанья немых кораблей,
Мы жаждем далеких скитаний.

«В безвестном — услада тревожной души,
В туманностях манят зарницы.
И сердцу рокочут приливы: „Спеши!“ —
И дразнят свободные птицы.

Нам ветер бездомный шепнул в полусне,
Что сбудутся наши надежды:
Для нового Солнца, в цветущей стране,
Проснувшись, откроем мы вежды.

Мы гордо раздвинем пределы Земли,
Нам светит наш разум стоокий.
Плывите, плывите скорей, корабли,
Плывите на Полюс далекий!»

3

Солнце свершает
Скучный свой путь.
Что-то мешает
Сердцу вздохнуть.

В море приливы
Шумно растут.
Мирные нивы
Где-то цветут.

Пенясь, про негу
Шепчет вода.
Где-то к ночлегу
Гонят стада.

4

Грусть утихает:
С другом легко.
Кто-то вздыхает —
Там — далеко.

Счастлив, кто мирной
Долей живет.
Кто-то в обширной
Бездне плывет.

Нежная ива
Спит и молчит.
Где-то тоскливо
Чайка кричит.

5

«Мы плыли — все дальше — мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
От влажной крутящейся пыли
Кружилась не раз голова.

Туманы клубились густые,
Вставал и гудел Океан, —
Как будто бы ведьмы седые
Раскинули вражеский стан.

И туча бежала за тучей,
За валом мятежился вал.
Встречали мы остров плавучий,
Но он от очей ускользал.

И там, где из водного плена
На миг восставали цветы,
Крутилась лишь белая пена,
Сверкая среди темноты.

И дерзко смеялись зарницы,
Манившие миром чудес.
Кружились зловещие птицы
Под склепом пустынных Небес.

Буруны закрыли со стоном
Сверканье Полярной Звезды.

И вот уж с пророческим звоном
Идут, надвигаются льды.

Так что ж, и для нас развернула
Свой свиток седая печаль?
Так, значит, и нас обманула
Богатая сказками даль?

Мы отданы белым пустыням,
Мы тризну свершаем на льдах,
Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах!»

6

Скрипя, бежит среди валов,
Гигантский гроб, скелет плавучий.
В телах обманутых пловцов
Иссяк светильник жизни жгучей.

Огромный остов корабля
В пустыне Моря быстро мчится,
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.

За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские.

И шепчут волны меж собой,
Что дальше их пускать не надо, —
И встала белою толпой
Снегов и льдистых глыб громада.

И песни им надгробной нет,
Бездушен мир пустыни сонной,
И только Солнца красный свет
Горит, как факел похоронный.

7

Да легкие хлопья летают,
И беззвучную сказку поют,
И белые ткани сплетают,
Созидают для Смерти приют.

И шепчут: «Мы — дети Эфира,
Мы — любимцы немой тишины,
Враги беспокойного мира,
Мы — пушистые чистые сны.

Мы падаем в синее Море,
Мы по воздуху молча плывем,
И мчимся в безбрежном просторе,
И к покою друг друга зовем.

И вечно мы, вечно летаем,
И не нужно нам шума земли,
Мы вьемся, бежим, пропадаем,
И летаем, и таем вдали...»

ИСКРЫ

И они отпали от Великого Источника, и падая зажглись неверным светом.

Из Летописи Мира

1

Туман ли собирается,
Скрывая небосвод,
Звезда ли загорается
Над лоном синих вод, —
Бессменно-одинокая,
Душа грустит всегда,
Душа душе далекая,
Как для звезды звезда.

2

Повсюду сказка бледная —
Загадкой предо мной,
Горит заря победная,
Сменяется Луной, —
Но нет ответа нежности,
И гасну я без слов,
Затерянный в безбрежности
Тоскующих миров.

3

Как медленно движение
Томительных часов!
Как мало отражения
В обмане наших снов!
Как мало отражения

Негаснущих огней,
Что дремлют без движения
За гранью наших дней!

4

За гранью отдаленною
Бесчисленных светил,
За этой возмущенною
Толпой живых могил,
Есть ясное Безветрие
Без плачущего я.
Есть светлое Безветрие
Без жажды бытия.

5

Но то не Смерть, печальная
Владычица людей,
Не пляска погребальная
Над грудами костей.
За гранями алмазными
Ни ночи, ни утра.
Ни зла с его соблазнами,
Ни тусклого добра.

6

Там вечны сны блаженные
В прозрачной мгле мечты,
Там вечны сокровенные
Виденья Красоты.
Нетленным светом нежности
Там все озарено,
Там счастие Безбрежности,
Где слито все в одно.

7

Зачем же, — дух стремления,
В разлуке с Красотой, —
Я жажду отдаления
От родины святой!
Я — искра, отступившая
От Солнца своего,
И Бога позабывшая,
Не знаю для чего!

ВОЗДУШНО-БЕЛЫЕ

I tell thee, when I pass away, it is to tenfold life, to lore, to peace, and raptures holy Unseen descending weigh my light wings upon balmy flowers.

Blake

Я говорю тебе, — уходя, я ухожу к удесятеренной жизни, к миру, к любви, к святым восхищениям. Незримо нисходя, тяготеют мои легкие крылья над бальзамическими цветами.

Блэк

I
СНЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

1

В жажде сказочных чудес,
В тихой жажде снов таинственных,
Я пришел в полночный лес,
Я раздвинул ткань завес
В храме Гениев единственных.

В храме Гениев Мечты
Слышу возгласы несмелые,
То — обеты чистоты,
То — нездешние цветы,
Все цветы воздушно-белые.

2

Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено,
Быть среди дыханья сказочных растений,
Видеть, как безмолвно спит морское дно.

Только вспыхнет Веспер, только Месяц глянет,
Только ночь настанет раннею весной, —
Сердце жаждет чуда, ночь его обманет,
Сердце умирает с гаснущей Луной.

Вновь белеет утро, тает рой видений,
Каждый вздох растений шепчет для меня:
«О, мятежный призрак, о, стихийный гений,
Будем жаждать чуда, ждать кончины дня!»

3

В глубине души рожденные,
Чутким словом пробужденные,
Мимолетные мечты,
Еле вспыхнув, улыбаются,
Пылью светлой осыпаются,
Точно снежные цветы, —

Безмятежные, свободные,
Миру чуждые, холодные
Звезды призрачных Небес,
Тех, что светят над пустынями,
Тех, что властвуют святынями
В царстве сказок и чудес.

4

Я когда-то был сыном Земли,
Для меня маргаритки цвели,
Я во всем был похож на других,
Был в цепях заблуждений людских.

Но, земную печаль разлюбив,
Разлучен я с колосьями нив,
Я ушел от родимой межи,
За пределы — и правды, и лжи.

И в душе не возникнет упрек,
Я постиг в мимолетном намек,

Я услышал таинственный зов,
Бесконечность немых голосов.

Мне открылось, что Времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что Бессмертие к Смерти ведет,
Что за Смертью Бессмертие ждет.

5

Ожиданьем утомленный, одинокий, оскорбленный,
Над пустыней полусонной умирающих морей,
Непохож на человека, я блуждаю век от века,
Век от века вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользающая пена... Поминутная измена...
Жажда вырваться из плена, вновь изведать гнет оков.
И в туманности далекой, оскорбленный, одинокий,
Ищет гений светлоокий неизвестных берегов.

Слышит крики: «Светлый гений!.. Возвратись на стон мучений...
Для прозрачных сновидений... К мирным храмам... К очагу...»
Но за далью небосклона гаснет звук родного звона,
Человеческого стона полюбить я не могу.

6

Мне странно видеть лицо людское,
Я вижу взоры существ иных,
Со мною ветер, и все морское,
Все то, что чуждо для дум земных.

Со мною тени, за мною тени,
Я слышу сказку морских глубин,
Я царь над царством живых видений,
Всегда свободный, всегда один.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молний горят вдали,
Я вижу Остров, где все знакомо,
Где я — владыка моей земли.

В душе холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцем полет времен,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вечный — все тот же — Сон.

7

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник Мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру Лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, росту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю Море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном,
И гром проснется в немом просторе.

Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой,
И, вечно вольный, забвеньем вею.

II
СВЕТЛЕЙ СЕБЯ

Прекрасен лик звезды с прозрачным взором,
Когда она, не рдея, не скорбя,
И зная только Небо и себя,

Струит лучи нетающим узором,
Средь дальних звезд, поющих светлым хором.

Но как она светлей самой себя,
Когда, воспламененным метеором,
Огни лучей стремительно дробя,
Горит — пред смертью, падает — любя!

III
ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Золотая звезда над Землею в пространстве летела,
И с Лазури на сонную Землю упасть захотела.

Обольстилась она голубыми земными цветами,
Изумрудной травой и шуршащими в полночь листами.

И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Полетела как ангел — как ангел преступно-влюбленный.

Чем быстрей улетала она, тем блистала яснее,
И горела, сгорала, в восторге любви пламенея.

И, зардевшись блаженством, она уступила бессилью,
И, Земли не коснувшись, рассыпалась яркою пылью.

IV
КАК ЦВЕТОК

Как цветок я хочу расцвести
И угаснуть без слова упрека,
И в душе я сумею найти
Бесконечный расцвет златоока.

Я как ландыш, бледнея, цвету
Для мечтательных, нежных, влюбленных,
И в лесу создаю красоту
Для сердец, красотой утомленных.

Полюбив молодую Весну,
В поцелуях сплетенные тени,
Я порою всю ночь не усну
И мечтаю, как ветка сирени.

И, узнавши из пения птиц,
Что окончились празднества Мая,
Я при свете полночных зарниц
Расцвету, как гвоздика лесная.

И когда, разлюбивши мечты,
Я забудусь в могильной постели,
Надо мной, в торжестве Красоты,
Навсегда расцветут иммортели.

V
ЦВЕТЫ НАРЦИССА

Точно из легкого камня иссечены,
В воду глядят лепестки белоснежные.
Собственным образом пристально встречены,
В глубь заглянули цветы безмятежные.

Мягкое млеет на них трепетание,
Двойственно-бледны, растут очертания.
В глубь заглянули немые цветы, —
Поняли, поняли свет Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранит золотые признания.
Только в себя невозвратно-влюбленное,
Стынет, бледнеет, в мечтах без названия.

С чистою грезой цветок обручается,
Грезу любя, он со Смертью венчается.
Миг, — и от счастия гаснут цветы, —
Как они поняли свет Красоты!

VI
БРОМЕЛИЯ

В окутанной снегом пленительной Швеции
На зимние стекла я молча глядел,
И ярко мне снились каналы Венеции,
Мне снился далекий забытые предел.

Впивая дыханье цветущей бромелии,
Цветка золотого с лазурной каймой,
Я видел в глазах наклонившейся Лелии
Печаль, затененную страстью немой.

Встречалися взоры с ответными взорами,
Мы были далеко, мы были не те.
Баюкал нас иней своими узорами,
Звала вас бромелия к дальней мечте.

И снова, как прежде, звеня отголосками,
Волна сладкозвучно росла за волной,
И светлые тени, подъятые всплесками,
На гондолах плыли под бледной Луной.

VII
ЭДЕЛЬВЕЙС

Я на землю смотрю с голубой высоты.
Я люблю эдельвейс, неземные цветы,
Что растут далеко от обычных оков,
Как застенчивый сон заповедных снегов.

С голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я с душой говорю,
С той незримой Душой, что мерцает во мне
В те часы, как иду к неземной вышине.

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,

Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что Мир бесконечно широк.

VIII
БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Под тобою — глубь немая,
Без привета, без ответа,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.

Над тобой — Эфир бездонный
С яркой Утренней Звездою.
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотою.

Символ нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь белый!

IX
ВДАЛИ ОТ ЗЕМЛИ

Вдали от Земли, беспокойной и мглистой,
В пределах бездонной, немой чистоты,
Я выстроил замок воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворец Красоты.

Как остров пловучий над бурным волненьем,
Над вечной тревогой и зыбью воды,
Я полон в том замке немым упоеньем,
Немым упоеньем бесстрастной звезды.

Со мною беседуют Гении Света,
Прозрачные тучки со мной говорят,
И звезды родные огнями привета,
Огнями привета горят и горят.

И вижу я горы, и вижу пустыни,
Но что мне до вечной людской суеты, —
Мне ласково светят иные святыни,
Иные святыни в Дворце Красоты.

ВЕТЕР С МОРЯ

Marinero soy de amor
Y en su pielago profundo
Navego sin espernza
De llegar a puerto alguno.

Cervantes

Я моряк любви, и в ее глубоком океане плыву без надежды достичь до какой-нибудь гавани.

Сервантес

I
МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Все, что любим, все мы кинем,
Каждый миг для нас другой: —
Мы сжились душой морской
С вечным ветром, с Морем синим.
    Наш полет
    Все вперед,
К целям сказочным ведет.

Рдяный вечер, догорая,
Тонет в зеркале Небес.
Вот он, новый мир чудес,
Вот она, волна морская.
    Чудный вид!
    Все молчит,
Только вол морской звучит.

Если мы вернемся вскоре
Переменчивым путем,
Мы с добычею придем: —
Нам дары приносит Море,
    В час ночной,
    Под Луной,
Мы спешим к стране иной.

Если ж даль не переспорим
И пробьет конец мечте, —
Мы потонем в Красоте,
Мы сольемся с синим Морем,
        И на дне,
        В полусне,
Будем грезить о волне.

II
В НЕПОЗНАННЫЙ ЧАС

И новые волны,
В непознанный час,
Все новые волны
Вставали для нас.

Шумели, сверкали,
И к дали влекли,
И гнали печали,
И пели вдали.

«Гляди, погляди же,
Как бездна светла!
Все ближе и ближе
Лазурная мгла!»

Как синие горы,
Упавшие вниз,
Морские узоры
В громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну с отрадой,
Я гасну любя.

В загадочном взоре,
Волнуясь, тону,
И слушаю в Море
Морскую волну.

III
ОНА, КАК РУСАЛКА

Она, как русалка, воздушна и странно-бледна,
В глазах у нее, ускользая, играет волна,
В зеленых глазах у нее глубина — холодна.

Приди, — и она обоймет, заласкает тебя,
Себя не жалея, терзая, быть может, губя,
Но все же она поцелует тебя не любя.

И вмиг отвернется, и будет душою вдали,
И будет молчать под Луной в золотистой пыли,
Смотря равнодушно, как тонут вдали — корабли.

IV
КАК ВОЛНЫ МОРСКИЕ

Как волны морские,
Я не знаю покоя и вечно спешу.
Как волны морские,
Я слезами и холодом горьким дышу.

И как волны морские,
Над равниной хочу высоко вознестись.
И как волны морские,
Восходя, я спешу опрокинуться вниз.

V
ПОБЛЕДНЕВШАЯ НОЧЬ

Зашумела волна,
Покачнулся челнок.
И восстал ото сна
Пробужденный Восток.

Покачнулся челнок.
И уносится прочь.

И не видит Восток
Побледневшую ночь.

И уносится прочь
Все, чем счастлив я был,
Что в короткую ночь
Беззаветно любил.

VI
ПОЛОСА СВЕТА

Море чуть мерцает под Луной
Зеркалом глубоким и холодным.
Веет сном и грустью неземной,
Чем-то дальним, сладостным, свободным.

Точно дух навек ушедших дней
Встал в тени немых воспоминаний,
Стал шептать слышней и все слышней
Сказку счастья с музыкой рыданий.

Светочем болезненным сверкнул,
Ярко вспыхнул дрогнувшей слезою,
Прожил миг — и в бездне утонул,
Бросив свет широкой полосою.

VII
БЕЗДОМНЫЕ

Небосклон опрокинутый,
Уходящая даль.
Об отчизне покинутой
Замирает печаль.

Над пустынями водными
Виден пенный узор.
И слезами холодными
Затуманился взор.

И над мачтой мелькающей
Все темней небеса.
И корабль убегающий
Уронил паруса.

Над свинцовыми тучами
Альбатросы летят,
За волнами кипучими
С поднебесья следят.

Так и ждут, что раздвинутся
Очертанья волны,
Чтоб стремительно кинуться
С неземной вышины.

И почуяв, раскатами
Набегающий, гром,
Вновь рядами крылатыми
Выкликают кругом.

И бездомные, темные,
Посылают — в Лазурь
Эти крики заемные,
Эти отклики бурь.

В ДЫМКЕ НЕЖНО-ЗОЛОТОЙ

Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermotura,
Brujuleada entre los lejos
De lo imposible?

Calderon

Есть ли большее счастье, большая радость, как обожать красоту, медленно встающую в далях невозможного?

Кальдерон

I
Я ЗНАЛ

М. Л. Лохвицкой

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду — я люблю — бесконечно.

И если обманна, как всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся,
И если с тобою мы встретимся вновь,
Мы снова чужими простимся.

А в час преступленья, улыбок, и сна
Я буду — ты будешь — далеко,
В стране, что для нас навсегда создана,
Где нет ни любви, ни порока.

II
НЕМАЯ ТЕНЬ

Немая тень среди чужих теней,
Я знал тебя, но ты не улыбалась, —
И, стройная, едва-едва склонялась
Под бременем навек ушедших дней, —

Как лилия, смущенная волною,
Склоненная над зеркалом реки, —
Как лебедь, ослепленный белизною
И полный удивленья и тоски.

III

ОДНОДНЕВКА

Я живу своей мечтой
В дымке нежно-золотой,
Близ уступов мертвых скал,
Там, где ветер задремал.

Весь я соткан из огня,
Я лучистый факел дня,
В дымке утренней рожден,
К светлой смерти присужден.

Однодневкой золотой
Вьюсь и рею над водой,
Вижу Солнце, вижу свет,
Всюду чувствую привет.

Только умер, вновь я жив,
Чуть шепчу в колосьях нив,
Чуть звеню волной ручья,
Слышу отклик соловья.

Вижу взоры красоты,
Слышу голос: «Милый! Ты?»
Вновь спешу в любви сгореть,
Смертью сладкой умереть.

IV

ИЗ-ЗА ДАЛЬНИХ МОРЕЙ

Из-за дальних морей, из-за синих громад,
Из-за гор, где шумит и гремит водопад,

В твой альков я цветов принесу для тебя,
Зацелую, любя, заласкаю тебя.

А когда, отгорев, побледнеет луна,
И от жгучего сна заалеет Весна,
Задрожишь ты, как тень, пробужденье гоня,
И, краснея весь день, не забудешь меня.

V
НЕТ И НЕ БУДЕТ

Как нам отрадно задуматься в сумерках светлых вдвоем!
Тень пролетевшего ангела вижу во взоре твоем.

Сердце трепещет восторженно вольною радостью птиц.
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тенью ресниц.

Руки невольно касаются милых сочувственных рук.
Призраки мирного счастия кротко столпились вокруг.

Белыми светлыми крыльями веют и реют во мгле.
Как нам отрадно проникнуться правдой Небес на Земле!

Нет, и не будет, и не было сердца нежней твоего,
Нет и не будет и не было, кроме тебя, ничего.

Вот, мы блаженны, как ангелы, вот мы с тобою вдвоем.
Друг мой, какое признание вижу во взоре твоем!

VI
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О, друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.

Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг: —
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь мня.

VII
АЛАЯ И БЕЛАЯ

1

Мы встретились молча. Закат умирал запоздалый.
Весь мир был исполнен возникшей для нас тишиной.
Две розы раскрылись и вспыхнули грезой усталой, —
Одна — озаренная жизнью, с окраскою алой,
Другая — горящая снежной немой белизной.

И ветер промчался. Он сблизил их пышные чаши.
Мы сладко любили на склоне предсмертного дня.
Как сладко дышали сердца и созвучия наши!
Что в мире рождалось воздушнее, сказочней, краше!
Зачем, о, зачем же закрылась ты — прежде меня?

2

Я свернула светлые одежды,
Я погасла вместе с краской дня.
Для меня поблекли все надежды,
Мне так сладко спать, закрывши вежды, —
Для чего ты дышишь на меня!

Дышишь сладким ядом аромата,
Будишь в сердце прежние огни...
Я, как ты, была жива когда-то,
К радости для сердца нет возврата...
Будь как я! Забудь! Умри! Усни!

МГНОВЕНИЯ ПРАВДЫ

Кто часто бывает среди людей, того не могут посещать ангелы.

Сульпиций Север

I
ЗОВ

Есть правдивые мгновенья,
Сны, дающие забвенье,
Луч над бездной вечно-зыбкой,
Взоры с кроткою улыбкой.

В темной ночи этой жизни
Дышит зов к иной отчизне,
Звон заоблачных соборов,
Ткань светлей земных узоров.

Есть намек на Мир Святыни,
Есть оазисы в пустыне,
Счастлив тот, кто ждет участья,
Счастлив тот, кто верит в счастье.

Все, на чем печать мгновенья,
Брызжет светом откровенья,
Веет жизнью вечно-цельной,
Дышит правдой запредельной.

II
ПОЗАБЫТОЕ

Мечтой уношусь я к местам позабытым,
К холмам одиноким, дождями размытым,
К далеким, стооким, родимым планетам,
Что светят сквозь ветви таинственным светом.

Я вновь удаляюсь к первичным святыням,
Где дремлют купавы на озере синем,

Где ландыши в роще и дышат, и светят,
И если их спросишь, — слезами ответят.

Мне чудятся всплески, и запах фиалок,
И эхо от звонкого смеха русалок,
Мне слышится голос умершей печали, —
И стоном за склоном ответствуют дали.

III
РЕЗИГНАЦИЯ

Звучная волна забытых сочетаний,
Шепчущий родник давно умолкших дней,
    Стон утихнувших страданий,
    Свет угаснувших огней,
С вами говорю в тени воспоминаний,
С вами я дышу и глубже, и полней!

Вижу я цветы заброшенного сада,
Липы вековые, сосны, тополя.
    Здесь навек остаться надо,
    Здесь приветливы поля.
С сердцем говорит церковная ограда,
Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслям недовольным!
Спи, волненье лживо, и туманна даль, —
    Все любил ты сердцем вольным,
    Полюби свою печаль, —
Отзвучат надежды звоном колокольным,
И тебе не будет отжитого жаль.

IV
ПАУТИНКИ

Если вечер настанет и длинные, длинные
Паутинки, летая, блистают по воздуху,
Вдруг запросятся слезы из глаз беспричинные,
И стремишься из комнаты к воле и к отдыху.

И, мгновенью отдавшись, как тень, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лесом уснувшему,
И с безмолвием странного мира сливаешься,
Уходя к незабвенному, к счастью минувшему.

И проходишь мечтою аллеи старинные,
Где в вечернем сиянии ждал неизвестного
И ребенком следил, как проносятся длинные
Паутинки воздушные, тени Чудесного.

V
ТИШИНА

Чуть бледнеют янтари
Нежно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спять купавы, спит камыш.

Задремавшая река
Отражает облака,
Тихий, бледный свет небес,
Тихий, темный, сонный лес.

В этом царстве тишины
Веют сладостные сны,
Дышит ночь, сменяя день,
Медлит гаснущая тень.

В эти воды с вышины
Смотрит бледный серп Луны,
Звезды тихий свет струят,
Очи ангелов глядят.

VI
ЛУННАЯ НОЧЬ
Сонет

Когда я посмотрел на бледную Луну,
Она шепнула мне: «Сегодня спать не надо».

И я ушел вкушать ночную тишину,
Меня лелеяла воздушная прохлада.

Деревья старые заброшенного сада,
Казалось, видели во сне свою весну,
Была полна мечты их смутная громада,
Застыл недвижный дуб, ласкающий сосну.

И точно таинство безмолвное свершалось:
В высотах облачных печалилась Луна,
Улыбкой грустною на что-то улыбалась.

И вдруг открылось мне, что жизнь моя темна,
Что юность быстрая, как легкий сон, умчалась, —
И плакала со мной ночная тишина.

VII
ЗИМНИЙ ДЫМ

Дым встает, и к белой крыше
Под упорством ветра льнет.
Встало Солнце. Ветер тише.
Дым воздушный отдохнет.

Будет ровной полосою
Восходить, как фимиам
Вечно тающей красою
К вечно синим Небесам!

VIII
В ЧАЩЕ ЛЕСА

Дальнее, синее,
Небо светлеется,
В сетке из инея
Ясно виднеется,
Синее, синее.

Тихое счастие
В синей Безбрежности,
Проблеск участия,
Чаянье нежности,
Кроткое счастие.

Счастье забвения —
Там в беспредельности,
Свет откровения,
В бездне бесцельности —
Цельность забвения.

IX
ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ

Гавань спокойная. Гул умирающий.
Звон колокольный, с небес долетающий.
Ангелов мирных невнятное пение.
Радость прозрачная. Сладость забвения.

Гор отдаленных вершины узорные,
Алые, белые, темные, черные.
Созданный духами ярко-певучими,
Радуги свод над огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная,
Тихой вечерней звездой озаренная.
Богом открытая правда мгновения.
Буря умершая. Свет и забвение.

X
В ПРОСТРАНСТВАХ ЭФИРА

В прозрачных пространствах Эфира,
Над сумраком дольного мира,
Над шумом забытой метели,
Два светлые духа летели.

Они от земли удалялись,
И звездам чуть слышно смеялись,
И с Неба они увидали
За далями новые дали.

И стихли они понемногу,
Стремясь к неизменному Богу,
И слышали новое эхо
Иного чуть слышного смеха.

С Земли их никто не приметил,
Но сумрак вечерний был светел,
В тот час как они над Землею
Летели, покрытые мглою.

С Земли их никто не увидел,
Но доброго злой не обидел,
В тот час как они увидали
За далями новые дали.

XI
ПРАВДА

А правда пошла по поднебесью.
Из Голубиной книги

Кривда с Правдою сходилась,
Кривда в споре верх взяла.
Правда в Солнце превратилась,
В мире чистый свет зажгла.

Удалилась к поднебесью,
Бросив Кривду на земле,
Светит лугу, перелесью,
Жизнь рождает в мертвой мгле.

С той поры до дней текущих
Только Правдой и жива

Меж цветов и трав цветущих
Жизни грусть, плакун-трава.

С той поры на синем Море,
Там, где вал непобедим,
Правда ждет с огнем во взоре
Птица мощная Стратим.

И когда она протянет
Два могучия крыла, —
Солнце встанет, Море грянет:
«Правда, Правда в мир пришла!»

XII
СОН

Внемлите, смертные Земли,
Я Тот, Кто был, Кто есть, Кто будет,
Чьи мысли бездну звезд зажгли,
Кто бледной травки не забудет.

Любите, смертные, Меня,
Свою мечту боготворите,
Молитесь Митре в блеске дня,
И ночью пойте гимн Таните.

Зовите тысячью имен
Того, Кто сердце вам пробудит,
Боготворите светлый Сон,
Который был, и есть, и будет.

XIII
НЕЯСНАЯ РАДУГА

Неясная радуга. Звезда отдаленная.
Долина и облако. И грусть неизбежная.
Легенда о счастии, борьбой возмущенная.
Лазурь непонятная, немая, безбрежная.

Зарница неверная. Печаль многострунная.
Цветы нерасцветшие. Волненье безвольное.
Мечта заповедная, туманная, лунная.
И Море бессонное, как сон — беспредельное.

Виденья прозрачные и призрачно-нежные.
Стыдливого ангела призванья несмелые.
Стремление к дальнему. Поля многоснежные,
Застывшие, мертвые, — и белые, белые.

XIV
«ПРОСТИ!»

Кто услышал тайный ропот Вечности,
Для того беззвучен мир земной, —
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навек проникся тишиной.

Перед ним виденья сокровенные,
Вкруг него безбрежность светлых снов,
Легче тучек, тихие, мгновенные,
Легче грезы, музыка без слов.

Он не будет жаждать избавления,
Он его нашел на дне души, —
Это в Море час успокоения,
Это парус, дремлющий в тиши.

Белый парус, в синих далях тающий,
Как «Прости» всего, что Рок унес,
Как привет, в последний раз блистающий,
Чтоб угаснуть, там — вдали — без слез.
У развалин Помпеи.

Осень, 1897

АККОРДЫ

Concord in discord.
John Ford

Единство в разногласии.
Джон Форд

I
АККОРДЫ

C'est un phare alltime sur mille citadelles.
Baudelaire

Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных
грез, —
Больная насмешка над жизнью, — над царством могилы
вопрос.

Мне снился бессмертный Веласкес, Коэльо, Мурильо
святой,
Создавший воздушность и холод и пламень мечты золотой.

И Винчи, спокойный, как Гете, и светлый, как сон, Рафаэль,
И нежный, как вздох, Боттичелли, нежней, чем весною
свирель.

Мне снились волхвы откровений, любимцы грядущих
времен,
Воззванья влекущих на битву, властительно-ярких знамен.

Намеки на сверхчеловека, обломки нездешних миров,
Аккорды бездонных значеньем, еще не разгаданных снов.

II
ТРИ СИМВОЛА

Явились в мир уже давно, — в начале
Наивных и мечтательных времен, —

Венчанный змей, собака, скорпион,
Три символа в Персидском ритуале.

Венчанный змей – коварство и обман,
И скорпион – источник разрушенья,
Их создал грозный царь уничтоженья,
Властитель зла и ночи, Ариман

Но против духов тьмы стоит собака.
Ее Ормузд послал к своим сынам, –
Когда весь мир уснет, уступит снам,
Она не спит среди ночного мрака.

Ничтожен скорпион, бессилен змей,
Всевластен свет лучистого владыки,
Во тьме ночной звучат над миром клики:
«Я жду! Будь тверд! Я жду! Благоговей!»

III
МУЗЫКА

Мы слышим воздушное пенье чудесной игры,
Не видя поющего вам серафима.
Вздыхаем под тенью гигантской горы,
Вершина которой для нашего духа незрима.

И чувствуем смутно, что, если б душой мы могли
Достичь до вершины, далекой и снежной,
Тогда бы – загадки печальной Земли
Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Но нет, мы бессильны, закрыта звенящая даль,
И звуки живые скорбят, умирая,
И в сердце обманутом плачет печаль,
И гаснут, чуть вспыхнув, лучи недоступного Рая.

IV

СПЯЩАЯ МАДОННА

Сассоферрато, в музее Брера, в Милане

Сонмом духов окруженная,
В ярком свете чистоты,
Тихим вихрем вознесенная
За пределы высоты,
Над уснувшим полусонная,
Матерь Бога, это Ты!

В безгреховности зачавшая,
Вечно-девственная Мать,
Сына светлого пославшая
Смертью новый свет создать,
Всей душою пострадавшая,
Как могла лишь мать страдать!

Нерассказанная гением,
Неисчерпанность мечты,
Сон, зовущий к сновидениям,
Просветленные черты,
Вечный луч над вечным тлением,
Матерь Бога, это Ты!

V

ПРЕД КАРТИНОЙ ГРЕКО

В музее Прадо, в Мадриде

1

На картине Греко вытянулись тени.
Длинные, восходят. Неба не достать.
«Где же нам найти воздушные ступени?
Как же нам пути небесные создать?»

Сумрачный художник, ангел возмущенный.
Неба захотел ты, в Небо ты вступил, —
И, с высот низвергнут, Богом побежденный,
Ужасом безумья дерзость искупил.

2

Да, но безумье твое было безумье священное,
Мир для тебя превратился в тюрьму,
Ты разлюбил все земное, неверное, пленное,
Взор устремлял ты лишь к высшему Сну своему.

Да, все монахи твои — это не тени согбенные,
Это не темные сонмы рабов,
Лица их странные, между других — удлиненные,
С жадностью тянутся к высшей разгадке миров.

VI
ОТВЕРЖЕННЫЙ

Отчаянье истерзанной души,
В свидетели тебя я призываю,
Что я не спал в изнеженной тиши,
Что я не шел к заманчивому Раю.

Я светлого покоя не хотел,
Боясь забыть о тех, на ком проклятье,
Меня манил мучительный удел,
Меня влекли отверженные братья.

Не ангелы, а демоны со мной
Печальную дорогу совершили,
И дни мои в обители земной
Развеялись, как груда темной пыли.

VII
КАМЕЯ

Клеопатра, полновластная царица,
Сон Египетских ночей,
Чаровница и блудница,
Озаренная сияньем ускользающих лучей.

Ты окутана немеркнущею славой,
И доныне сохранил
Отблеск славы величавой
На волнах своих ленивых плодоносный сонный Нил.

Дочь надменного владыки Птоломея,
Я дарю тебе свой стих,
Потому что ты, камея,
И в любви и в самой смерти непохожа на других.

VIII
ПЛАМЯ

Нет. Уходи скорей. К восторгам не зови.
Любить? — Любя, убить, — вот красота любви.
Я только миг люблю, и удаляюсь прочь.
Со мной был яркий день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить.
Беги, пока еще ты можешь не любить.
Как жернов буду я для полудетских плеч.
Светить и греть?.. — Уйди! Могу я только жечь.

IX
ПОЛУРАЗОРВАННЫЕ ТУЧИ

Полуразорванные тучи
Плывут над жадною землей,
Они, спокойны и могучи,
Поят весь мир холодной мглой.
Своими взмахами живыми
Они дают и дождь, и тень,
Они стрелами огневыми
Сжигают избы деревень.

Есть души в мире — те же тучи,
Для них земля — как сон, как твердь;
Они, спокойны и могучи,

Даруют жизнь, даруют смерть.
Рабы мечты и сладострастья,
В себе лелеют дар певца,
Они навек приносят счастье,
И губят, губят без конца.

X
КОГДА ЖЕ?

О, жизни волненье! О, свет и любовь!
Когда же мы встретимся вновь?
Когда я узнаю не сны наяву,
А радостный возглас: «Живу!»

Мы детство не любим, от Солнца ушли,
Забыли веленья Земли,
И, сердце утратив, отдавшись мечте,
Слепые, мы ждем в пустоте.

Отступники между уставших врагов,
Мы видим лишь гроб и альков,
Холодное пламя угасших светил
Над царством цветов в могил.

XI
АНГЛИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

В отдаленной дымке утопая,
Привиденьями деревья стали в ряд.
Чуть заметна дымка голубая,
Чуть заметные огни за ней горят.

Воздух полон тающей печалью,
Все предчувствием неясным смущено. —
Что там тонет? Что за этой далью?
Там, как в сердце отуманенном, темно!

Точно шопот ночи раздается,
Точно небо наклонилось над землей
И над ней, беззвучное, смеется,
Все, как саваном, окутанное мглой.

XII
В ОКСФОРДЕ

Словно усыпаны хлопьями снега,
Искрятся яблони, млея в цветах.
Ветер, о ветви ударив с разбега,
Шепчет и прячется в дальних кустах.
В парке мечтательном лунная нега,
Лунные ласки дрожат на листах.

С башен доносится бой колокольный,
Дремлют колледжи в объятьях теней.
Сладостный час для души недовольной,
Стройные мысли сплетаются в ней,
К небу уходят от горести дольной,
Беглость минут выступает ясней.

Дышут деревья, их пышность нетленна,
Грезят колледжи о Средних Веках.
Зимние думы промчатся мгновенно,
Воды проснутся в родных берегах.
Время проходит, мечта неизменна,
Наше грядущее в наших руках.

XIII
ВЕЧЕР

Удвоены влагой сквозною,
Живя неземной белизною,
Купавы на небо глядят.
И дремлют прибрежные травы,
И внемлют их вздохам купавы,
Но с ними вздохнуть не хотят.

На озере, тихом и сонном,
Наскучив путем раскаленным,
Качается огненный лик, —
То Солнце, зардевшись закатом,
На озере, негой объятом,
Лелеет лучистый двойник.

И тучка, — воздушная нега, —
Воздушней нагорного снега,
На воды глядит с вышины;
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной белизною,
Чуть дышет в улыбке волны.

Оксфорд.
Весна. 1897

XIV
РУЧЕЙ

Вильяму Р. Морфилю

«Кто печаль развеял дымкой?
Кто меж тучек невидимкой
Тусклый месяц засветил?
Кто, шурша травой густою,
Возмущает над водою
Точно дальний дым кадил?»

«Чья печаль в твоем журчаньи?»
Я спросил в ночном молчаньи
У звенящего ручья.
«Чья печаль в росе блестящей,
И в осоке шелестящей?»
Мне ручей сказали: «Ничья!»

«Отчего же так печальны,
Так уныло-музыкальны

«Трепетанья быстрых вод?»
«Я пою!» — ручей ответил.
«Я всегда певуч и светел,
Я всегда бегу вперед!»

XV
КРЫМСКАЯ КАРТИНКА

Все сильнее горя,
Молодая заря
На цветы уронила росу.
Гул в лесу пробежал,
Горный лес задрожал,
Зашумел между скал водопад Учан-Су.
И горяч, и могуч,
Вспыхнул солнечный луч,
Протянулся, дрожит, и целует росу.
Поцелуй его жгуч,
Он сверкает в лесу,
Там, где гул так певуч,
Он целует росу,
А меж сосен шумит и журчит Учан-Су.

XVI
В ОКРЕСТНОСТЯХ МАДРИДА

Ты глядела мне в душу с улыбкой богини.
Ты со мною была, но была на картине.

Ты собой создавала виденье Искусства,
Озаренное пламенем яркого чувства.

Мы стремились к горам из Испанской столицы.
Мы с тобой улетали, как вольные птицы.

И дома чуть виднелись, в лучах утопая.
И над нами раскинулась ширь голубая.

И пред нами предстала вдали Гвадаррама,
Как преддверье воздушного белого храма.

XVII
МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мечтательный вечер над лесом дышал безмятежно,
От новой Луны протянулась лучистая нить,
И первые звезды мерцали так слабо и нежно,
Как будто бы ветер чуть слышный их мог погасить.

И было так странно, и были так сказочны ели,
Как мертвая сталь, холодела поверхность реки,
О чем-то невнятном, о чем-то печальном, без цели,
Как будто бы пели над влажным песком тростники.

И в бледном объятьи две тени родные дрожали,
И каждой хотелось в другой о себе позабыть,
Как будто бы можно в блаженстве не ведать печали,
Как будто бы сердце людское способно любить!

XVIII

* * *

От последней улыбки луча
На горах засветилася нега,
И родились, блестя и журча,
Два ключа из нагорного снега.

И, сбегая с вершины горы,
Обнимаясь в восторге едином,
Устремились в иные миры,
К отдаленным лугам и долинам.

И в один сочеталися ключ,
Он бежал, прорезая узоры.
Но от мрака разгневанных туч
Затуманились хмурые горы.

И последняя ласка луча
Потонула в туманной печали.
И холодные капли ключа
На остывшую землю упали.

XIX

* * *

Где-то волны отзвучали,
Волны, полные печали,
И в ответ
Шепчет ветер перелетный,
Беззаботный, безотчетный,
Шепчет ветер перелетный,
Что на свете горя нет.

XX
АМАРИЛЛИС

Амариллис, бледная светлана!
Как нежданно сердце мне смутили
Ласки мимолетного обмана,
Чашечки едва раскрытых лилий.
О, как сладко светлое незнанье!
Долго ли продлится обаянье,
Много ль золотистого тумана,
Сколько будет жить моя светлана?

Призрак упований запредельных,
Тайна предрассветного мечтанья,
Радостей прозрачных и бесцельных, —
С чем тебя сравню из мирозданья?
С ландышем сравнить тебя не смею,
Молча, амариллис я лелею.
Стройная пленительностью стана,
Бледная воздушная светлана!

XXI
И ТЫ ИЗМЕНИЛА

И ты изменила,
Не черной изменой,
Но быстрою смертью своей красоты.
Ушла, как светило,
Развеялась пеной,
Померкла, как песня, во мгле пустоты.

Цветы, расцветая,
Немой красотою
Приветствуют Вечность и вянуть во сне.
И пыль золотая
Летит над водою,
И тает и тонет в чужой глубине.

Я жаждал слиянья
С лучом откровенья,
Созвучия встречи с бессмертной душой.
Но нет обаянья,
Погасло мгновенье,
И смертному смертный — навеки чужой.

XXII
К ШЕЛЛИ

Мой лучший брат, мой светлый гений,
С тобою слился я в одно.
Меж нами цепь одних мучений,
Одних небесных заблуждений
Всегда лучистое звено.

И я, как ты, люблю равнины
Безбрежных стонущих морей,
И я с душою андрогины,
Нежней, чем лилия долины,
Живу как тень среди людей.

И я, как свет, вскормленный тучей,
Блистаю вспышкой золотой.
И мне открыт аккорд певучий
Неумирающих созвучий,
Рожденных вечной Красотой.

КОШМАРЫ

For like an eyeless night-mare grief did sit
Upon bis being.

Shelley

Потому что печаль, как безглазый кошмар, нависла над его существом...

Шелли

I
УЗОРНОЕ ОКНО

На бледно-лазурном стекле
Расписаны ярко узоры.
Цветы наклонились к земле,
Скала убегает к скале,
И видно, как дремлют во мгле
Далекие снежные горы.
Но что за высоким окном
Горит нерассказанным сном,
И краски сливает в узоры?

Не дышит ли там Красота
В мерцании мира и лени?
Всхожу, — и бледнеет мечта,
К печали ведет высота,
За ярким окном пустота, —
Меня обманули ступени.
Все дремлет в немой полумгле,
И только на мертвом стекле
Играют бездушные тени.

II
ПРОЙДУТ ВЕКА ВЕКОВ

Пройдут века веков, толпы тысячелетий,
Как туча саранчи, с собой несущей смерть,
И в быстром ропоте испуганных столетий
До горького конца пребудет та же твердь, —

Немая, мертвая, отвергнутая Богом,
Живущим далеко в беззвездных небесах,
В дыханьи Вечности, за гранью, за порогом
Всего понятного, горящего в словах.

Всегда холодная, пустыня звезд над нами
Останется чужой до горького конца,
Когда она падет кометными огнями,
Как брызги слез немых с печального лица.

III
ВЕЩИЙ СОН
Сонет

Как вещий сон волшебника-Халдея,
В моей душе стоит одна мечта.
Пустыня Мира дремлет, холодея,
В Пустыне Мира дремлет Красота.

От снежных гор с высокого хребта
Гигантская восходит орхидея,
Над ней отравой дышит пустота.
И гаснут звезды, в сумраке редея.

Лазурный свод безбрежен и глубок,
Но в глубь его зловеще-тусклым взглядом
Глядит — глядит чудовищный цветок,

Взлелеянный желаньем, полный ядом,
И далеко — теснит немой простор
Оплоты Мира, глыбы мертвых гор.

IV
«БОГ НЕ ПОМНИТ ИХ...»

В тусклом беззвучном Шеоле
Дремлют без снов рефаимы,
Тени умерших на воле,
Мертвой неволей хранимы.

Память склонилась у входа,
К темной стене припадая.
Нет им ни часа, ни года,
Нет им призывов Шаддая.

В черной подземной пустыне
Мертвые спят караваны,
Спять вековые твердыни,
Богом забытые страны.

V
СФИНКС

Среди песков пустыни вековой,
Безмолвный Сфинкс царит на фоне ночи,
В лучах Луны гигантской головой
Встает, растет, — глядят, не видя, очи.

С отчаяньем живого мертвеца,
Воскресшего в безвременной могиле,
Здесь бился раб, томился без конца, —
Рабы кошмар в граните воплотили.

И замысел чудовищной мечты,
Средь Вечности, всегда однообразной,
Восстал как враг обычной красоты,
Как сон, слепой, немой, и безобразный.

VI
В ЧАС ВЕЧЕРНИЙ

Зачем в названьи звезд отравленные звуки, —
Змея, и Скорпион, и Гидра, и Весы?
— О, друг мой, в царстве звезд все та же боль разлуки,
Там так же тягостны мгновенья и часы.

О, друг мой, плачущий со мною в час вечерний,
И там, как здесь, царит Судьбы неправый суд,

Змеей мерцает ложь, и гидра жгучих терний —
Отплата мрачная за радости минут.

И потому теперь в туманности Эфира
Рассыпались огни безвременной росы,
И дышут в темноте, дрожат над болью Мира —
Змея, и Скорпион, в Гидра, и Весы.

VII
РАВНИНА

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина,
И краями ушла в Небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью Земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых Небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижен кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

В ЦАРСТВЕ ЛЬДОВ

Sit down; and let us
Upon that point fix all-our eyes, that point there.
Make a dull silence, till you feel a sudden sadness
Give us new soul.

Beaumont

Сядемте; устремим все наше внимание на ту точку, вон на ту точку. Предадимся мрачному молчанию, пока вы не почувствуете, что внезапная скорбь дает нам новую душу.

Бомонт

I
В ЦАРСТВЕ ЛЬДОВ

1

Как призраки огромные,
Стоят немые льды.
Над ними тучи темные,
Под ними глубь воды.

Когда Луна, — гасильница
Туманных бледных звезд, —
Небесная кадильница, —
Раскинет светлый мост,

Раскинет мост сверкающий
Над царством белых льдов, —
Пустынею нетающей
Идут ряды врагов.

2

Туманные видения
Искателей земли
Для жадного стремления
Преграду здесь нашли.

И были здесь отвергнуты
Холодною волной,
Отвергнуты, повергнуты
Пустыней ледяной.

Засыпаны бездушными
Пушинками снегов,
Покрыты равнодушными
Тенями облаков.

3

Но раз в году, единственный,
В ту ночь как новый год
Рождается таинственный
Из бездны темных вод, —

Путями заповедными
Покинув Океан,
Луна горит победными
Лучами сквозь туман.

И раз в году, единственный,
За гранью мертвых вод,
За дымкою таинственной
Умершее живет.

4

Из бездны отдаления,
Искатели земли,
Встают, как привидения,
Немые корабли.

И мачтами возносятся
Высоко в небеса,
И точно в битву просятся
Седые паруса.

Но снова, караванами,
Растают корабли,

Не встретив за туманами
Неведомой земли.

5

И вслед за ними, — смутные
Угрозы царству льдов, —
Растут ежеминутные
Толпы иных врагов.

То люди первородные,
Избранники Судьбы,
В мечтаниях — свободные,
В скитаниях — рабы.

Но, вставши на мгновение
Угрозой царству льдов,
Бледнеют привидения,
Редеют тени снов.

6

Другие первозданные
Игралища страстей,
Идут виденья странные, —
Похожи на людей.

Гигантские чудовища, —
Тяжелый сон веков, —
Идут искать сокровища,
Заветных берегов.

И в страхе на мгновение,
Звучит скала к скале, —
Но вот уже видения
Растаяли во мгле.

7

Безбрежно озаренная
Мерцанием Луны,

Молчит пустыня сонная
И вечно видит сны.

И видит сны преступные, —
Судьбы неправый суд.
Но, вечно недоступные,
Оплоты льдов растут.

В насмешку над исканьями
Восходит их краса —
Немыми очертаньями
В немые Небеса.

II
ЧТО СЛЫШНО В ГОРАХ?

«Что ты слышишь в горах?» ты спросила меня.
«Что ты слышишь в горах?» я спросил. «Расскажи
мне сначала».
«Пробужденье веселого летнего дня»,
Ты с улыбкою мне отвечала.
«Мелодичное пенье альпийских рожков,
И блеянье овец, и мычанье быков,
И журчанье ключей искрометных,
Над вершиной бесшумный полет облаков,
Пенье птиц, крики птиц перелетных...
Ну, а ты?»
И, задумавшись, я отвечал: —
«Нет, мне слышен не шопот, а ропот,
Ропот черной грозы, и раскатный обвал,
Точно демонов яростный топот,
Заблудившихся путников горестный крик,
Монотонно-гремящее эхо,
Человеческих воплей ответный двойник,
Звук чьего-то злорадного смеха.
И еще, что слышнее всех бурь и громов,
Что страшнее, чем звон долголетних оков
И тяжелые муки изгнанья: —
Это — сон вековых непробудных снегов,
Это — Смерти молчанье...»

III
МОРСКАЯ ПЕНА

Как пена морская, на миг возникая,
Погибнет, сверкая, растает дождем, —
Мы, дети мгновенья, живем для стремленья,
И в море забвенья могилу найдем.

Зачем ежечасно, волнуясь напрасно,
Стремимся мы страстно к обманной мечте?
Зачем мы рыдаем, скользим и блистаем,
И вновь пропадаем в немой пустоте?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
Печаль и сомненье! Как жалко мне вас!
Бежать бы мне вечно, дышать бесконечно,
Светиться беспечно в полуденный час!

IV
В ЛАБИРИНТЕ

1
ПРОХОДЯ ПО ЛАБИРИНТУ

Позабыв о блеске Солнца, в свете призрачных огней,
Проходя во лабиринту бесконечных ступеней,
С каждым шагом холодею, с каждым днем темнее грусть,
Все, что было, все, что будет, знаю, знаю наизусть.

Было много... Сны, надежды, свежесть чувства, чистота,
А теперь душа измята, извращенна, и пуста.
Я устал. Весна поблекла. С Небом порван мой завет.
Тридцать лет моих я прожил. Больше молодости нет.

Я в бесцельности блуждаю, в беспредельности грущу,
И, утратив счет ошибкам, больше Бога не ищу.
Я хотел от сердца к Небу перебросить светлый мост, —
Сердце прокляло созвездья, сердце хочет лучших звезд.

Что же мне еще осталось? С каждым шагом холодеть?
И на все, что просит счастья, с безучастием глядеть?
О, последняя надежда, свет измученной души,
Смерть, услада всех страданий, Смерть, я жду тебя, спеши!

2
ОНА ПРИДЕТ

Она придет ко мне безмолвная,
Она придет ко мне бесстрастная,
Непостижимой неги полная,
Успокоительно-прекрасная.

Она придет как сон таинственный,
Как звук родной во мгле изгнания,
И сладок будет миг единственный
На грани мрака и сознания.

Я буду тихим, буду радостным,
Изведав счастье примирения,
Я буду полон чувством сладостным,
Неизъяснимостью забвения.

Безгласно буду я беседовать
С моей душою улетающей,
Безгласно буду проповедовать
О силе жизни созидающей, —

О силе Правды, не скудеющей
За невозбранными пределами,
И над умершим тихо веющей
В последний раз крылами белыми.

V
КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному ветру.
Кому я молюсь? Равнине морской.
Я брат не людям, а буре и ветру,
Я брат холодной равнине морской.

Куда иду я? К горным вершинам.
Куда иду я? К пустыням глухим.
Я брат холодному горному ветру,
Живу одиноко и растаю как дым.

Чего хочу я? Тени последней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я дух бесстрастный, дух бесприютный.
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

VI

* * *

О, волны морские, родная стихия моя,
Всегда вы свободно бежите в иные края,
Всегда одиноки в холодном движеньи своем,
А мы безутешно тоскуем — одни и вдвоем.

Зачем не могу я дышать и бежать, как волна,
Я в мире один, и душа у меня холодна,
Я также спешу все в иные, в иные края, —
О, волны морские, родная стихия моя!

VII

* * *

Море — вечное стремленье, горы — царственный покой.
Если ты стремишься к счастью, вверь ладью волне морской:
Час придет, волненьем вечным утомится жадный взор, —
Спи тогда с разбитым сердцем в тихом царстве мертвых гор.

VIII
НА ВЕРШИНЕ

Я в горы ушел до рассвета: —
Все выше, туда, к ледникам,
Где ласка горячего лета
Лишь снится предвечным снегам, —

Туда, где холодные волны
Еще нерожденных ключей
Бледнеют, кристально-безмолвны,
И грезят о чарах лучей, —

Где белые призраки дремлют,
Где Время сдержало полет,
И ветру звенящему внемлют
Лишь звезды, да тучи, да лед.

Я знал, что века пролетели,
Для сердца Земля умерла.
Давно возвестили метели
О гибели Блага и Зла.

Еще малодушные люди
Цепей не хотели стряхнуть.
Но с думой о сказочном чуде
Я к Небу направил свой путь.

И топот шагов неустанных
Окрестное эхо будил,
И в откликах звучных и странных
Я грезам ответ находил.

И слышал я сагу седую,
Пропетую Гением гор,
Я видел Звезду Золотую,
С безмолвием вел разговор.

Достиг высочайшей вершины
И вдруг мне послышался гул: —
Домчавшийся ветер долины
Печальную песню шепнул.

Он пел мне: «Безумный! безумный!
«Я — ветер долин и полей,
Там праздник, веселый и шумный,
Там воздух нежней и теплей».

Он пел мне: «Ты ищешь Лазури?
Как тучка растаешь во мгле!
И вечно небесные бури
Стремятся к зеленой Земле».

«Прощай!» говорил он. «Хочу я
К долинам уйти с высоты, —
Там ждут моего поцелуя,
Там дышут живые цветы.

У каждого дом есть уютный,
Открытый дневному лучу.
Прощай, пилигрим бесприютный,
Спешу... Убегаю... Лечу!»

Все смолкло. Снега холодели
В мерцаньи вечерних лучей.
И крупные звезды блестели
Печалью нездешних очей.

Далекое Небо вздымалось,
Ревнивую тайну храня.
И что-то в душе оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мне чудилось: Колокол дальний
С лазурного Неба гудел,
Все тише, нежней и печальней, —
Он что-то напомнить хотел.

И, видя хребты ледяные,
Я понял в тот призрачный миг,
Что, бросив обманы земные,
Я правды Небес не достиг.

ДОН-ЖУАН

But now I am an emperor of a world,
This little world of man. My passions are
My subjects.

Tourneur

Но теперь я властитель над целым миром, над этим малым миром человека. Мои страсти — мои подданные.

Тэрнер

LXXVII
ДОН-ЖУАН

Отрывки из ненаписанной поэмы

1

La luna llena... Полная луна...
Иньес, бледна, целует, как гитана.
Te amo... amo... Снова тишина...
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана.

Слова солгут, — для мысли нет обмана, —
Любовь людей, — она ему смешна.
Он видел все, он понял слишком рано
Значение мечтательного сна.

Переходя от женщины продажной
К монахине, безгрешной, как мечта,
Стремясь к тому, в чем дышет красота,

Ища улыбки глаз бездонно-влажной,
Он видел сон земли, не сон небес,
И жар души испытанной исчез.

2

Он будет мстить. С бесстрашием пирата
Он будет плыть среди бесплодных вод.

Ни родины, ни матери, ни брата,
Над ним навис враждебный небосвод.

Земная жизнь — постылый ряд забот,
Любовь — цветок, лишенный аромата.
О, лишь бы плыть — куда-нибудь — вперед, —
К развенчанным святыням нет возврата.

Он будет мстить. И тысячи сердец
Поработит дыханием отравы.
Взамен мечты он хочет мрачной славы.

И женщины сплетут ему венец,
Теряя все за сладкий миг обмана,
В проклятьях восхваляя Дон-Жуана.

3

Что ж, Дон-Люис? Вопрос — совсем нетрудный.
Один удар его навек решит.
Мы связаны враждою обоюдной.
Ты честный муж, — не так ли? Я бандит?

Где блещет шпага, там язык молчит.
Вперед! Вот так! Прекрасно! Выпад чудный.
А, Дон-Люис! Ты падаешь? Убить.
In pace requiescat. Безрассудный!

Забыл, что Дон-Жуан неуязвим!
Быть может, самым Адом я храним,
Чтоб стать для всех примером лютой казни.

Готов служить. Не этим, так другим.
И мне ли быть доступным для боязни,
Когда я жаждой мести одержим!

4

Сгущался вечер. Запад угасал.
Взошла луна за темным океаном.

Опять кругом гремел стозвучный вал,
Как шум грозы, летящей по курганам.

Я вспомнил степь. Я вижу за туманом
Усадьбу, сад, нарядный бальный зал,
Где тем же сладко-чувственным обманом
Я взоры Русских женщин зажигал.

На зов любви к красавице-княгине
Вошел я тихо-тихо, точно вор.
Она ждала. И ждет меня доныне.

Но ночь еще хранила свой убор,
А я летел, как мчится смерч в пустыне,
Сквозь степь я гнал коня во весь опор.

5

Промчались дни желанья светлой славы,
Желанья быть среди полубогов.
Я полюбил жестокие забавы,
Полеты акробатов, бой быков,
Зверинцы, где свиваются удавы,
И девственность, вводимую в альков —
На путь неописуемых видений,
Блаженно-извращенных наслаждений.

Я полюбил пленяющий разврат
С его неутоляющей усладой,
С его пренебреженьем всех преград,
С его — ему лишь свойственной — отрадой.
Со всех цветов сбирая аромат,
Люблю я жгучий зной сменить прохладой,
И, взяв свое в любви с чужой женой,
Встречать ее улыбкой ледяной.

И вдруг опять в моей душе проглянет
Какой-то сон, какой-то свет иной,
И образ мой пред женщиной предстанет
Окутанным печалью неземной.

И вновь ее он как-то сладко ранит,
И, вновь — раба, она пойдет за мной.
И поспешит отдаться наслажденью
Восторженной и гаснущею тенью.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мне живут красивым сочетаньем,
Я всех маню, как тонущая даль,
Уклончивым и тонким очертаньем,
Блистательно убийственным, как сталь,
С ее немым змеиным трепетаньем.
Я весь — огонь, и холод, и обман,
Я — радугой пронизанный туман.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

И человек в человеке увидал врага.

То был первый великий грех.

И человек в женщине увидел игрушку страстей своих.

То был второй великий грех.

И полюбили они грехи свои, и возвели их в перл созданья, и преступление смешалось с красотой, и опьянили себя чарами Искусства.

То был третий грех, величайший.

И мера их беззакония исполнилась.

Из Летописи Мира

1

Над забытой колокольней
Тает странный бледный свет,
Словно грусть о жизни дольней,
Той, в которой счастья нет.
Над забытой колокольней,
В свете сказочных огней,
Все печальней, недовольней
Сонмы бледные теней —
Тех, которые молились,
Преступления полны,
И неправдой утомились,
И в земле погребены,
Тех, которые молились,
Возмущаясь тишиной,
И навеки удалились,
Удалились в мир иной.

2

Лес молчит во сне,
Сон его могилен.
Только в тишине
Стонет мрачный филин.

Красная Луна
Между елей тонет.
Всюду тишина,
Только филин стонет.

Лес молчит и спит,
Сон увидел чудный.
Кто-то был убит,
Здесь, в глуши безлюдной.

3

Много лет тому назад
Звезды таяли в тумане.
Ночью брата встретил брат,
На лесной глухой поляне.

Ночью брата встретил брат,
Смутно дрогнул мрак глубокий.
В эту ночь у райских врат
Плакал ангел одинокий.

4

И тысячи ангелов, тысячи Гениев Света,
В пределах небесных скорбели над сонной Землей,
Искали у Бога тревожным вопросам ответа,
И лучшие звезды, бледнея, подернулись мглой.

Но Бог не ответил, зачем допустил преступленье,
И падали звезды в пространстве одна за другой,
Узнавши, что им за мятеж суждено в искупленье —
Дышать и дрожать над пустыней тревоги людской.

5

В темноте миллионы теней
Погребальным идут хороводом.
И при свете болотных огней
Исчезает народ за народом.

И не в силах безумцы понять,
Что вращаются в круге замкнутом,
Что неверных огней не догнать
И нельзя отдаваться минутам, —

Что помимо звериных страстей
Есть иное святое блаженство —
Красота первозданных Идей,
Гармоничных миров совершенство.

И безумцы не в силах постичь
Бесконечную прелесть познанья,
И не слышат немолкнущий клич,
Отдаленный восторг Мирозданья.

6

Мы цветы срывали, нам цветы цвели,
Разные дороги к счастью нас вели.

Нам светили звезды, Солнце, и Луна,
Все для нас погасло, всюду тишина.

Мы цветы сорвали, больше нет цветов,
Звезды утонули в бездне облаков.
Разными путями к смерти мы пришли,
Счастия искали, счастья не нашли.

7

Лес молчит во сне,
Сон его туманен.
В мертвой тишине
Кто-то в сердце ранен.

Так волна к волне
В озере стремится.
В мертвой тишине
Тень, одна, томится.

Лес молчит во сне,
Слышит: Кто-то стонет.
В водной глубине
Женский образ тонет.

8

Русалка очнулась на дне,
Зеленые очи открыла,
И тут же на дне, в стороне,
Родного ребенка зарыла.

И слышит, как бьется дитя,
Как бредит о мире свободном.
Русалка смеется, шутя —
Привольно ей в царстве подводном.

И долгие годы пройдут,
Русалка в воде побелеет,
И люди русалку найдут,
Когда глубина обмелеет.

И люди русалку найдут
Застывшим немым изваяньем,
Дивиться искусству придут,
Молчанью молиться молчаньем.

То будет в последние дни,
Когда мы простимся с Мадонной,
Над бездной засветим огни,
Услышим свой марш похоронный.

9

Что же там за странный гул?
Ты сказал, что мир уснул.
Ты сказал, что темный лес
Спит в безмолвии чудес,
Дремлет сказкой быстрых дней,
Бредит грезами теней.

Долгий мрачный гул встает.
Это колокол поет!
Совесть грозная земли,
Говорит: «Восстань! Внемли!»
Это колокол гудит,
Долгим гулом сердцу мстит
За греховные мечты
Искаженной красоты.

10

«Вы умершие, вы мертвые, хоть кажетесь живыми,
Вы закончили кружение в жестокой пустоте.
Вы, упорствуя, играете костями роковыми,
Но грозит уж срок содвинутый, и вы уже не те.

Все исчерпано, окончено, проиграно, чужое,
Вам лишь тление, гниение средь черной темноты.
Если ранее томились вы, томленье будет вдвое,
Вы — лишь прах от растоптания убитой Красоты».

ЗВЕЗДА ПУСТЫНИ

Иногда в пустыне возникают голоса, но никто не знает, откуда они.

Слова одного бедуина

1

О, Господи, молю Тебя, приди!
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди!

Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо я безумным сердцем верю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемерю,
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!

О, смилуйся над гибнущим рабом!
Нет больше сил стонать среди пустыни,
Зажгись во мраке огненным столбом,
Приди, молю Тебя, я жду святыни.
О, смилуйся над гибнущим рабом!

2

Только что сердце молилось Тебе,
Только что вверилось темной судьбе, —
Больше не хочет молиться и ждать,
Больше не может страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы,
Душно мне, страшно от шепчущей тьмы,
Хочется в пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.

3

О, Даятель немых сновидений,
О, Создатель всемирного света,
Я не знаю Твоих откровений,
Я не слышу ответа.

Или трудно Тебе отозваться?
Или жаль Тебе скудного слова?
Вот уж струны готовы порваться
От страданья земного.

Не хочу славословий заемных, —
Лучше крики пытаемых пленных,
Если Ты не блистаешь для темных,
И терзаешь смиренных!

4

О, как Ты далек! Не найти мне Тебя, не найти!
Устали глаза от простора пустыни безлюдной.
Лишь кости верблюдов белеют на тусклом пути,
Да чахлые травы змеятся над почвою скудной.

Я жду, я тоскую. Вдали вырастают сады.
О, радость! Я вижу, как пальмы растут, зеленея.
Сверкают кувшины, звеня от блестящей воды.
Все ближе, все ярче! — И сердце забилось, робея.

Боятся и шепчет: «Оазис!» — Как сладко цвести
В садах, где, как праздник, пленительна жизнь молодая.
Но что это? Кости верблюдов лежат на пути!
Все скрылось. Лишь носится ветер, пески наметая.

5

Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листов,
Протяжней, чем шум Океана,
Без слов, но, слагаясь в созвучия слов,

Из сфер неземного тумана,
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет урагана.

6

«Я откроюсь тебе в неожиданный миг,
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг.
Не печалься. Не думай об этом.

Ты воскликнул, что Я бесконечно далек, —
Я в тебе, ты во Мне, безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек: —
Все — в одном. Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».

7

И там, где пустыня с Лазурью слилась,
Звезда ослепительным ликом зажглась.
Испуганно смотрит с немой вышины, —
И вот над пустыней зареяли сны.

Донесся откуда-то гаснущий звон,
И стал вырастать в вышину небосклон.
И взорам открылось при свете зарниц,
Что в небе есть тайны, но нет в нем границ.

И образ пустыни от взоров исчез,
За небом раздвинулось Небо небес.
Что жизнью казалось, то сном пронеслось,
И вечное, вечное счастье зажглось.

Рим.
Осень, 1897

Книга II

ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ

Лирика современной души

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.
Бальмонт

Посвящаю эту книгу рубиновых страниц
моему другу
С. А. Полякову,
с которым мы вместе ее пережили.

К. Бальмонт

Москва, 3 января

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
(1899)

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх, бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. Я не уклонялся от самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам. В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немотствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я.

У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагае-

мой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя.

В предшествующих своих книгах — *Под Северным Небом, В Безбрежности* и *Тишина* я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое.

В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу.

Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.
Имение Поляковых «Баньки»,
Московского уезда

2. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1903)

МОИ ВРАГИ

О, да, их имена суть многи,
Чужда им музыка мечты.
И так они серо-убоги,
Что им не нужно красоты.

Их дразнит трепет скрипки страстной,
И роз красивых лепестки.
Едва махнешь им тканью красной,
Они мятутся, как быки.

Зачем мы ярких красок ищем,
Зачем у нас так светел взгляд!
Нет, если вежлив ты, пред нищим
Скрывай, поэт, что ты богат.

Отдай свой дух мышиным войнам,
Забудь о бездне голубой.
Прилично ль быть красиво-стройным,
Когда уроды пред тобой!

Подслеповатыми глазами
Они косятся на цветы.
Она питаются червями,
О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянут, —
И в норы прячутся сейчас:
Вдруг вовсе видеть перестанут,
И станут дырки вместо глаз.

Но мне до них какое дело,
Я в облаках моей мечты.
С недостижимого предела
Роняю любящим цветы.

Свечу и жгу лучом горячим,
И всем красивым шлю привет.
И я ничто — зверям незрячим,
Но зренью светлых — я расцвет!

14 августа. День.
Меррекюль, Эстляндской губ.

3. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(1904)

Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили — и погасли для тебя, их написавшего. Они дороги и чужды, как лепестки подаренных увядших цветов, как письма женщин, в которых ты пробудил непонятность, что зовется любовью, как выцветшие портреты отошедших людей. Вот я смотрю на них, и многое в этом старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собою свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко-постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником. Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкавшего потока времени, несколько страстных рубинов, и несколько горячих испанских гвоздик, и несколько красных мировых роз.

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова и снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы.

Я откидываюсь от разума к страсти, я опрокидываюсь от страстей в разум. Маятник влево, маятник вправо. На циферблате ночей и дней неизбежно должно быть движение. Но философия мгновенья не есть философия земного маят-

ника. Звон мгновенья — когда его любишь, как я, — из области надземных звонов. Я отдаюсь мировому, и Мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в Древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя — Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время тайно люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я — действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные зданья во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побыл с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое вчера. Скорей к неизвестному Завтра!

К. Бальмонт

3 января. Ночь.
Москва

КРИК ЧАСОВОГО

Сонет

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras penas,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana

Мой наряд — бранные доспехи,
Мое отдохновенье — где битва и беда,
Моя постель — суровые утесы,
Мое дремать — не спать никогда.

Старинная испанская песня

* * *

Пройдя луга, леса, болота, горы,
Завоевав чужие города,
Солдаты спят. Потухнувшие взоры —
В пределах дум. Снует их череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда, —
Солдаты спят, как нищие, как воры.

Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Все спит. И пусть. Я — верный — тут.
До завтра сном беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьме — чуть слышные шаги.
Их тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВЕТЫ ЗАРЕВА

А меж тем огонь безумный
И глухой, и многошумный,
Все горит.

Эдгар По

Leaping higher, higher, higher...

E. A. Poe

I
КИНЖАЛЬНЫЕ СЛОВА

I will speak daggers.

Hamlet

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов,
И предсметных восклицаний!

II
ПОЛНОЧЬ И СВЕТ

Полночь и свет знают свой час.
Полночь и свет радуют нас.

В сердце моем — призрачный свет.
В сердце моем — полночи нет.

Ветер и гром знают свой путь.
К лону земли смеют прильнуть.
В сердце моем буря мертва.
В сердце моем гаснут слова.

Вечно ли я буду рабом?
Мчитесь ко мне, буря и гром!
Сердце мое, гибни в огне!
Полночь и свет, будьте во мне!

III
СЛОВО ЗАВЕТА

> Oh hombre! pregunta a los brutos irracionales, que ellos te ensenaran...
>
> *Diego de Estella*

О, человек, спроси зверей,
Спроси безжизненные тучи!
К пустыням вод беги скорей,
Чтоб слышать, как они певучи!
Беги в огромные леса,
Взгляни на сонные растенья,
В чьей нежной чашечке оса
Впивает влагу наслажденья!
Им ведом их закон, им чуждо заблужденье.

Зачем же только ты один
Живешь в тревоге беспримерной?
От колыбели до седин
Ты каждый день — другой, неверный!
Зачем сегодня, как вчера,
Ты восклицанье без ответа?
Как тень от яркого костра,
Ты в ночь бежишь от места света,
И чаща вкруг тебя безмолвием одета.

Проникни силою своей
В язык безмолвия ночного!
О, человек, спроси зверей
О цели странствия земного!
Ты каждый день убийцей был
Своих же собственных мечтаний,
Ты дух из тысячи могил, —
Живи, как зверь, без колебаний! —
И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий!

IV
МОРСКОЙ РАЗБОЙНИК

Есть серая птица морская с позорным названьем — глупыш.
Летит она вяло и низко, как будто бы спит, — но, глядишь,
Нависши уродливым телом над быстро сверкнувшей волной,
Она увлекает добычу с блестящей ее чешуей.
Она увлекает добычу, но дерзок, красив, и могуч,
Над ней альбатрос длиннокрылый, покинув возвышенность туч,
Как камень, низринутый с неба, стремительно падает ниц,
При громких встревоженных криках окрест пролетающих птиц.
Ударом свирепого клюва он рыбу швырнет в пустоту,
И, быстрым комком промелькнувши, изловит ее налету,
И, глупую птицу ограбив, он крылья расправит свои,
И виден в его уже клюве блестящий отлив чешуи. —
Морской и воздушный разбойник, тебе я слагаю свой стих,
Тебя я люблю за бесстыдство пиратских порывов твоих.
Вы, глупые птицы, спешите, ловите сверкающих рыб,
Чтоб метким захватистым клювом он в воздухе их перешиб!

V
КАК ИСПАНЕЦ

Как Испанец, ослепленный верой в Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,

Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущельи, под Сиэррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Перу засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою Аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час передцремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь.

VI
КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Быть может, предок мой был честным палачом:
Мне маки грезятся, согретые лучом,
Гвоздики алые, и, полные угрозы,
Махрово-алчные, раскрывшиеся розы.
Я вижу лилии над зыбкою волной:
Окровавленные багряною Луной,
Они, забыв свой цвет, безжизненно-усталый,
Мерцают сказочно окраской ярко-алой,
И с сладким ужасом, в застывшей тишине,
Как губы тянутся, и тянутся ко мне.

И кровь поет во мне... И в таинстве заклятья
Мне шепчут призраки: «Скорее! К вам в объятья!

Целуй меня... Меня!.. Скорей... Меня... Меня!..»
И губы жадные, на шабаш свой маня,
Лепечут страшные призывные признанья:
«Нам все позволено... Нам в мире нет изгнанья...
Мы всюду встретимся... Мы нужны для тебя...
Под красным Месяцем, огни лучей дробя,
Мы объясним тебе все бездны наслажденья,
Все тайны вечности и смерти и рожденья».
И кровь поет во мне. И в зыбком полусне
Те звуки с красками сливаются во мне.
И близость нового, и тайного чего-то,
Как пропасть горная, на склоне поворота,
Меня баюкает, и вкрадчиво зовет,
Туманом огненным окутан небосвод,
Мой разум чувствует, что мне, при виде крови,
Весь мир откроется, и все в нем будет внове,
Смеются маки мне, пронзенные лучом...
Ты слышишь, предок мой? Я буду палачом!

VII
Я СБРОСИЛ ЕЕ

Я сбросил ее с высоты,
И чувствовал тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь — как виденье!

Ты мучить не будешь меня,
А радовать страшной мечтою,
Создание тьмы и огня,
С проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать в забытьи,
В безумстве кошмарного пира,
Румяные губы твои,
Кровавые губы вампира!

И если я прежде был твой,
Теперь ты мое привиденье,

Тебя я страшнее — живой,
О, тень моего наслажденья!

Лежи искаженным комком,
Обломок погибшего зданья.
Ты больше не будешь врагом...
Так помни, мой друг: Д о с в и д а н ь я!

VIII
СКИФЫ

Мы блаженные сонмы свободно кочующих Скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи,
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчей мы летим, саранчей на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим, и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье — война, наша верная сила — в колчане,
Наша гордость — в незнающем отдыха быстром коне.

IX
В ГЛУХИЕ ДНИ

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скиталися без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, — озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы царили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

X
ОПРИЧНИКИ

Когда опричники, веселые, как тигры,
По слову Грозного, среди толпы рабов,
    Кровавые затеивали игры,
    Чтоб увеличить полчище гробов, —

Когда невинных жгли и рвали по суставам,
Перетирали их цепями пополам,

И в добавленье к царственным забавам,
На жен и дев ниспосылали срам, —

Когда, облив шута горячею водою,
Его добил ножом освирепевший царь, —
На небесах, своею чередою,
Созвездья улыбалися как встарь.

Лишь только эта мысль в душе блеснет
случайно,
Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя.
О, если мир — божественная тайна,
Он каждый миг — клевещет на себя!

XI
СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНОГО
Предание

Нет, на Руси бывали чудеса,
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны Небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, долы,
Врываясь в села шайками теней,
Терзали нас бесчинные Монголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный.
Незримая меж ним и Небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщен хотел Святых он Таин,

Но страшная на нем печать была:
Вкруг рта — все кровь, и он глядел — как Каин.

Толпилися бояре, позабыв
Себя — пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздохнув, заснул, и всем казался мертвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца,
И крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнул чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал, —
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полночной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мертвый, стоя, белый, пел псалмы,
И толковал значенье Русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

XII
СКОРПИОН
Сонет

Я окружен огнем кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присужден, —
За то, что я родился безобразным,
За то, что я зловещий скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон,
Кошмаром роковым и неотвязным, —
Нет выхода, я смертью окружен,
Я пламенем стеснен многообразным.

Но вот, хоть все ужасней для меня
Дыханья неотступного огня,
Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе.
Я смерть свою нашел в самом себе.
Я гибну скорпионом — гордым, вольным.

XIII

* * *

Я люблю далекий след — от весла,
Мне отрадно подойти — вплоть до зла,
И его не совершив — посмотреть,
Как костер, вдали, за мной — будет тлеть.

Если я в мечте поджег — города,
Пламя зарева со мной — навсегда.
О, мой брат! Поэт и царь — сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты — и горим!

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III

Кажусь святым, роль дьявола играя.
Ричард Третий

I
АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей; —
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей; —
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные,
Тонкие черты,
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко онемелые,
Легкие цветы.

Чувственно-неясные,
Девственно прекрасные,
В страстности бесстрастные,
Тайны и слова; —
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва; —
Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости нежданные,

Проблески огня, —
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!

II
СЛОВА ЛЮБВИ

Слова любви, несказанные мною,
В моей душе горят и жгут меня.
О, если б ты была речной волною,
О, если б я был первой вспышкой дня!
Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем,
В тебя проник дробящейся мечтой, —
Чтоб ты, моим блеснув очарованьем,
Жила своей подвижной красотой!

III
ХЛОПЬЯ ТУМАНА

1

Можно вздрогнуть от звука шагов,
Не из чувства обмана,
А из жажды остаться вдвоем в нетревожимом счастии снов,
Под владычеством чары, воздушной, как грань облаков,
Можно горько бояться, что светлые хлопья тумана
Разойдутся — не слившись, умрут, — слишком рано.

2

О, в душе у меня столько слов для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3

Я как сон пред тобой, я как сон голубой,
Задремавший на синем цветке.

Я как шорох весны, я как вздох тишины,
Как тростник, наклоненный к реке.
Я как легкий ковыль, как цветочная пыль,
Каждый миг и дышу, и дрожу.
Я как летняя мгла, что светла и тепла,
И тебе все без слов я скажу.

IV
ОПЯТЬ

Я хотел бы тебя заласкать вдохновением,
Чтоб мои над тобой трепетали мечты,
Как струится ручей мелодическим пением
Заласкать наклонившихся лилий цветы,
Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновением
Ты шептала: «Опять! Это — ты! Это — ты!»

О, я буду воздушным и нежно внимательным,
Буду вкрадчивым, — только не бойся меня,
И к непознанным снам, так желанно-желательным,
Мы уйдем чрез слияние ночи и дня,
Чтоб угаданный свет был как будто гадательным,
Чтоб мы оба зажглись от того же огня.

Я тебя обожгу поцелуем томительным,
Несказанным — одним — поцелуем мечты,
И блаженство твое будет сладко медлительным,
Между ночью и днем, у заветной черты,
Чтоб, закрывши глаза, ты в восторге мучительном
Прошептала: «Опять! Ах, опять! Это — ты!»

V
СРЕДИ КАМНЕЙ

Я шел по выжженному краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что, не знаю,
Но что не думать — я не мог.

И полумертвые руины
Полузабытых городов
Безмолвны были, как картины,
Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышет жизнь в немом затоне,
Что есть бессмертная любовь.

VI
БЕЛЛАДОННА

Счастье души утомленной —
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Все позабыть, и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны —
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,
Светом Луны расцвечаться,
Сердцем с Луною встречаться,
Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
    Радость моя!
Радости нет без печали,
Между цветами — змея.

Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной,
Кто расцветет белладонной, —
    Ты или я?

VII
Я БУДУ ЖДАТЬ

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся — безмолвие несчастия,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие. —
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты нежданная,
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

VIII
НЕЖНЕЕ ВСЕГО

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признанье во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, —
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, —
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно
Огнем волшебства своего, —
Нежнее, чем Польская панна,
И, значит, важнее всего.

IX
ВОЛНА

Набегает, уходит, и снова, светясь, возвращается,
Улыбается, манит, и плачет с притворной борьбой,
И украдкой следит, и обманно с тобою прощается, —
И мелькает, как кружево, пена во мгле голубой.
О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
О, волна, подожди! Но отхлынул прибой.

Серебристые нити от новой Луны засвечаются,
Все вольней и воздушней — уплывшему в даль кораблю.
И лучистые волны встречаются, тихо качаются,
Выростает незримое рабство, я счастлив, я сплю.
И смеется волна: «Я тебя утоплю!
Утоплю, потому что безмерно люблю!»

X
ОСЕНЬ

Вы умрете, стебли трав,
Вы вершинами встречались,
В легком ветре вы качались,
Но, блаженства не видав,
Вы умрете, стебли трав.

В роще шелест, шорох, свист
Тихий, ровный, заглушенный,
Отдаленно-приближенный.
Умирает каждый лист,
В роще шелест, шорох, свист.

Сонно падают листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы, и осины.
С измененной высоты
Сонно падают листы.

XI
ОТЦВЕЛИ

Отцвели — о, давно! — отцвели орхидеи, мимозы,
Сновиденья нагретых и душных и влажных теплиц.
И в пространстве, застывшем, как мертвенный цвет
туберозы,
Чуть скользят очертанья поблекших разлюбленных лиц.

И бледнеют, и тонуть в душе, где развалины дремлют,
В этой бездне, где много, где все пробегает на миг,

В переходах, где звукам их отзвуки, вторя, не внемлют,
Где один для меня сохранился немеркнущий лик.

Этот образ — в созвучии странном с душою моею,
В этом лике мы оба с тобою узнаем себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смею,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю с безупречною нежностью духа и брата,
Я люблю, как звезду отдаленная любит звезда,
Как цветок, что еще не растратил в душе аромата,
Я с тобой — я люблю — я с тобой — разлучен — навсегда.

XII
ЗАМОК ДЖЭН ВАЛЬМОР
Баллада

1

В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной,
Толпятся гости с давних пор,
В тоске беспеременной:
Во взор ее лишь бросишь взор,
И ты навеки пленный.

2

Красивы замки старых лет.
Зубцы их серых башен
Как будто льют чуть зримый свет,
И странен он и страшен,
Немым огнем былых побед
Их гордый лик украшен.

3

Мосты подъемные и рвы, —
Замкнутые владенья.

Здесь ночью слышен крик совы,
Здесь бродят привиденья.
И странен вздох седой травы
В час лунного затменья.

4

В старинном замке Джэн Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
Поет струна, встает укор,
А где-то — водопады,
И долог гул окрестных гор,
Ответствуют громады.

5

Сегодня день рожденья Джэн.
Часы тяжелым боем
Сзывают всех, кто взят ей в плен,
И вот проходят роем
Красавцы, Гроль, и Ральф, и Свен,
По сумрачным покоям.

6

И нежных дев соседних гор
Здесь ярко блещут взгляды,
Эрглэн, Линор, — и ясен взор
Пышноволосой Ады, —
Но всех прекрасней Джэн Вальмор,
В честь Джэн звучат баллады.

7

Певучий танец заструил
Медлительные чары.
Пусть будет с милой кто ей мил,
И вот кружатся пары.
Но бог любви движеньем крыл
Сердцам готовит кары.

8

Да, взор один на путь измен
Всех манит неустанно.
Все в жизни — дым, все в жизни — тлен,
А в смерти все туманно.
Но ради Джэн, о, ради Джэн,
И смерть сама желанна.

9

Бьет полночь. — «Полночь!» — Звучный хор
Пропел балладу ночи. —
«Беспечных дней цветной узор
Был длинен, стал короче». —
И вот у гордой Джэн Вальмор
Блеснули странно очи.

10

В полночный сад зовет она
Безумных и влюбленных,
Там нежно царствует Луна
Меж елей полусонных,
Там дышет нежно тишина
Среди цветов склоненных.

11

Они идут, и сад молчит,
Прохлада над травою,
И только здесь и там кричит
Сова над головою,
Да в замке музыка звучит
Прощальною мольбою.

12

Идут. Но вдруг один пропал,
Как бледное виденье,

Другой холодным камнем стал,
А третий — как растенье.
И обнял всех незримый вал
Волненьем измененья.

13

Под желтой дымною Луной,
В саду с травой седою,
Безумцы, пестрой пеленой,
И разной чередою,
Оделись формою иной
Пред девой молодою.

14

Исчезли Гроль, и Ральф, и Свен
Среди растений сада.
К цветам навек попали в плен
Эрглэн, Линор, и Ада.
В глазах зеленоглазой Джэн —
Змеиная отрада.

15

Она одна, окружена
Тенями ей убитых.
Дыханий много пьет она
Из этих трав излитых.
В ней — осень, ей нужна весна
Восторгов ядовитых.

16

И потому, сплетясь в узор,
В тоске беспеременной,
Томятся души с давних пор,
Толпой навеки пленной,
В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной.

XIII
ЧАРЫ МЕСЯЦА
Медленные строки

1

Между скал, под властью мглы,
Спят усталые орлы.
Ветер в пропасти уснул,
С Моря слышен смутный гул.

Там, над бледною водой,
Глянул Месяц молодой,
Волны темные воззвал,
В Море вспыхнул мертвый вал.

В Море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышут брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц Море победил.

2

Свод небес похолодел,
Месяц миром овладел,
Жадным светом с высоты
Тронул горные хребты.

Все безмолвно захватил,
Вызвал духов из могил.
В серых башнях, вдоль стены,
Встали тени старины.

Встали тени и глядят,
Странен их недвижный взгляд,
Странно небо над водой,
Властен Месяц молодой.

3

Возле башни, у стены,
Где чуть слышен шум волны,

Отделился в полумгле
Белый призрак Джамилэ.

Призрак царственный княжны
Вспомнил счастье, вспомнил сны,
Все, что было так светло,
Что ушло — ушло — ушло.

Тот же воздух был тогда,
Та же бледная вода,
Там, высоко над водой,
Тот же Месяц молодой.

4

Все слилось тогда в одно
Лучезарное звено.
Как-то странно, как-то вдруг,
Все замкнулось в яркий круг.

Над прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Изменяяся едва,
Незабвенные слова.

Море пело о любви,
Говоря: «Живи! живи!»
Но, хоть вспыхнул в сердце свет,
Отвечало сердце: «Нет!»

5

Возле башни, в полумгле,
Плачет призрак Джамилэ.
Смотрят тени вдоль стены,
Светит Месяц с вышины.

Все сильней идет прибой
От равнины голубой,
От долины быстрых вод,
Вечно мчащихся вперед.

Волны яркие плывут,
Волны к счастию зовут,
Вспыхнет легкая вода.
Вспыхнув, гаснет навсегда.

6

И еще, еще идут,
И одни других не ждут,
Каждой дан один лишь миг,
С каждой есть волна-двойник.

Можно только раз любить,
Только раз блаженным быть,
Впить в себя восторг и свет, —
Только раз, а больше — нет.

Камень падает на дно,
Дважды жить нам не дано.
Кто ж придет к тебе во мгле,
Белый призрак Джамилэ?

7

Вот уж с яркою звездой
Гаснет Месяц молодой.
Меркнет жадный свет его,
Исчезает колдовство.

Скучным утром дышет даль,
Старой башне ночи жаль,
Камни серые глядят,
Неподвижен мертвый взгляд.

Ветер в пропасти встает,
Песню скучную поет.
Между скал, под влагой мглы,
Просыпаются орлы.

XIV

* * *

Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все крутом мертво.

Можно жить, безмолвно холодея,
Не считая гаснущих минут,
Как живет осенний лес, редея,
Как мечты поблекшие живут.

Можно все заветное покинуть,
Можно все бесследно разлюбить.
Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

СОВЕСТЬ

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces veugles?
Baudelaire

Я говорю: Слепцы! Что нужно им от Неба?
Бодлэр

I
СУМРАЧНЫЕ ОБЛАСТИ

Сумрачные области совести моей,
Чем же вы осветитесь на исходе дней, —
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы растете медленно, но как глыбы туч,
Ваш провал безмолвия страшен и могуч,
Вы грозите скрытою гибельностью круч.

После детства ровного с прелестью лугов,
После отыскания новых берегов,
Наши мысли гонят нас, гонят, как врагов.

Ни минуты отдыха, жизнь к себе зовет,
Дышет глянцевитостью наш водоворот,
Ни минуты отдыха, дальше, все вперед.

Чуть мечтой измеряешь дальние края,
Вот уже испорчена молодость твоя,
Стынет впечатлительность к сказкам бытия.

И душой холодною, полной пустоты,
В жажде новых пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной в бездне голубой,
Где ты вдруг очутишься — с призраком —
с собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слепой.

И среди отчаянья, дыма, и теней,
Чем же ты осветишься на исходе дней?
Горе! Как ты встретишься с совестью своей?

II
ПОД ЯРМОМ

Как под ярмом быки влекут тяжелый воз,
И оставляют след продольностью колес,
Так ваши помыслы, намеренья, деянья
За нами тянутся, готовя горечь слез,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья, —
Они накопятся, и, рухнув, как утес,
Глухими гулами ворвутся к нам в сознанье,
Как крик раскаянья, как вопль воспоминанья.

III
ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Стараясь выбирать тенистые места,
Я ехал по лесу, и эта красота
Деревьев, дремлющих в полуденном покое,
Как бы недвижимо купающихся в зное,
Меня баюкала, и в душу мне проник
Дремотных помыслов мерцающий родник.
Я вспомнил молодость... Обычные мгновенья
Надежд, наивности, влюбленности, забвенья,
Что светит пламенем воздушно-голубым,
И превращается внезапно в черный дым.

Зачем так памятно, немою пеленою,
Виденья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мне нельзя вернуться к чистоте,
И я уже не тот, и вы уже не те.
Вы только призраки, вы горькие упреки,
Терзанья совести, просроченные сроки.
А я двойник себя, я всадник на коне,
Бесцельно едущий — куда? Кто скажет мне!
Все помню... Старый сад... Цветы... Чуть дышут ветки...

Там счастье плакало в заброшенной беседке,
Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим — увы — моим в шестнадцать лет.
Неподражаемо-стыдливые свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющие в душе лишь в те года,
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый»,
«Навсегда».
Как сладко вместе быть! Как страшно сесть с ней
рядом!
Как можно выразить всю душу быстрым взглядом!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Темней ложится тень, сокрыт густым навесом
Родной мой старый сад, смененный диким лесом.
Невинный шопот снов, ты сердцем позабыт,
Я слышу грубый звук, я слышу стук копыт.
То голос города, то гул глухих страданий,
Рожденных сумраком немых и тяжких зданий.
То голос призраков, замученных тобой,
Кошмар, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающих скелетов
С гнилым роскошеством заученных ответов,
Очаг, в чью пасть идут хлеба с кровавых нив,
Где слабым места нет, где силен тот, кто лжив.
Но там есть счастие — уйти бесповоротно,
Душой своей души, к тому, что мимолетно,
Что светит радостью иного бытия,
Мечтать, искать, и ждать, — как сделал это я.
Мне грезились миры, рожденные мечтою,
Я землю осенял своею красотою,
Я всех любил, на все склонял свой чуткий взор,
Но мрак уж двинулся, и шел ко мне, как вор.

Мне стыдно плоскости печальных приключений,
Вселенной жаждал я, а мой вампирный гений
Был просто женщиной, познавшей лишь одно,
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она так медленно раскидывала сети,
Мы веселились с ней, мы были с ней как дети.

Пронизан солнцем был ласкающий туман,
И я на шее вдруг почувствовал аркан.
И пьянство дикое, чумной порок России,
С непобедимостью властительной стихии,
Меня низринуло с лазурной высоты
В провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшат воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознанье.
Что пользы вспоминать теперь, перед концом,
Что я случайно был и мужем, и отцом,
Что хоронил детей, что иногда, случайно...
О, нет, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умрет в тебе самом, как умерло давно,
Что было так светло Судьбой тебе дано.
Но где я? Что со мной? Вокруг меня завеса
Непроницаемо-запутанного леса,
Повсюду — острые и цепкие концы
Ветвей, изогнутых и сжатых, как щипцы.
Они назойливо царапают и ранят,
Дорогу застят мне, глаза мои туманят,
Встают преградою смутившемуся дню,
Ложатся под ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они следят за мной, мигают мне глазами,
С кривой улыбкою. — Последний луч исчез.
Враждебным ропотом и смехом полон лес.
Вершины шорохом окутались растущим,
Как бы предчувствием пред сумрачным грядущим.
И тучи зыбкие, на небе голубом,
С змеистой молнией рождают гул и гром.
Удар, еще удар, и вот вблизи налево,
Исполнен ярости и мстительного гнева,
Взметнулся огненный пылающий язык.
В сухом валежнике как будто чей-то крик,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
И замер. И кругом, везде — огонь, шипенье,
Деревьев-факелов кипящий дымный ад,
И бури бешеной раскатистый набат.
Порвавши повода, средь чадного тумана,
Как бы охваченный прибоем океана.

Мой конь несет меня, и странно-жутко мне
На этом взмыленном испуганном коне.
Лесной пожар гудит. Я понял предвещанье,
Перед душой моей вы встали на прощанье,
О, тени прошлого! — Простите же меня,
На страшном рубеже, средь дыма и огня!

IV
РАССВЕТ
Медленные строки

Я помню... Ночь кончалась,
Как-будто таял дым.
И как она смеялась
Рассветом голубым.

Безмолвно мы расстались,
Чужие навсегда.
И больше не видались.
И канули года.

И память изменяла,
Тебя я забывал.
Из бледного бокала
Блаженство допивал.

И новыми огнями
Себя я ослепил.
И дни ушли за днями,
И жизнь я вновь любил.

Не жизнь, а прозябанье
В позорном полусне:
Я пил без колебанья,
Искал мечты в вине.

И вот хохочут струны,
Бесчинствует порок,
И все душою юны:
Рассвет еще далек.

Смелеет опьяненье,
И сердцу жизнь смешна.
Растаяли сомненья,
Исчезла глубина.

И крепко спят упреки.
И манят вновь и вновь —
Подкрашенные щеки,
Поддельная любовь.

И миг забвенья длится,
И царствует вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущает
Туманностью лица
И молча возвещает,
Что правде нет конца?

То чудится мне снова,
В последний миг утех,
Рассвета голубого
Немой холодный смех.

И пляшущие тени
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытые вдали.

И все, чем жил когда-то,
Я снова полюбил.
Но больше нет возврата
К тому, чем прежде был.

Зловещая старуха,
Судьба глядит в окно.
И кто-то шепчет глухо,
Что я погиб давно.

V
ДЫМ

Мы начинаем дни свои
Среди цветов и мотыльков,
Когда прозрачные ручьи
Бегут меж узких берегов.

Мы детство празднуем, смеясь,
Под небом близким и родным,
Мы видим пламя каждый час,
Мы видим светлый дым.

И по теченью мы идем,
И стаи пестрые стрекоз,
Под Солнцем, точно под дождем,
Свевают брызги светлых слез.

И по теченью мы следим
Мельканья косвенные рыб,
И точно легкий темный дым,
Подводных трав изгиб.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный час еще далек.
Быть может, близок. Нам не жаль.
Горит и запад и восток.

И мы простились с нашим днем,
И мы, опомнившись, глядим,
Как в небе темно-голубом
Плывет кровавый дым.

VI
И ПЛЫЛИ ОНИ

И плыли они без конца, без конца,
Во мраке, но с жаждою света.
И ужас внезапный объял их сердца,
Когда дождалися ответа.

Огонь появился пред взорами их
В обрыве лазури туманной.
И был он прекрасен, и ровен, и тих,
Но ужас объял их нежданный.

Как тени слепые, закрывши глаза,
Сидели они, засыпая.
Хоть спали — не спали, им снилась гроза,
Глухая гроза и слепая.

Закрытые веки дрожали едва,
Но свет им был виден сквозь веки.
И вечность раздвинулась, грозно-мертва:
Все реки, безмолвные реки.

На лоне растущих чернеющих вод
Зажегся пожар беспредельный.
Но спящие призраки плыли вперед,
Дорогой прямой и бесцельной.

И каждый, как дремлющий дух мертвеца,
Качался в сверкающем дыме.
И плыли они без конца, без конца,
И путь свой свершили — слепыми.

VII
СКРИЖАЛИ

Мы раздробленные скрижали.
Случевский

Как же Мир не распадется,
Если он возник случайно?
Как же он не содрогнется,
Если в нем начало — тайна?

Если где-нибудь, за Миром,
Кто-то мудрый Миром правит
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поет и славит?

Смерть свою живым питает,
Любит шабаш преступленья,
И кошмары созидает
В ликованьи исступленья.

А едва изведав низость,
И насытившись позором,
Снова верит в чью-то близость,
Ищет света тусклым взором.

Так мы все идем к чему-то,
Что для нас непостижимо.
Дверь заветная замкнута,
Мы скользим, как тень от дыма.

Мы от всех путей далеки,
Мы везде найдем печали.
Мы — запутанные строки,
Раздробленные скрижали.

VIII
НА МОТИВ ИЗ ЗЕНД-АВЕСТЫ

Змей темно-желтый, чье дыханье — яд,
Чей смертоносен вечно-жадный взгляд,
Глядит, — и близь него дрожит блудница,
Волшебная и быстрая, как птица.

Он мучает, он жалит без конца,
Цвет жизни прогоняет он с лица,
Ее душа его душой могуча,
Шатается, качается, как туча.

Гаома желтый, выточи копье,
Пронзи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, как крот, во мраке роясь,
Тебе Маздао дал плеядный пояс.

Гаома желтый, чистых мыслей друг,
Закуй меня в алмазно-твердый круг,

Направь свое оружье на блудницу,
Убей скорей уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сын Земли,
Моей мольбе мучительной внемли,
Я падаю, я падаю, немея,
Скорей убей чудовищного змея.

IX
КОНЕЦ МИРА
Сонет

Начало жизни, это — утро Мая,
Ее конец — отравленный родник.
Предсмертным бурям вечности внимая,
Дух человека в ужасе поник.

В устах, ко лжи привыкших, сдавлен крик.
Позор паденья ярко понимая,
Ум видит алчных духов адский лик.
Тоска — везде — навек — тоска немая.

Могильным блеском вспыхнул серный зной,
И души, как листы цветов лесные,
Горят, — кипит, свистит пожар лесной.

И свод небес, как купол вырезной,
Не звездами заискрился впервые,
А гнилостью, насмешкой над весной.

X
В АДУ

Если, медленно падая,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демонов радуя,
Оттеняют чудовищность мглы, —

Мне всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые — мне все — наяву.

Вижу всю преисподнюю,
Боль растет и не ждет.
Но славлю я благость Господнюю!
Это было! Он в ад снизойдет!

Эта мгла — не обманная,
Лжи в страданиях нет.
Привет новизне! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лет!

СТРАНА НЕВОЛИ

Verdugo es mi pensamiento.
Calderon

Моя мысль — палач.
Кальдерон

I
СТРАНА НЕВОЛИ

Coet-an-die, Coet-an-nos,
Bois du jour, bois de la nuit.
Villiers

Я попал в страну Неволи. Еду ночью, — всюду лес,
Еду днем, — и сеть деревьев заслоняет глубь небес.
В ограниченном пространстве, меж вершинами и мной,
Лишь летучие светлянки служат солнцем и луной.
Промелькнут, блеснут, исчезнут, — и опять зеленый мрак,
И не знаешь, где дорога, где раскрывшийся овраг.
Промелькнут, сверкнут, погаснут, — и на миг в душе моей
Точно зов, но зов загробный, встанет память прошлых дней.
И тогда в узорах веток ясно вижу пред собой
Письмена немых проклятий, мне нашептанных Судьбой.
О безбрежность, неизбежность непонятного пути!
Если каждый шаг — ошибка, кто же мне велел идти?
Разве я своею волей в этом сказочном лесу?
Разве я не задыхаюсь, если в сердце грех несу?
Разве мне не страшно биться между спутанных ветвей?
Враг? Откликнись! Нет ответа, нет луча душе моей.
И своим же восклицаньем я испуган в горький миг, —
Если кто мне отзовется, это будет мой двойник.
А во тьме так страшно встретить очерк бледного лица.
Я попал в страну Неволи...
Нет конца.

II
В ДУШАХ ЕСТЬ ВСЕ

1

В душах есть все, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создалось первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла усладой певучей,
Совесть, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, —
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, —
Пламенный знак моего постоянства.
Небо — в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко — уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,
Страшно — в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность,
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искаженные черты, —
И это все твои видения,
И это — новый — страшный — ты?

В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,

Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.

Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь все могильное,
И всюду сеешь смерть одну?

И в равнодушии надменности,
Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту — рабу самой себя?

Ты — блеск, ты — гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой, страшный символ Вечности —
Кольцеобразная змея!

Зачем чудовище — над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звездною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтобы можно было жить!
Душою там, я сердцем — здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг, —
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнию своей,
И не могу не быть, — никак,
Вплоть до исхода дней.

Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развеется как дым.
А буду смел, — замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов. —

Забытый раненый солдат,
И стая хищных птиц,
Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц. —

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?

От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум, —
Как стук кладбищенских костей
В душе зловещий шум, —
И я бегу, бегу людей,
Среди людей — самум.

III

* * *

Стучи, тебе откроют. Проси, тебе дадут.
— О, Боже! Для чего же назначен Страшный Суд?

IV
В ТЮРЬМЕ

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу, —
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись — качнулись — слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о Солнце, Звездах, и Луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

V
ИЗБРАННЫЙ

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сын Солнца, я — поэт, сын разума, я — царь.
Но предки за спиной, и дух мой искаженный —
Татуированный своим отцом дикарь.

Узоры пестрые прорезаны глубоко.
Хочу их смыть: Нельзя. Ум шепчет: Перестань.
И, с диким бешенством, я в омуты порока
Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань.

Но, рынку дань отдав, его божбе и давкам,
Я снова чувствую всю близость к Божеству.
Кого-то раздробив тяжелым томагавком,
Я мной убитого с отчаяньем зову.

VI
РАНЕНЫЙ

Я на смерть поражен своим сознаньем,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданьем,
Я создал мир со всем его страданьем.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех, и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон,
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но, видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданьем не любим.
И, весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен на смерть разумом моим.

VII
ПРОКЛЯТИЕ ГЛУПОСТИ
Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая, и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц — водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.

На всем своя — для взора — позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!

VIII
УРОДЫ
Сонет

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Ладьи, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побеги белены,
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство, и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, —

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

IX
БАБОЧКА

Залетевшая в комнату бабочка бьется
О прозрачные стекла воздушными крыльями.
А за стеклами небо родное смеется,
И его не достичь никакими усильями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Из цветистой становится тусклая, бледная.
Что же пленнице делать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая, бедная!

X
ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВА

В день октября, иначе листопада,
Когда бесплодьем скована земля,
Шла дева чрез пустынные поля.
Неверная, она с душой номада
Соединяла дивно-чуткий слух:
В прекрасно-юном теле ветхий дух.

Ей внятен был звук вымерших проклятий,
Призывы оттесняемых врагов,
И ропот затопленных берегов,
Намек невоплотившихся зачатий,
Напев миров, толпящихся окрест,
Дрожания незасвеченных звезд.

Но дева с утомленными глазами,
Внимая всем, кричащим вкруг нее,
Лелеяла безмолвие свое.
Поняв одно за всеми голосами,
Безгласно холодела, как земля,
И шла вперед, чрез мертвые поля.

XI
* * *

Сквозь мир случайностей, к живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайным лестницам взбираясь к высоте,
Крылатым коршуном повисши в пустоте,

Мой дух изменчивый стремится каждый миг,
Все ищет, молится: «О, где же мой родник?
«Весь мир случайностей отдам я за него,
За оправдание мечтанья моего,
За радость впить в себя огни его лучей,
За исцеление от старости моей».

ВОЗЛЕ ДЫМА И ОГНЯ

Quien sois vos que hablais ansi?
— Un compuesto de contrarios.

Tirso de Molina

Кто ты, чтоб так говорить?
— Сложность противоречий.

Тирсо де Молина

I
КУЗНЕЦ

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг.
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,
Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, —
Все в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запылившимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, —
Я кую!

II
ВЫШЕ, ВЫШЕ

Я коснулся душ чужих,
Точно струн, но струн моих.
Я в них чутко всколыхнул
Тихий звон, забытый гул.

Все обычное прогнал,
Легким стоном простонал.
Бросил с неба им цветы,
Вызвал радугу мечты.

И по облачным путям,
Светлым преданный страстям,
Сочетаньем звучных строк
За собою их увлек.

Трепетаньем звонких крыл
Отуманил, опьянил,
По обрывам их помчал,
Забаюкал, закачал.

Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь в сеть мою,
Я пою, пою, пою.

III
МОЯ ДУША

Моя душа оазис голубой,
Средь бледных душ других людей, бессильных.
Роскошный сон ниспослан мне судьбой,
Среди пустынь, томительных и пыльных.

Везде пески. Свистя, бежит самум.
Лазурь небес укрылася в туманы.
Но слышу я желанный звон и шум,
Ко мне сквозь мглу подходят караваны.

Веселые, раскинулись на миг,
Пришли, ушли, до нового свиданья,
В своей душе лелеют мой двойник,
Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь один, я вновь живу собой,
Мне снится радость вечно молодая.
Моя душа оазис голубой,
Мои мечты цветут, не отцветая.

IV
ДУХ ВОЛНЫ

Я слушал Море много лет,
  Свой дух ему предав.
В моих глазах мерцает свет
  Морских подводных трав.

Я отдал Морю сонмы дней,
  Я отдал их сполна.
И с каждой песней все слышней
  В моих словах — волна.

Волна стозвучная того,
  Чем полон Океан,
Где все — и юно, и мертво,
  Всс правда и обман.

И я, как дух волны морской,
  Среди людей брожу;
Своей певучею тоской
  Я всех заворожу.

Огнем зелено-серых глаз
  Мне чаровать дано.
И много душ в заветный час
  Я увлеку на дно.

И в этой мгле морского дна,
  Нежней, чем воды рек,
Им будет сниться вышина,
  Погибшая навек.

V
ВЕНЧАНИЕ

Над невестой молодою
  Я держал венец.
Любовался, как мечтою,
Этой нежной красотою,
Этой легкою фатою,
Этим светлым «Наконец!»

Наконец она сумела
  Вызвать лучший сон.
Все смеялось в ней и пело.
А с церковного придела,
С высоты на нас глядела
Красота немых окон.

Мы вошли в лучах привета
  Гаснущей зари.
В миг желанного обета,
Нас ласкали волны света,
Как безгласный звук завета: —
«Я горю, и ты гори!»

И в руке у новобрачной
  Теплилась свеча.
Но за ней, мечтою мрачной,
Неуместной, неудачной,
Над фатой ее прозрачной,
Я склонялся, у плеча.

Вкруг святого аналоя
  Трижды путь пройден.
Нет, не будет вам покоя,
Будут дни дождей и зноя,
Я пою, за вами стоя: —
«Дух кружиться присужден!»

Да, я знаю сладость, алость,
  Нежность влажных губ.
Но еще верней усталость.

Ожиданье, запоздалость,
Вместо страсти — только жалость,
Вместо ласки — с трупом труп.

Вот, свершен обряд венчальный,
  И закат погас.
Точно хаос изначальный,
В церкви сон и мрак печальный.
Ты вошла с зарей прощальной,
Ты выходишь в темный час.

VI
ВО ВЛАСТИ ВСЕХ ВЕЩЕЙ

Я делаюсь мгновеньями во власти всех вещей,
И с каждым я, пред каждым я, и царственно ничей.

Восторг придет, — и пьяный я. Придет тяжелый труд.
Смотрите: все бежали прочь. Взгляни: я, верный, тут.

Заблудшую собаку я увижу пред собой,
Со зверем зверь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всех, кто чувствовал бездонную тоску,
И вдруг вернись к бесстрастию, как светлый дождь
в реку.

В великое Безликое уйди как бы навек,
Хотя без нас там каждый час так много-много рек.

И, вечно твой, всегда с тобой, не изменю судьбе.
Но в страшный миг, о, милый друг, я не приду к тебе.

VII
БРЕТАНЬ
Сонет

Затянут мглой свинцовый небосвод,
Угрюмы волны призрачной Бретани.

Семь островов Ар-Гентилес-Руссот,
Как звери, притаилися в тумане.

Они как бы подвижны в Океане,
По прихоти всегда неверных вод.
И, полный изумленья, в виде дани,
На них свой свет неясный Месяц льет.

Как сонмы лиц, глядят толпы утесов,
Седых, застывших в горечи тоски.
Бесплодны бесконечные пески.

Их было много, сумрачных матросов.
Они идут. Гляди! В тиши ночной
Идут туманы бледной пеленой.

VIII
УТОПЛЕННИКИ
Сонет

Лишь только там, на западе, в тумане,
Утонет свет поблекнувшего дня,
Мои мечты, как мертвые в Бретани,
Неумолимо бродят вкруг меня.

Надежды, осужденные заране,
Призвания, умершие — стеня,
Утопленники в темном Океане,
Погибшие навек из-за меня.

Они хотят, в забвение обиды,
Молитв заупокойной панихиды.
Моих молитв, о, Боже, не отринь! —

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мне? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

IX
ПРОПОВЕДНИКАМ
Сонет

Есть много струй в подлунном этом мире,
Ключи поют в пещерах, где темно,
Звеня, как дух, на семиструнной лире,
О том, что духам пенье суждено.

Нам в звонах наслаждение одно.
Мы духи струн мирских на шумном пире.
Но вам, врагам, понять нас не дано,
Для рек в разливе надо русла шире.

Жрецы элементарных теорем,
Проповедей вы ждете от поэта?
Я проповедь скажу на благо света, —

Не скукой слов, давно известных всем,
А звучной подногласностью сонета,
Не найденной пока еще никем!

X
ХВАЛА СОНЕТУ
Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей стан воздушный, с грудью молодой,
Хранит сиянье матового света,
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

XI
Я НЕ ИЗ ТЕХ
Сонет

Я не из тех, чье имя легион,
Я не из царства духов безымянных.
Пройдя пути среди равнин туманных,
Я увидал безбрежный небосклон.

В моих зрачках — лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон.

Ты думаешь, что в тающих покровах
Застыл едва один-другой утес?
Гляди: покров раскрыт дыханьем гроз.

И в цепи гор, для глаза вечно-новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах!

XII
ОЖЕСТОЧЕННОМУ

Я знаю ненависть, и, может быть, сильней,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая, и полная огней
        Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной,
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
        Нам данным в нашей жизни скудной.

Но, мучимый как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами — дерзкий враг, с тобой — я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, исступленный!

XIII
В БАШНЕ

В башне с окнами цветными
Я замкнулся навсегда,
Дни бегут, и в светлом дыме
Возникают города,
Замки, башни, и над ними
Легких тучек череда.

В башне, где мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цветные
Без конца внушают сны,
Эти стекла расписные
Мне самой Судьбой даны.

В них я вижу, как две тени
Обнимаются, любя,
Как, упавши на колени,
Кто-то молится, скорбя,
В них я вижу в быстрой смене
Землю, небо, и себя.

Там, за окнами, далеко,
С непочатой вышины,
Смотрит огненное око
Неба, Солнца, и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что мне внушает сны.

То, меж окнами цветными,
На которое смотрю,
В час когда, как в светлом дыме,
Я приветствую зарю,
И с виденьями родными
Легкой грезой говорю.

На другие обращаю
В час заката жадный взор,
В час, когда уходит к раю
Тихий вечер на дозор,
И лепечет: «Обещаю,
Вновь увидишь мой убор».

На другие я с отрадой
Устремляю ночью взгляд,
В час когда живет прохладой.
Полный вздохов, сонный сад.
И за призрачной оградой
Светляки меж трав горят.

Так живу, как в светлом дыме,
Огнецветные цветы,
Над ошибками земными
Посмеваясь с высоты,
В башне с окнами цветными
Переливчатой мечты.

XIV
К ДАЛЬНЕМУ

Замкнуться, как в тюрьму, в одну идею,
Я знаю этот сон, мой дальний брат,
Я медленно, но верно холодею,
И, раз уйдя, я не приду назад.

Ты отошел в страну без перемены,
Оставивши безвольно мир земной,

А я себе свободно создал стены,
И упоен тюремной тишиной.

Есть в жизни смерть, спокойная, как травы,
Хранимые, на память, за стеклом,
Иссохший знак утраченной забавы,
Пройденная эпоха, перелом.

Седые тесно сжатые виденья
До времени с землей разлучены,
Они забыть не могут наслажденье,
И тайно дышут запахом весны.

Их кто-то чудный взял своей рукою,
И все ж они блаженствуют года.
Так как же счастлив я с моей тоскою,
Полюбленной свободно — навсегда!

XV
ОТ УМЕРШЕГО К ЖИВОМУ

Скажи ему, что я его люблю,
Что я его как прежде понимаю,
И, как корабль к чужому кораблю,
Взываю в час, когда я погибаю, —

К нему, к нему, далекому навек,
Бегущему по водам Океана,
Чтоб отдохнуть на устьях мощных рек,
Средь стройных мачт родного каравана, —

Меж тем как я, свой образ изменив,
Несоразмерив тяжести влекомой,
Забыв, что был и я, как он, красив.
Склоняюсь к бездне жутко-незнакомой, —

И ветры безучастные молю
Протяжностью своих предсмертных звонов.
Скажи ему, что я его люблю
За то, что он — не слышал этих стонов!

XVI
ОСТРОВ ВИЛИЭ-ЛЬЯВОЛА

Где-то на острове Вилиэ-Льявола
Души есть, лишь пред собою преступные.
Богом забытые, но недоступные
Обетованиям лживого Дьявола.

Им захотелось разрыва гармонии: —
Цели испортив, упиться причинами,
Розы любя, в их живом благовонии
Смертью меняющей встать над долинами.

Смертью пытующей, в вечном течении,
Вечною казнью казнить преходящее: —
Все в отдалении, все в отвлечении,
Ярко одно размышленье глядящее.

Ведаю, вы ко всему прикоснулися,
Жадные пчелы, стесненные сотами!
Что же вы тайны своей ужаснулися,
Вы, окруженные стройными гротами?

Жизнь разлюбившие, чувством уставшие,
Что же самим вы себе прекословите?
Все усмехаясь, как что-то понявшие,
Что ж бесполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
Светлые духи, с улыбкой беспечною,
То улыбаетесь с Моною Лизою,
Мир осуждая с игрой его вечною.

То прошумите вы звуками Шумана,
Стонами Манфреда, неукротимыми,
Вновь упадаете, все передумано,
Снова смеетесь над снами любимыми.

Кинетесь к слову, кричите Верлэнами,
И возвещаете сладость молчания.

Беспеременные за переменами,
Миг вы мучительный, без окончания.

Старость возвратная, вечность раскаянья,
Для непостижности жертва закланная,
Самосжигание, мудрость отчаянья,
Противоречие, правда обманная.

Без покровительства Бога и Дьявола,
Вечно томитесь вы, снам недоступные.
О, неподкупные, души преступные,
Где-то на острове Вилиэ-Льявола.

XVII
ПОСЛЕ БАЛА

Весь полный розовых и голубых мечтаний,
Овеян душностью влюбляющих духов,
Весь в крыльях бабочек, в отливах трепетали
Полуисторгнутых, но замедленных слов. —

Окутан звуками заученных мелодий,
Как будто созданных мечтой лишь для того,
Чтоб убаюканным шептаться на свободе,
О том, что сладостней и вкрадчивей всего, —

Весь воплощенная полуночная чара,
Как пир среди чумы, манящий с давних пор,
Как странный вымысел безумного Эдгара,
Для нас пропевшего навеки «Nevermore», —

Наш бал, раскинутый по многошумным залам,
Уже закончил лик сокрытой красоты,
И чем-то веяло холодным и усталым
С внезапно дрогнувшей над нами высоты.

Да, полночь отошла с своею пышной свитой
Проникновеннейших мгновений и часов,
От люстры здесь и там упал хрусталь разбитый,
И гул извне вставал враждебных голосов.

Измяты, желтизной подернулися лица,
Крылом изломанным дрожали веера,
В сердцах у всех была дочитана страница,
И новый в окнах свет шептал: «Пора! Пора!»

И вдруг все замерли, — вот, скорбно доцветают,
Стараяся продлить молчаньем забытье: —
Так утром демоны колдуний покидают,
Сознавши горькое бессилие свое.

XVIII
РАЗЛУКА
Сонет

> Разлука ты, разлука,
> Чужая сторона,
> Никто меня не любит,
> Как мать-сыра-земля.
>
> *Песня бродяги*

Есть люди, присужденные к скитаньям,
Где б ни был я, — я всем чужой, всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села, с их глухим страданьем.
Но никогда, о, сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.

Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны — к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

XIX
МОЛИТВА О ЖЕРТВЕ

Пилой поющею подточен яркий ствол
Еще не выжившей свой полный век березы.
На землю ниспроверг ее не произвол,
Не налетевшие прерывистые грозы.

Она, прекрасная, отмечена была
Рукой сознательной для бытия иного: —
Зажечься и гореть, — блестя, сгореть дотла, —
И в помыслах людей теплом зажечься снова.

Но прежде, чем она зардеет и сгорит,
Ей нужен долгий путь, ей надо исказиться: —
Расчетвертована, она изменит вид,
Блестящая кора, иссохнув, затемнится.

Под дымным пламенем скоробится она,
И соки жил ее проступят точно слезы,
Победно вспыхнет вдруг, вся свету предана, —
И огненной листвой оделся дух березы!

Я с жадностью смотрю на блеск ее огня: —
Как было ей дано, погибшей, осветиться!
— Скорее, Господи, скорей, войди в меня,
И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться!

МИМОЛЕТНОЕ

From isle to isle...
Shelley

От острова к острову...
Шелли

I
ЛЕСНЫЕ ТРАВЫ

Я люблю лесные травы
Ароматные,
Поцелуи и забавы,
Невозвратные.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Над ручьем уснувшим ивы,
Полусонные.

Очертанья лиц мелькнувших,
Неизвестные,
Тени сказок обманувших,
Бестелесные.

Все, что манит и обманет
Нас загадкою,
И навеки сердце ранит
Тайной сладкою.

II
БЛЕДНАЯ ТРАВКА

Бледная травка под ветхим забором
К жизни проснулась в предутренний час,
Миру дивясь зеленеющим взором,
Бледная травка, ты радуешь нас.

Месяцу, воздуху, Солнцу, и росам
Ты отдаешься, как светлой судьбе,
Ты ни одним не смутишься вопросом,
Не задрожишь в безысходной борьбе.

Чуть расцветешь, и уже отцветаешь,
Не доживешь до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отрадней, чем мы.

III
АРОМАТ СОЛНЦА

Запах Солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В Солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышет вешним пеньем птиц,
Дышет смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам: —
Будет вам!

Не узреть вам райских врат.
Есть у Солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

IV

ГЛУШЬ

Луг — болото — поле — поле,
Над речонкой ивы.
Сладко дышется на воле,
Все цветы красивы!

Все здесь нежит глаз и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала где-то муха,
Шмель гудит тяжелый.

Всюду — божия коровки,
Розовые кашки,
Желто-белыя головки
Полевой ромашки.

Нежно-тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, разве есть страданья?
Разве есть печали?

V

ЗАТОН

Когда ты заглянешь в прозрачные воды затона,
Под бледною ивой, при свете вечерней звезды,
Невнятный намек на призыв колокольного звона
К тебе донесется из замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасные лица,
Испуганным взором заметишь меж ними себя,

И в сердце твоем за страницею вспыхнет страница.
Ты будешь читать их, как дух, не скорбя, не любя.

И будут расти ото дна до поверхности влаги
Узоры упрямо и тесно сплетенных ветвей,
И будут расти и меняться, — как призраки саги
Растут, изменяясь в значеньи и в силе своей.

И все, что в молчании ночи волнует и манит,
Что тайною чарой нисходит с далеких планет,
Тебя в сочетанья свои завлечет — и обманет,
И сердце забудет, что с ними слияния нет.

Ты руку невольно протянешь над сонным затоном,
И вмиг все бесследно исчезнет, — и только вдали,
С чуть слышной мольбою, с каким-то заоблачным звоном,
Незримо порвется струна от небес до земли.

VI
ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Прорезав тучу, темную, как дым,
Последний луч, в предчувствии заката,
Горит угрюмо, — он, что был живым
Когда-то!

Тесниной смутных гор враждебно сжата,
Одна долина светом золотым
Еще живет, блистательно-богата.

Но блеск ушел к вершинам вековым,
Где нет ни трав, ни снов, ни аромата.
— О, да, я помню! Да! я был живым,
Когда-то!

VII
ЗАКАТНЫЕ ЦВЕТЫ

О, краски закатные! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просветленные.

Равнины туманятся, и леса необъятные,
Как-будто не жившие, навсегда утомленные.

И розы небесные, облака бестелесные,
На долы печальные, на селения бедные,
Глядят с состраданием, на безвестных — безвестные,
Поникшие, скорбные, безответные, бледные!.

VIII
РАВНИНА

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Леса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудные поля.

Полгода — холод беспощадный.
Полгода — дождь и душный зной,
Расцвет природы безотрадной
С ее убогою весной.

Полупогаснувшие взоры
Навек поблекшего лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность без конца.

Невоплощенные зачатья, —
О, трижды скорбная страна,
Твое название — проклятье,
Ты навсегда осуждена.

IX
МОЛЕБЕН

Темной толпою, в часовне убогой,
Путь завершив, и пред новой дорогой,
Суетность нашу забыв на мгновенье,
Тупо мы слушаем сонное пенье.

В тесном пространстве, где дух наш взрастил
Тайное древо невидимых сил,
Тает вздыхающий дым от кадил.

Что-то есть страшное в этих бряцаньях,
В этих покорных глухих восклицаньях,
Молятся звуки и души послушно,
Что же им в узкой часовне так душно?

Явственно чувствую горький упрек,
В звуки молитв проскользнувший намек —
Тайное слышащих, дышащих строк.

В потные стекла не видно лазури,
В дверь не проникнут ни ветры, ни бури,
Силою дней закопчены иконы,
Вечны пред ними бессильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лоб,
Что-то вещает нам загнанный поп: —
«Жизнь наша — душная — темная... — Гроб!»

X
В ОКРЕСТНОСТЯХ ОДЕССЫ

Узкая полоска синего Лимана,
Желтая пустыня выжженных песков.
Город, измененный дымкою тумана,
Медленные тени белых облаков.

Чахлая трава, измученная зноем,
Вдоль прямой дороги серые столбы.
Все здесь дышит скучным тягостным покоем,
Всюду здесь недвижность пасмурной судьбы.

Только вечный ветер носится бесцельно,
Душным дуновеньем, духом мертвеца.
Только облака проходят беспредельно,
Скучною толпой проходят без конца.

XI

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЧЕРЕ В АМСТЕРДАМЕ

Медленные строки

О, тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь, – не там,
Зачем уйти не волен,
О, тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрезившим каналам,
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном,
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О, тихий Амстердам!
О, тихий Амстердам!

XII

ИСЛАНДИЯ

Валуны, и равнины, залитые лавой,
Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей.
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.

Тени чахлых деревьев, и Море... О, Море!
Волны, пена, и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды, на влажном просторе,
Пели песни при свете вечерней звезды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для угрюмой томительной песни своей.

И в строках перепевных доныне хранится
Ропот бури, и гром, и ворчанье волны,
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.

АНТИФОНЫ

Je porte dans mon ame le reflet des richesse steriles d'un grand nombre de rois oublies.

Villiers de l'Isle-Adam

Я ношу в своей душе отраженье бесплодных богатств многочисленных забытых царей.

Вилье де Лиль-Адам

I

* * *

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас,
Священные предметы,
Дабы украсить час, —

Волшебный час величья,
Когда, себя сильней,
Мы ценим без различья
Сверканья всех огней, —

Цветы с любым узором,
Расцветы всех начал,
Лишь только б вашим взорам
Их пламень отвечал, —

Лишь только б с нашей бурей
Сливался он в одно,
От неба или фурий, —
Не все ли нам равно!

II
К ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ

О, Гермес Трисмегист, троекратно великий учитель,
Бог наук и искусств и души роковой искуситель!

Ты мне передал власть возрождать то, что сердце забыло,
Как Египет весной возрожден от разлития Нила.

От разлитья реки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносят расцвет не случайный.

Недостойный металл в благородный могу превращать я,
От тебя восприняв драгоценные чары заклятья.

От тебя получил я ту влагу целебную жизни,
Что меня навсегда приобщает к небесной отчизне.

И во имя тебя я бессмертие всем обещаю,
И умерших людей я к загробным мирам приобщаю.

Ты со мною везде и безгласно твердишь о святыне,
Как глубокий покой задремавшей Либийской пустыни.

Ты в венце из огня предо мною, о, бог многоликий,
О, Гермес Трисмегист, о, мудрец троекратно великий!

III
К БОДЛЭРУ

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудишься, о, царственный Бодлэр,
Любовник ужасов, обрывов, и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный демон ты!

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящийся, рожденный царством льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты, дух блуждающий в разрушенных мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты, черный, призрачный, отверженный монах!

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о, маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

IV
К ЛЕРМОНТОВУ

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем неразделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О, Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям,
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жестким блеском этих темных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне средь вас!

V
ГИПЕРБОРЕИ

За горами Рифейскими, где-то на север от Понта,
В странах мирных и ясных, где нет ни ветров, ни страстей,

От нескромных укрытые светлою мглой горизонта,
Существуют издревле селенья блаженных людей.

Не бессмертны они, эти люди с блистающим взглядом,
Но они непохожи на нас, утомленных грозой,
Эти люди всегда отдаются невинным усладам,
И питаются только цветами и свежей росой.

Почему им одним предоставлена яркая слава,
Безмятежность залива, в котором не пенится вал,
Почему неизвестна им наших мучений отрава,
Этой тайны святой самый мудрый из нас не узнал.

Не бессмертны они, эти люди, меж нами — другие,
Но помногу веков предаются они бытию,
И, насытившись жизнью, бросаются в воды морские,
Унося в глубину сокровенную тайну свою.

VI
СТРАНА ИССЕДОНОВ

Сие приятное баснословие...
Карамзин

На восток от аргиппеев,
Там, в Татарии Великой,
Змей живет, краса всех змеев,
Многочудный, многоликий.

Там, без тягостных законов,
В заколдованной долине,
Жило племя исседонов,
Говорят, живет доныне.

Судьбы их — гиероглифы,
Край их — золотом богатый,
И таинственные грифы
Стерегут тот край заклятый.

Восемь месяцев — целебный
Холод дышет над страною,
И летает змей волшебный,
И мерцает чешуею.

Кто туда неосторожно
Из другой страны заглянет,
Тот, — предание неложно, —
В изумленьи камнем станет.

Все пути туда закляты,
Возле самого преддверья
Льды восходят, как палаты,
Снег и град, как пух и перья.

Камни, золото, и холод,
Закаленная природа,
И никто ни стар, ни молод,
Неизменно в год из года.

Только змей в игре извивов,
Золотисто-изумрудный,
Изменяет цвет отливов,
Многоликий, многочудный.

VII
ИЗБРАННИКУ

Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленных небесных глубин.
Пробудись и восстань, и воздушную ткань,
Развернув, созерцай не один.

О, раскрой перед нами узоры мечты,
Загоревшейся в сердце твоем!
Покажи нам черты сверхземной красоты,
Мы полюбим ее и поймем!

Те же мысли у каждого дремлют в тиши,
И мгновенья заветного ждут.
О, приди, поспеши, и для каждой души,
От созвучья, цветы расцветут.

Мы ответим как Море на ласку Луны,
А не вра́жеским криком врагу: —
Мы как брызги волны из одной глубины,
Мы умрем на одном берегу!

VIII

* * *

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

IX

ИЗ ЗЕНД-АВЕСТЫ

Гимн

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрия. Гаома — бог Бессмертья,
Могучий Веретрагна — бог Победы,
И Тистрия — молниеносных Бурь.
Но выше их есть бог — Агурамазда,
Он создал все, в чем знание и жизнь.

Молитва — дочь его; святое слово —
Его душа; святое помышленье
Есть луч от Солнца правды запредельной,
Есть отзвук сочетаний мировых,
Проникновенный взгляд Агурамазды.
Воздайте же Всевышнему хвалу!
О, ты, всегда единый в разных формах!
Пресветлый бог порядка, Ашаван!
Агура, пышно-царственный властитель!
Датар, создатель света, бог огня!
Всевидящий, всеведущий, Маздао!

X
ОТТУДА

Я обещаю вам сады...
Коран

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.

Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.

Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.

Идите все на зов звезды,
Глядите, я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

XI
ЛУНА

O sovereign mistress of true melancholy.
Shakspeare

Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторить: «Жизнь есть отраженье,
«Но этот призрак дышет не случайно».

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.

Своим ущербом, смертью двухнедельной,
И новым полновластным воссияньем,
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.

Но вас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

XII
ТУЧИ

Но разве тучи не рабы?
Случевский

Нет рабства в мире, если все — одно.
Сам создал я неправду мирозданья,
Чтоб было ей в грядущем суждено,

Пройдя пути измены и страданья,
Вернуться вновь к таинственной черте,
Где примет все иные очертанья,

Где те же мысли — вот, уже не те.
Так серые пары, покинув травы,
Возносятся к безмерной высоте,

Роняют тень на долы, на дубравы,
Их светел путь, их манит гул борьбы,
И радугой они пред миром правы.

Нет, ты неправ! Нет, тучи не рабы!

XIII

* * *

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих,
Красоту позабытых могил,
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал,
Но губами он к ним не приник.

Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней: —
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

ПРОГАЛИНЫ

Wyscie jak przepasci, a w glebiach waszych tajnte ukryte blekitu.

Zygmunt Krasinsky

Вы как пропасти, а в глубинах наших скрыты тайны лазури.

Зигмунт Красинский

I
ПУТЬ ПРАВДЫ
Сонет

Пять чувств — дорога лжи. Но есть восторг экстаза,
Когда вам истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющего глаза
Горит узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрешенность сна,
Из угля черного — рождение алмаза.
Нам правда каждый раз — сверхчувственно дана,
Когда мы вступим в луч священного экстаза.

В душе у каждого есть мир незримых чар,
Как в каждом дереве зеленом есть пожар,
Еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья.

Коснись до тайных сил, шатни тот мир, что спит,
И, дрогнув радостно от счастья возрожденья,
Тебя нежданное так ярко ослепит.

II
ПАПОРОТНИК

Тенью легкой и неслышной
Я замедлил у пути,
Там где папоротник пышный
Должен будет расцвести.

Освященный нож доставши,
Очертил заклятый круг;
Возле скатерть разостлавши,
Жду. Но чу! Шипящий звук!

Это дьяволы толпою
Собрались вокруг меня,
Смотрят, манят за собою,
Брызжут искрами огня.

Но бесстрастный, безучастный,
Я стою в своем кругу.
С этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшен лик их искаженный,
И сильней горят огни.

Но в груди сдержав волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду заветного мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сон придет. Цветок волшебный,
Что блестит однажды в год,
Златоцветный и целебный,
На мгновенье расцветет.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчас папоротник сонный
Озарит кругом траву.

Я пройду толпу видений,
Без оглядки убегу,
И источник наслаждений
Возле сердца сберегу.

И навеки этот властный,
Драгоценный амулет
Будет мне светить, как ясный,
Но никем не зримый свет.

Доверяясь этой жгучей
И таинственной звезде,
Я пройду, как дух могучий,
По земле и по воде.

Мне понятны будут строки
Ненаписанных страниц
И небесные намеки,
И язык зверей и птиц.

Мир тому, кто не боится
Ослепительной мечты,
Для него восторг таится,
Для него цветут цветы!

III
ПРОБУЖДЕНЬЕ
Сонет

Бог входит в существа, как Солнце сквозь окно,
Когда оно встает за гранью кругозора.
Откроем занавес, нам всем светить дано,
Быть жгучими, любить, быть частию узора.

Непогасим огонь внимательного взора,
Неисчерпаем блеск того, что суждено.
Лик Солнца восстает в безличьи кругозора,
И весь различный мир скрепляет он в одно.

Туманы превратив в разорванные тучи,
Ток огненных полос коснулся вышних гор,
И в глубину долин, светясь, глядятся кручи.

Там нежный сон садов, там синий свет озер,
И пробужденья чувств, несознанно-могучи,
Сливают шум листвы в один протяжный хор.

IV
И ДА, И НЕТ

1

И *да,* и *нет* — здесь все мое,
Приемлю боль — как благостыню,
Благославляю бытие,
И если создал *я* пустыню,
Ее величие — мое!

2

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых — лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть частию красив.

Он может мне сказать живое слово,
Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое счастье думать, что сознаньем,
Над смутой гор, морей, лесов, и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем,
Царит непобедимый человек.

О, верю! Мы повсюду бросим сети,
Средь мировых неистощимых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он — наш, он — наш, лазурный небосвод!

3

Страшны мне звери, и черви, и птицы,
Душу томит мне животный их сон.
Нет, я люблю только беглость зарницы,
Ветер и моря глухой перезвон.

Нет, я люблю только мертвые горы,
Листья и вечно-немые цветы,
И человеческой мысли узоры,
И человека родные черты.

4

Лишь демоны, да гении, да люди,
Со временем заполнят все миры,
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не снившейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии: —
Земля, Огонь, и Воздух, и Вода.

5

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Все — тонкие штрихи законченной картины,
Все — тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума — широкие дороги,
Все вспышки страстные — подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к Нему.

6

То будет таинственный миг примирения,
Все в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Все в мире воспримет восторг обаяния,
И воздух, и Солнце, и звезды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрет никогда, никогда!

7

Будут игры беспредельные,
В упоительности цельные,
Будут песни колыбельные,
Будем в шутку мы грустить,

Чтобы с новым упоением,
За обманчивым мгновением,
Снова ткать с протяжным пением
Переливчатую нить.

Нить мечтанья бесконечного,
Беспечального, беспечного,
И мгновенного и вечного,
Будет вся в живых огнях,

И, как призраки влюбленные,
Как-то сладко-утомленные,
Мы увидим — измененные —
Наши лица — в наших снах.

8

Идеи, образы, изображенья, тени,
Вы, вниз ведущие, но пышные ступени, —

Как змей сквозь вас виясь, я вас люблю равно,
Чтоб видеть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики в сосуде драгоценном,
Вдыхаю в нем вино, с его восторгом пленным,
Ту влагу выпью я, и по златым краям
Дам биться отблескам и ликам и теням.

Вино горит сильней — незримое для глаза,
И осушенная — богаче, ярче ваза.
Я сладко опьянен, и, как лукавый змей,
Покинув глубь, всхожу... Еще! Вот так! Скорей!

9

Я — просветленный, я кажусь собой,
Но я не то, — я остров голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Он издали являет цвет лазури.

Я — вольный сон, я всюду и нигде: —
Вода блестит, но разве луч в воде?
Нет, здесь светя, я где-то там блистаю,
И там не жду, блесну — и пропадаю.

Я вижу все, везде встает мой лик,
Со всеми я сливаюсь каждый миг.
Но ветер как замкнуть в пределах зданья?
Я дух, я маг, я страж миросознанья.

10

Звуки и отзвуки, чувства и призраки их,
Таинство творчества, только что созданный стих.

Только что срезанный свежий и влажный цветок,
Радость рождения — этого пения строк.

Воды мятежились, буря гремела, — но вот
В водной зеркальности дышит опять небосвод.

Травы обрызганы с неба упавшим дождем.
Будем же мучиться, в боли мы тайну найдем.

Слава создавшему песню из слез роковых,
Нам передавшему звонкий и радостный стих!

V
ЧЕТ И НЕЧЕТ
Медленные строки

Утром рано,
Из тумана,
Солнце выглянет для нас.
И осветит,
И заметит
Всех, кто любит этот час.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадает звон минут.
О минувшем,
Обманувшем
Их напевы нам поют.

Точно с крыши,
Тише, тише,
Капли падают дождя.
Все прольются,
Не вернутся,
Этот темный путь пройдя.

Звук неясный,
Безучастный,
Панихиды нам поет.
«Верьте, верьте
Только смерти!
Чет и нечет! Нечет, чет!

Чет счастливым
И красивым,
Слабым нечет, недочет!
Но, редея,
Холодея,
Чет и нечет протечет!»

Звук неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обман тая.
Нет, не верю,
И в потерю
Смысл иной влагаю я.

Верьте, верьте
Только смерти
Нас понявшего Христа!
Солнце встанет,
Не обманет,
Вечно светит красота!

Цель страданья,
Ожиданья,
Всем нам светлый даст отчет.
В мир согласный,
Вечно-ясный,
Чет и нечет нас влечет.

ИНДИЙСКИЕ ТРАВЫ

Tat tvam asi. — То есть ты.
Основоположение индийской мудрости

Познавший сущность стал выше печали.
Шри-Шанкара-Ачария

I
МАЙЯ

Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветущий в столетие раз,
Пряный, дышал между гор, на вершинах.
Месяц за скалы проплыл и погас.

В темной пещере, задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мертвеца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читал он, святое моленье;
Только прочел — и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине.

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина, и цель,
Пышность восторга, и сумрак потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпаденья от вечного Брамы,
Ужас мучительный, сон бытия.

К самому небу возносятся горы,
Рушится с гулом утес на утес,

Топот и ропот, мольбы и укоры,
Тысячи быстрых и звонких колес.

Бешено мчатся и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан!»

Скрылись виденья. На горных вершинах
Ветер в узорах ветвей трепетал.
Тигры стонали в глубоких долинах.
Чампак, цветок вековой, отцветал.

II
КРУГОВОРОТ

Не только люди и герои,
Волненье дум тая,
Томятся жаждой в душном зное
Земного бытия.
Но даже царственные боги
Несут тяжелый плен,
Всегда витая на пороге
Все новых перемен.

Они счастливее, чем люди,
Герои равны им,
Но все они скорбят о чуде
Всем существом своим.
В оковах жизни подневольной
Запутанных миров,
Скорбят о вечности безбольной
Непреходящих снов.

И только Он, Кто всех их видит
С незримой высоты,
Кто бледной травки не обидит,
В Чьем лоне я и ты, —

Лишь только Он, всегда блаженный,
Ничем не утомлен,
И жизнь с ее игрой мгновенной
Пред ним скользить, как сон.

Никем не понят и незнаем,
Он любит свет и тьму,
И круг заветный мы свершаем,
Чтобы прийти к Нему.
Как лучи, от Солнца, в жгучем зное,
Сквозь бездну мглы скользим,
И вновь — к Нему, в святом покое,
И вот мы снова — с Ним!

III
ИНДИЙСКИЙ МОТИВ

Как красный цвет небес, которые не красны,
Как разногласье волн, что меж собой согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вкруг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна,
Так жизнь с восторгами и с блеском заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

IV
ЖИЗНЬ

Жизнь — отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр — повсюду, окружность — нигде,
Царственный вымысел, пропасть глухая без дна,
Вечность мгновения — миг красоты — тишина.

Жизнь — трепетание Моря под властью Луны,
Лотос чуть дышащий, бледный любимец волны,
Дымное облако, полное скрытых лучей,
Сон, создаваемый множеством, всех — и ничей.

V
КАК ПАУК

Как паук в себе рождает паутину,
И, тяжелый, создает воздушность нитей, —
Как художник создает свою картину,
Закрепляя мимолетное событий, —

Так из Вечного исходит мировое —
Многосложность и единство бытия.
Мир один, но в этом мире вечно двое: —
Он, Недвижный, Он, Нежаждущий — и я.

VI
ИЗ УПАНИШАД

Все то, что существует во вселенной, —
Окутано в воздушную одежду,
Окружено Создателем всего.
Среди теней, в движении сплетенных,
Недвижное есть Существо одно,
В недвижности — быстрей, чем пламя мысли,
Над чувствами оно царит высоко,
Хотя они, как боги, в высь парят,
Стремясь достичь того, что непостижно;
Оно глядит на быстрый ток видений,
Как воздух — обнимая все кругом,
И жизненную силу разливая.
Недвижно движет всем; далеко — близко;
Оно внутри вселенной навсегда.
И кто проникновенным взором взглянет

На существа как дышащие в нем,
И на него как Гения Вселенной,
Тогда, поняв, что слитна эта ткань,
Ни на кого не взглянет он с презреньем.

VII
ИНДИЙСКИЙ МУДРЕЦ

Как золотистый плод, в осенний день дозревший,
На землю падает, среди стеблей травы,
Так я, как бы глухой, слепой, и онемевший,
Иду, не поднимая головы.

Одно в моих зрачках, одно в замкнутом слухе;
Как бы изваянный, мой дух навек затих.
Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи
Не возмутят недвижных черт моих.

Сперва я, как мудрец, беседовал с веками,
Потом свой дух вернул к первичной простоте,
Потом, молчальником, я приобщился к Браме,
И утонул в бессмертной красоте.

Четыре радуги над бурною вселенной,
Четыре степени возвышенных надежд,
Чтоб воссоздать кристалл из влаги переменной,
Чтоб видеть мир, не подымая вежд.

VIII
МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Тот, пред Кем, Незримым, зримо
Все, что в душах у людей,
Тот, пред Кем проходят мимо
Блески дымные страстей, —

Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,

Только Тот бессмертьем дышит
В нераздельно-слитном я.

Тот, в Чьем духе вечно новы
Солнце, звезды, ветер, тьма,
Тот, Кому они — покровы
Для сокрытого ума, —

Тот, Кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Точно радуга потока, —
Только Тот есть вечно — я.

Все закаты, все рассветы
В Нем возникли и умрут,
Все сердечные приметы
Там зажглись, блистая — тут.

Все лучи в росе горящей
Повторяют Тот же лик,
Солнца лик животворящий,
В Солнце каждый луч возник.

Все, что — здесь, проходит мимо,
Словно тень от облаков.
Но очам незримым — зрима
Неподвижность вечных снов.

Он живет, пред Кем проводит
Этот мир всю роскошь сил,
Он, Единый, не уходит,
В час захода всех светил!

БЕЗВЕТРИЕ

Entonce huelga el hombre andando entre las estrelias.

Luis de Granada

Тогда-то наслаждается человек, проходя среди звезд.

Люис де Гранада

В тихом безветрии
Светлых пространств...

Случевский

I
АЛЬБАТРОС

Над пустыней ночною морей альбатрос одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,
Любовался, как царством своим, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним Океан.

И порой омрачаясь, далеко, на небе холодном,
Одиноко плыла, одиноко горела Луна.
О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

II
СВЕТЛЫЙ ГЕРОЙ

Я слышал о светлом Герое,
Свободном от всяких желаний,
О нем, перешедшем поток.
В лучистом застыл он покое,
Покинув наш мир восклицаний
Для славы несозданных строк.

В разрывах глубокой лазури,
В краю отодвинутой дали,

С ним тайно колдует Судьба.
К нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему не знакома борьба.

С бессмертной загадкой во взоре,
Он высится где-то над нами,
В душе отразив небосвод.
В высоко-мятущемся Море
Он остров забытый ветрами,
Среди успокоенных вод.

III
ПОТУХШИЕ ФАКЕЛЫ

Факелы, тлея, чадят,
Утомлен наглядевшийся взгляд.
Дым из кадильниц излит,
Наслажденье, усталое, спит.

О, наконец, наконец,
Затуманен блестящий дворец!
Мысль, отчего ж ты не спишь, —
Вкруг тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
Беспредельную цельность дробить, —
Все это было давно
И, скользнув, опустилось на дно.

Там, в полумгле, в тишине,
Где-то там, на таинственном дне,
Новые краски царят,
Драгоценные камни горят.

Ниже, все ниже, все вниз,
Замолчавшей душой устремись!
В смерти нам радость дана, —
Красота, тишина, глубина!

IV
ЮЖНЫЙ ПОЛЮС ЛУНЫ

Южный полюс Луны задремал, он уснул между гор
величавых,
Поражающих правильной формой своей.
Это — мысль, заключенная в стройных октавах,
Эти горы живут без воды, в полосе неподвижных лучей, —

Ослепительно-ярких, как ум, и ложащихся отблеском
странным
На долины, что спят у подножия гор,
Между кратеров мертвых, всегда светлотканных,
Вечно тихих, нетронутых тьмой, и ничей не ласкающих взор.

Эти страшные горы горят неподвижностью вечного света,
Над холодным пространством безжизненных снов,
Это ужас мечты, это дума веков,
Запредельная жизнь Красоты, беспощадная ясность Поэта.

V
БЛЕДНЫЙ ВОЗДУХ

Бледный воздух прохладен.
Не желай. Не скорби.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби.

Даль небес беспредельна.
О, как сладко тому,
Кто, хотя бы бесцельно,
Весь приникнет к Нему.

В небе царствуют луны.
Как спокойно вкруг них!
Златоцветные струны
Затаили свой стих.

Скоро звезды проснутся.
Сочетаясь в узор,
Их намеки сплетутся
В серебристый собор.

Звезды — вечные души.
Звезды свечи зажгли.
Вот все глуше и глуше
Темный ропот земли!

Нет границ у лазури.
Слышишь медленный звон?
Это прошлые бури
Погружаются в сон.

Тихо в царстве покоя.
Круг заветный замкнут.
Час полночного боя
Отошедших минут!

Воздух чист и прохладен.
Этот миг не дроби.
Как бы ни был ты жаден,
Только Бога люби!

VI
НЕМОЛЧНЫЕ ХВАЛЫ

Можно петь немолчные хвалы,
Говоря всегда одно в то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Где кричат голодные орлы,
Узкий путь, что с каждым мигом строже —
Выше, выше мчит узор скалы.
Но на свете мне всего дороже —
Радость вечно петь Тебе хвалы,
Милосердный Боже!

VII
ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Камень Иоанна, нежный изумруд,
Драгоценный камень ангелов небесных, —
Перед теми двери Рая отомкнуть,
Кто тебя полюбит в помыслах чудесных, —
Цвет расцветшей жизни, светлый изумруд!

Твердая опора запредельных тронов,
Яшма, талисман апостола Петра, —
Храм, где все мы можем отдохнуть от стонов
В час, когда приходит трудная пора, —
Яшма, украшенье запредельных тронов!

Камень огневой неверного Фомы,
Яркий хризолит оттенка золотого, —
Ты маяк сознанья над прибоем тьмы,
Чрез тебя мы в Боге убедимся снова, —
Хризолит прекрасный мудрого Фомы!

Символы престолов, временно забытых,
Гиацинт, агат, и дымный аметист, —
После заблуждений, сердцем пережитых,
К небу возвратится тот, кто сердцем чист, —
Легкий мрак престолов, временно забытых!

Радость высших духов, огненный рубин,
Цвета красной крови, цвета страстной жизни, —
Между драгоценных камней властелин,
Ты нам обещаешь жизнь в иной отчизне, —
Камень высших духов, огненный рубин!

VIII
ПРЕДВЕЩАНИЕ

Сонет

Мне все равно: царем ли быть могучим,
Иль мудрецом, средь отреченных книг,

Иль облаком, бегущим к дальним тучам,
Чтоб засветиться молнией на миг.

Всему и всем сочувственный двойник,
Я ввысь иду по лабиринтным кручам,
Судьба зовет, покой пустынь велик,
И стих в душе звучит ключом гремучим.

Туда, туда! За грани вечных гор!
Вершины спят. Лазурь, покой, простор.
Властительны невидимые чары.

В предсмертной мгле дрожит одна звезда,
Над долней тьмой, где дымные пожары.
Вершины спят. Скорей! Туда, туда!

IX
ВЕРШИНЫ

Медленные строки

Вершины белых гор
Под красным Солнцем светят.
Спроси вершины гор,
Они тебе ответят.

Расскажут в тихий час
Багряного заката,
Что нет любви для нас,
Что к счастью нет возврата.

Чем дальше ты идешь,
Тем глубже тайный холод.
Все — истина, все — ложь,
Блажен лишь тот, кто молод.

Нам скупо светит день,
А ты так жаждешь света.
Мечтой свой дух одень,
В ином не жди привета.

Чем выше над землей,
Тем легче хлопья снега,
С прозрачной полумглой
Слилась немая нега.

В прозрачной полумгле
Ни мрака нет, ни света.
Ты плакал на земле,
Когда-то, с кем-то, где-то.

Пойми, один, теперь: —
Нет ярче откровенья,
Как в сумраке потерь
Забвение мгновенья.

Мгновенье красоты
Бездонно по значенью,
В нем высшее, чем ты,
Служи предназначенью!

Взойди на высоту,
Побудь как луч заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нет возврата!

X
МОСТ

Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой, —

Разноцветностью играющий,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любит Бога своего, —

Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол,
И, как радуга непрочная,
Воссиял — и отошел.

XI
БЕЛАЯ СТРАНА

Я — в стране, что вечно в белое одета,
Предо мной — прямая долгая дорога.
Ни души — в просторах призрачного света,
Не с кем говорить здесь, не с кем, кроме Бога.

Все что было в жизни, снова улыбнется,
Только для другого, — нет, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
В сердце у меня ни ночи нет, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога.
Я один в просторах, где умолкло время,
Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога.

СМЕРТИЮ – СМЕРТЬ

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata...
S. Ambrosius

Прочь да отступят виденья
И привиденья ночей!
Св. Амвросий

* * *

I had a dream...
Lord Byron

Я видел сон, не все в нем было сном,
Воскликнул Байрон в черное мгновенье.
Зажженный тем же сумрачным огнем,
Я расскажу, по силе разуменья,
Свой сон, — он тоже не был только сном.

И вас прося о милости вниманья,
Незримые союзники мои,
Лишь вам я отдаю завоеванье,
Исполненное мудростью Змеи.
Но слушайте мое повествованье.

Мне грезилась безмерная страна,
Которая была когда-то Раем;
Она судьбой нам всем была дана,
Мы все ее, хотя отчасти, знаем,
Но та страна проклятью предана.

Ее концы, незримые вначале,
Как стены обозначилися мне,
И видел я, как, полные печали,
Дрожанья звезд в небесной вышине,
Свой смысл поняв, навеки отзвучали.

И новое предстало предо мной.
Небесный свод, как потолок, стал низким;
Украшенной игрушечной Луной
Он сделался до отвращенья близким,
И точно очертился круг земной.

Над этой ямой, вогнутой и грязной,
Те сонмы звезд, что я всегда любил,
Дымилися, в игре однообразной,
Как огоньки, что бродят меж могил,
Как хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосе,
Что не была достаточно далекой,
Толпились дети, юноши — и все
Толклись на месте в горести глубокой,
Томилися, как белка в колесе.

Но мир Земли и сочетаний звездных,
С роскошеством дымящихся огней,
Достойным балаганов затрапезных,
Все делался угрюмей и тесней,
Бросая тень от стен до стен железных.

Стеснилося дыхание у всех,
Но многие еще просвета ждали
И, стоя в склепе дедовских утех,
Друг друга в чадном дыме не видали,
И с уст иных срывался дикий смех.

Но, наконец, всем в Мире стало ясно,
Что замкнут Мир, что он известен весь,
Что как желать не быть собой — напрасно,
Так наше Там — всегда и всюду Здесь,
И Небо над самим собой не властно.

Я слышал вопли: «Кто поможет? Кто?»
Но кто же мог быть сильным между нами!
Повторный крик звучал: «Не то! Не то!»
Ничто смеялось, сжавшись, за стенами, —
Все сморщенное страшное Ничто!

И вот уж стены сдвинулись так тесно,
Что груда этих стиснутых рабов
В чудовище одно слилась чудесно,
С безумным сонмом ликов и голов,
Одно в своем различьи повсеместно.

Измучен в подневольной тесноте,
С чудовищной Змеею липко скован,
Дрожа от омерзенья к духоте,
Я чувствовал, что ум мой заколдован,
Что нет конца уродливой мечте.

Вдруг, в ужасе, незнаемом дотоле,
Я превратился в главный лик Змеи,
И Мир — был мой, я — у себя в неволе.
О, слушайте, союзники мои,
Что сделал я в невыразимой боли!

Все было серно-иссиня-желто.
Я развернул мерцающие звенья,
И, Мир порвав, сам вспыхнул, — но за то,
Горя и задыхаясь от мученья,
Я умертвил ужасное Ничто.

Как сонный мрак пред властию рассвета,
Как облако пред чарою ветров,
Вселенная, бессмертием одета,
Раздвинулась до самых берегов,
И смыла их — и дальше — в море Света.

Вновь манит Мир безвестной глубиной,
Нет больше стен, нет сказки жалко-скудной,
И я не Змей, уродливо-больной,
Я — Люцифер небесно-изумрудный,
В Безбрежности, освобожденной мной.

Книга III

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

Книга Символов

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.

Анаксогор

ЧЕТВЕРОГЛАСИЕ СТИХИЙ

I

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море,
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

II

* * *

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому

Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотеньи земном!

Будем, как Солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое.
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижном покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно — молодое.
В этом завет Красоты!

III
ВОЗДУШНЫЙ ХРАМ

Высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.
Сколько образов, скованных жизнью мгновенной,
Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц.

Это храм, из воздушности светом сплетенный,
В нем кадильницы молча горят.
И стоят богомольцы толпой преклоненной,
Вырастает их призрачный ряд.

И одни возникают, другие уходят,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшие — в мире, незримые, бродят,
Созидая покров бытию.

Из воздушного храма уносят далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную веру живого потока,
И молитвенность кротких страстей.

А горячее Солнце, воззвавши их к жизни,
Наклонилось к последней черте,
И уходит к своей запредельной отчизне,
В беспредельной своей красоте.

И блаженному сладко отдавшись бессилью,
Засмотрелось, как вечер красив,
И как будто обрызгало светлою пылью
Желтизну созревающих нив.

IV
ГОЛОС ЗАКАТА

1

Вот и Солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рекой,
И последний блеск по воздуху разлит,
Золотой пожар за липами горит.

А развесистые липы, все в цвету,
Затаили многоцветную мечту.
Льют пленительно медвяный аромат,
Этой пряностью приветствуют закат.

Золотой пожар за тканями ветвей
Изменяется в нарядности своей.
Он горит как пламя новых пышных чар,
Лиловато-желто-розовый пожар.

2

Я — отошедший день, каких немного было
На памяти твоей, мечтающий мой брат.

Я предвечернее светило,
Победно-огненный закат.

Все краски, сколько их сокрыто в силе света,
Я в мысль одну вложил, которая горит,
В огонь рубиновый одета
И в нежно-дымный хризолит.

Многоразличные созвучия сиянья
По небу разбросав, я все их слил в одно:
В восторг предсмертного сознанья,
Что мне блаженство суждено.

Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозя,
Что быть прекрасней — невозможно,
И быть блаженнее — нельзя.

Гляди же на меня, о, дух мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блеск бездонности зеркальной
Роскошно гаснущего дня.

Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

V

РАССВЕТ

Зеленая поляна,
Деревья, облака.
Под дымкою тумана
Безгласная река.

Медлительно растущий
Сомнительный рассвет.

Молчанье мысли, ждущей,
Возникнет ли ответ.

Безмолвные вопросы
Влюбленных в Солнце трав.
Когда зажгутся росы,
Бессмертье увидав?

Бессмертное Светило,
Надежда всех миров,
Изжито все, что было,
Разбиты ковы снов.

Бессмертное Влиянье
Немеркнущего Дня!
Яви свое сиянье,
Пересоздай меня!

VI
ГИМН ОГНЮ

1

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцаньи церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоликий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый, и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты, —
О, красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду — другой.
Ты красный и дымный
В клокотаньи костра.
Ты как страшный цветок с лепестками
из пламени,
Ты как вставшие дыбом блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основаньем.
Ты являешься в быстром сияньи зарниц.
Ты, застывши, горишь в грозовых облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты средь шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.
Ты в хрустальности звезд, и в порыве комет.
Ты от Солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательно входишь в растенья,
И будя, и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешь как колос пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!
Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильней, нет странней, нет светлей красоты!

4

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!

На тебе расплавляют металлы.
Близь тебя создают и куют,
Много тяжких подков,
Много кос легкозвонных,
Чтоб косить, чтоб косить,
Много колец для пальцев лилейных,
Много колец, чтоб жизни сковать,
Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть,
И устами остывшими слово «любить»
Повторять.
Много можешь ты странных вещей создавать,
Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
Чтобы ценное золото в безднах добыть,
И отточенный нож, чтоб убить!

5

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты.
Я такой же, как ты.
О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
В старину ты, как Змей, прилетал без конца,
И невест похищал от венца.
И как огненный гость много раз, в старину,
Ты утешил чужую жену.
О, блестящий, о, жгучий, о, яростный!
В ярком пламени несколько разных слоев.
Ты горишь как багряный, как темный, как желтый,
Весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних
листов.
Ты блестишь как двенадцатицветный алмаз,
Как кошачья ласкательность женских влюбляющих глаз,
Как восторг изумрудный волны Океана,
В тот миг как она преломляется,
Как весенний листок, на котором росинка дрожит
и качается,
Как дрожанье зеленой мечты светляков,
Как мерцанье бродячих огней,
Как зажженные светом вечерним края облаков,
Распростерших свой траур над ликом сожженных
и гаснущих дней!

6

Я помню, Огонь,
Как сжигал ты меня,
Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки Огня.
Нас терзали за то, что мы видели тайное,
Сожигали за радость полночного шабаша,
Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящие здания,
Где сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные, мы.
И при звуках молитв, с исступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя полюбил!

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для вас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знанье, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О, душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне — Смерть!

VI
НОВОЛУНИЕ

Серп Луны молодой,
Вместе с пышной звездой,
В голубой вышине,
Ярко видится мне.

Серп Луны молодой,
Над застывшей водой,
На уснувшей волне,
Странным кажется мне.

Серп Луны молодой,
С лучезарной звездой,
В голубой тишине,
Сказкой чудится мне.

VIII
ЛУННОЕ БЕЗМОЛВИЕ

В лесу безмолвие возникло от Луны,
Но внятно чудится дрожание струны,
И свет властительный нисходит с вышины.

Какая сонная над лесом красота,
Как четко видится мельчайшая черта,
Как стынет скованно вон та сосна и та.

Воздушно-белые недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная река,
И даль небесная во влаге глубока.

Непрерываемо дрожание струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо влияние Луны.

IX
ВЛИЯНИЕ ЛУНЫ

Я шел безбрежными пустынями,
И видел бледную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а к безызмерности,
За кругозорностью земной,
Где нет измен и нет неверности,
Где все объято тишиной.

Там нет ветров свиреподышащих,
Там нет ни друга, ни врага,
Там нет морей, себя не слышащих
И звонко бьющих в берега.

Там все застывшее, бесстрастное,
Хотя внушающее страсть, —
Затем что это царство ясное
Свою нам передало часть.

В нас от него встают желания, —
Как эхо, грянувшее вдруг,
Встает из сонного молчания,
Когда уж умер самый звук.

И бродим, бродим мы пустынями,
Средь лунатического сна,
Когда бездонностями синими
Над нами властвует Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Перед царицей тишины,
И в сны свои светло влюбляемся
По мановению Луны.

X
ВОСХВАЛЕНИЕ ЛУНЫ
Псалом

1

Восхвалим, братья, царствие Луны,
Ее лучом ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.

Восславим, сестры, бледную Луну,
Лучистую полюбим глубину,
И тайну снов, ее, ее одну.

2

Мне страшно, страшно: как сумею
Царицу сердца восхвалить?
Как раб влюбленный, я пред нею
Блаженно гасну, цепенею,
И мысли лучшие не смею
Соткать в серебряную нить.

Да не сочтет за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, веря в яркое мгновенье,
В безумном сне самозабвенья,
Поет ей раб свое хваленье,
И да звенит его струна.

О, души бледные, внемлите,
Я стройный гимн пою Луне,
Со мной душой своей сплетите
Непогасающие нити,
Мечты влюбленные храните,
Любовь любите в сладком сне.

3

Наша царица вечно меняется,
Будем слагать переменные строки,
            Славя ее.
Дух мой дрожащий любит, склоняется,
В лунном сияньи — мы грезы, намеки,
            Счастье мое.

Наша царица, бледная, ясная,
            Светит сияньем зеленых очей.

Как же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вечно-нежданная, стройная, властная,
В самом бесстрастии пламенно-страстная,
Тайну познавшая лунных лучей.

Как это чувство, как называется?
Только тебя я везде замечаю,
Только одну.
Это лишь чувство не забывается,
Взорами взоры твои я встречаю,
Славя Луну.

Наша царица, бледная, снежная,
Гаснет, как ты, озаряется вновь.
Как называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность нежная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4

Луна велит слагать ей восхваленья,
Быть нежными, когда мы влюблены,
Любить, желать, ласкать до исступленья,
Итак — восхвалим царствие Луны.

Она глядит из светлой глубины,
Из ласковой прохлады отдаленья,
Она велит любить нам зыбь волны,
И даже смерть, и даже преступленье.

Ее лучи как змеи к нам скользят,
Объятием своим завладевают,
В них вкрадчивый неуловимый яд.

От них безумным делается взгляд,
Они, блестя, все мысли убивают,
И нам о бесконечном говорят.

5

Она меняется опять,
И нам так сладко повторять
Созвучно-стройные напевы.
Она возникла над водой,
Как призрак сказки золотой,
Как бледный лик неверной девы.

Она опальная мечта,
Она печальна и чиста,
Она один намек на нежность.
Но вот сейчас, но вот сейчас
Огнем своих зеленых глаз
Она разрушит безмятежность.

Она холодный свет прольет,
И волю чарами убьет,
Она сибилла и колдунья.
В душе разъялась глубина,
Душе судьба ее видна
В очарованьи новолунья.

6

О, вновь родясь, она пьянит сердца,
Внушая мысль, что жизнь — одна влюбленность.
Когда же мы достигнем до конца,
Погаснув, мы находим обновленность.

Ущербная, устав лучом пленять,
Она наводит ужас на поэта,
И, сглазив душу, ей дает понять,
Что можно все, что нет ни в чем запрета.

Когда же закруглится по краям,
Она горит как чаша золотая,
В которой боги пить дают богам,
Там, где любовь бессмертно-молодая.

Еще, и вот — она, как рдяный щит,
Как полнота пылающего шара,
К болотам, к топям, вниз, спешит, спешит,
Горит за лесом заревом пожара.

Волнует жаб, меняет вид живых,
Их делает похожими на мертвых,
И в омутах двоится роковых,
В затонах, западнями распростертых.

Пугает беспредельной тишиной,
Вздымает безграничность океанов, —
И вновь горит блистательной Луной,
В одежде из серебряных туманов.

7

Итак, попавши в плен земной,
Возлюбим, братья, мир иной,
Следя за царственной — Луной.

Внемлите вкрадчивой струне,
И присягните молча мне
В повиновении — Луне.

Восславим, сестры, глубину,
Любовь к любви, любовь-волну,
Восхвалим ласки и — Луну.

Она одна, она одна
Для всех влюбленных нам дана,
Непобедимая — Луна!

XI
ВЛАГА

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.

«Милый! Мой милый!» — Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под Луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!» —
Полночь глядит с небосклона.

XII
ВОЗЗВАНЬЕ К ОКЕАНУ

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший, небосклон!

Зеркало предвечных начинаний,
Видевшее первую зарю,
Знающее больше наших знаний,
Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Ты никем не скованная цельность.
Мир земли для сердца мертв и пуст, —
Ты же вечно дышишь в беспредельность
Тысячами юно-жадных уст!

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты как жизнь: и правда, и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан!

XIII
БЕЛЫЙ ПОЖАР

Hier siche ich inmitten des lirandes der Brandung.

Nietzsche

Я стою на прибрежьи, в пожаре прибоя,
И волна, проблистав белизной в вышине,
Точно конь, распаленный от бега и боя,
В напряженьи предсмертном домчалась ко мне.

И за нею другие, как белые кони,
Разметав свои гривы, несутся, бегут,
Замирают от ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгут.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влево, —
И, пред смертью вздохнув и блеснувши полней,
На песке умирают в дрожании гнева
Языки обессиленных белых огней.

XIV
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Мы унижаемся и спорим
С своею собственной душой.
И на год надышался Морем,
И на год я для всех чужой.

Своих я бросил в чуждых странах,
Ушел туда, где гул волны,
Тонул в серебряных туманах,
И видел царственные сны.

В прозрачном взоре отражая
Всю безграничность бледных вод,
Моя душа, для всех чужая,
Непостижимостью живет.

Поняв подвижность легкой пены,
Я создаю дрожащий стих,
И так люблю свои измены,
Как неизменность всех своих.

Недели странствий миновали,
Я к ним вернусь для тишины,
Для нерассказанной печали,
И для сверкания струны.

В тот час, когда погаснет Солнце,
Она забьется, запоет,
Светлее звонкого червонца,
И полнозвучней синих вод.

XV
ЛЬДИНЫ

На льдине холодной
Плыву я один.
Угрюмый, свободный,
Средь царственных льдин.

И ветер чуть дышит,
Как смолкнувший зов.
Но сердце не слышит
Родных голосов.

Но сердце не хочет
Отраду найти.
И ветер пророчит
О вечном пути.

Плывут властелины
Угрюмых глубин,
Свободные льдины,
Я в море — один.

Любил я когда-то,
Но смех и печаль

Ушли без возврата
В туманную даль.

Далеко, далеко
Создания сна.
Как мертвое око,
Мне светит Луна.

Над водной равниной
Лишь ветер один.
Да льдина за льдиной
Встает из-за льдин.

XVI
СОН

Я спал. Я был свободен.
Мой дух соткал мне сон.
Он с жизнью был несходен,
Но с жизнью сопряжен.

В нем странны были светы,
В нем было все — Луной.
Знакомые предметы
Манили новизной.

Так лунно было, лунно,
В моем застывшем сне,
И что-то многострунно
Звучало в вышине.

Небьющиеся воды
Мерцали неспеша.
В бескровности Природы
Везде была — душа.

И в воздухе застыли,
Захвачены Луной,

Виденья давней были,
Знакомые со мной.

Обрывы и уклоны,
И облаки, и сны.
Но снова пели звоны
С воздушной вышины.

И мир был беспределен,
Пронзенный блеском льдин.
Я был свободен, целен.
Я спал. Я был один.

XVII
С МОРСКОГО ДНА

1

На темном влажном дне морском,
    Где царство бледных дев,
Неясно носится кругом
    Безжизненный напев.
В нем нет дрожания страстей,
    Ни стона прошлых лет.
Здесь нет цветов и нет людей,
    Воспоминаний нет.
На этом темном влажном дне
    Нет волн и нет лучей.
И песня дев звучит во сне,
    И тот напев ничей.
Ничей, ничей, и вместе всех,
    Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
    И безразличны сны.
На тихом дне, среди камней,
    И влажно-светлых рыб,
Никто, в мельканьи ровных дней,
    Из бледных не погиб.

У всех прозрачный взор красив,
    Поют они меж трав,
Души страданьем не купив,
    Души не потеряв.
Меж трав прозрачных и прямых,
    Бескровных, как они,
Тот звук поет о снах немых:
    «Усни — усни — усни».
Тот звук поет: «Прекрасно дно
    «Бесстрастной глубины.
Прекрасно то, что все равно,
    Что здесь мы все равны».

2

Но тихо, так тихо, меж дев, задремавших вокруг,
Послышался новый, дотоле неведомый, звук.
И нежно, так нежно, как вздох неподводной травы,
Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы.
«О, бледные сестры, простите, что я не молчу,
Но я не такая, и я не такого хочу.
Я так же воздушна, я дева морской глубины,
Но странное чувство мои затуманило сны.
Я между прекрасных прекрасна, стройна, и бледна.
Но хочется знать мне, одна ли нам правда дана.
Мы дышим во влаге, среди самоцветных камней.
Но что, если в мире и любят и дышат полней!
Но что, если, выйдя до волн, где бегут корабли,
Увижу я дали, и жгучее Солнце вдали!»
И точно понявши, что понятым быть не должно,
Все девы умолкли, и стало в их сердце темно.
И вдруг побледневши, исчезли, дрожа и скользя,
Как будто услышав, что слышать им было нельзя.

3

А та, которая осталась,
    Бледна и холодна?
Ей стало страшно, сердце сжалось,
    Она была одна?

Она любила хороводы,
Меж искристых камней,
Она любила эти воды,
В мельканьи ровных дней.
Она любила этих бледных
Исчезнувших сестер,
Мечту их сказок заповедных,
И призрачный их взор.
Куда она идет отсюда?
Быть может, там темно?
Быть может, нет прекрасней чуда,
Как это — это дно?
И как пробиться ей, воздушной,
Сквозь безразличность вод?
Но мысль ее, как друг послушный,
Уже зовет, зовет.

4

Ей вдруг припомнилось так ясно,
Что место есть, где зыбко дно.
Там все так странно, страшно, красно,
И всем там быть запрещено.
Там есть заветная пещера,
И кто-то чудный там живет.
Колдун? Колдунья? Зверь? Химера?
Владыка жизни? Гений вод?
Она не знала, но хотела
На запрещенье посягнуть.
И вот у тайного предела
Она уж молит: «Где мой путь?»
Из этой мглы, так странно-красной
В безлично-бледной глубине,
Раздался чей-то голос властный:
«Теперь и ты пришла ко мне!
Их было много, пожелавших
Покинуть царство глубины,
И в неизвестном мире ставших, —
Чем все, кто в мире, стать должны.
Сюда оттуда нет возврата,

Вернуться может только труп,
Чтоб рассказать свое „Когда-то“ —
Усмешкой горькой мертвых губ.
И что в том мире неизвестном,
Мне рассказать тебе нельзя.
Но чрез меня, путем чудесным,
Тебя ведет твоя стезя».
И вот колдун, или колдунья,
Вещает деве глубины:
«Сегодня в мире новолунье,
Сегодня царствие Луны.
Есть в Море скрытые теченья,
И ты войдешь в одно из них,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь от вод морских.
Ты минешь море глубокое,
В моря зеленые войдешь,
И в море алое, живое,
И в вольном воздухе вздохнешь.
Но, прежде чем в безвестность глянешь,
Ты будешь в образе другом.
Не бледной девой ты предстанешь,
А торжествующим цветком.
И нежно женственной богиней.
С душою, полной глубины,
Простишься с водною пустыней,
Достигнув уровня волны.
И после таинств лунной ночи,
На этой вкрадчивой волне,
Ты широко раскроешь очи,
Увидев Солнце в вышине!»

5

Прекрасны воздушные ночи,
        Для тех, кто любил и погас,
Кто знал, что короче, короче
        Единственный сказочный час.
Прекрасно влиянье чуть зримой,
        Едва нарожденной Луны,

Для женских сердец ощутимой
Сильней, чем пышнейшие сны.
Но то, что всего полновластней,
Во мгле торжества своего, —
Цветок нераскрытый, — прекрасней,
Он лучше, нежнее всего.
Да будет бессмертно отныне
Безумство души неземной,
Явившейся в водной пустыне,
С едва нарожденной Луной.
Она выплывала к теченью
Той вкрадчивой зыбкой волны,
Незримому веря влеченью,
В безвестные веруя сны.
И ночи себя предавая,
Расцветший цветок на волне,
Она засветилась, живая,
Она возродилась вдвойне.
И утро на небо вступило,
Ей было так странно-тепло,
И Солнце ее ослепило,
И Солнце ей очи сожгло.

6

И целый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была меж волн как призрак дыма,
Бездушна и бела.
По плоскости, изломанной волненьем,
Носилась без конца.
И не следил никто за измененьем
Страдавшего лица.
Не видел ни один, что там живая
Как мертвая была, —
И как она тонула, выплывая,
И как она плыла.
А к вечеру, когда в холодной дали
Сверкнули маяки,

Ее совсем случайно подобрали,
Всю в пене, рыбаки.
Был мертвен свет в глазах ее застывших,
Но сердце билось в ней.
Был долог гул приливов, отступивших
С береговых камней.

7

Весной, в новолунье, в прозрачный тот час,
Что двойственно вечен и нов,
И сладко волнует и радует нас,
Колеблясь на грани миров,
Я вздрогнул от взора двух призрачных глаз,
В одном из больших городов.
Глаза отражали застывшие сны,
Под тенью безжизненных век,
В них не было чар уходящей весны,
Огней убегающих рек,
Глаза были полны морской глубины,
И были слепыми навек.
У темного дома стояла она,
Виденье тяжелых потерь,
И я из высокого видел окна,
Как замкнута черная дверь,
Пред бледною девой с глубокого дна,
Что нищею ходит теперь.
В том сумрачном доме, большой вышины,
Балладу о Море я пел,
О деве, которую мучили сны,
Что есть неподводный предел,
Что, может быть, в мире две правды даны
Для душ и для жаждущих тел.
И с болью я медлил и ждал у окна,
И явственно слышал в окно
Два слова, что молвила дева со дна,
Мне вам передать их дано:
«Я видела Солнце», — сказала она, —
«Что после, — не все ли равно!»

XVIII
ДОЖДЬ

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

XIX
ПРЕРЫВИСТЫЙ ШЕЛЕСТ

Есть другие планеты, где ветры певучие тише,
Где небо бледнее, травы тоньше и выше,
Где прерывисто льются
Переменные светы,
Но своей переменою только ласкают, смеются.
Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом,

Не теперь, а когда, потеряв —
Себя потеряв без возврата,
Мы будем любить истомленные стебли седых шелестящих трав,
Без аромата,

Тонких, высоких, как звезды — печальных,
Любящих сонный покой — мест погребальных,
Над нашей могилою спящих,
И тихо, так тихо, так сумрачно-тихо, под Луной шелестящих.

XX
БЕЗВЕТРИЕ

Я чувствую какие-то прозрачные пространства,
Далеко в беспредельности, свободной от всего;
В них нет ни нашей радуги, ни звездного убранства,
В них все хрустально-призрачно, воздушно и мертво.

Безмерными провалами небесного Эфира
Они как бы оплотами от нас ограждены,

И, в центре мироздания, они всегда вне мира,
Светлей снегов нетающих нагорной вышины.

Нежней, чех ночью лунною дрожанье паутины,
Нежней, чем отражения перистых облаков,
Чем в замысле художника рождение картины,
Чем даль навек утраченных родимых берегов.

И только те, что в сумраке скитания земного
Об этих странах помнили, всегда лишь их любя,
Оттуда в мир пришедшие, туда вернутся снова,
Чтоб в царствии Безветрия навек забыть себя.

XXI
СНЕЖИНКИ

Если, рея, пропадая,
Цепенея, и блистая,
Вьются хлопья снежные, —
Если сонно, отдаленно,
То с упреком, то влюбленно,
Звуки плачут нежные, —

Если рдеют, и блистают,
И редеют, упадают
Листья полумертвые, —
В сердце — нежно, безнадежно,
И горят в нем так безбрежно
Дали распростертые.

Сердце хочет, упрекает,
И пророчит, отвергает
Грани дум изведанных, —
Просит странных, безымянных,
В красоте своей нежданных,
Светов заповеданных.

Но блаженство только в вечном,
Совершенство в безупречном,

Смерть не пропасть черная.
Вечно, всюду, только чуду
Я душой молиться буду, —
Есть нерукотворное!

О, мгновенье умиранья,
Упоенье и прощанье,
В море неизбежности!
Мы страдаем, пропадаем,
Но себя мы побеждаем
Нашим сном Безбрежности!

XXII
К ВЕТРУ

Что мне осталось, кроме глубокой,
Кроме бездонной печали?
    Ветер, о, Ветер, как я, одинокий,
    Все мы с тобою встречали.

Что полюбить мне, кроме безбрежной,
Вглубь ускользающей дали?
    Ветер, о, Ветер, как я, безнадежный,
    Быстро мы все увидали.

Что же мы ищем в безднах неверных,
Те же в конце, как в начале?
    Все мы постигли в пространствах безмерных,
    Только себя не узнали.

XXIII
ВЕТЕР ГОР И МОРЕЙ

Ветер, вечный мой брат,
Ветер гор и морей,
Что такое есть в песне протяжной твоей,
Что волнует меня, как ненайденный клад.
И со мной говорит в полумраке ночей,

И меня увлекает куда-то назад,
К освежительным снам, —
И как дух я иду по прозрачным волнам,
Надо мной в высоте сочетанья планет,
И созвучной мечте окончания нет,
Всюду сон, всюду свет,
Всюду звон мировой,
Глубина хороша красотой неживой,
Там как будто бы льды из хрустальной воды,
И чтоб тихо гореть, им не нужно звезды, —
И горят предо мной
Высота с глубиной,
В глубине высоты
Свет иной красоты,
И горит между двух
Мой блуждающий дух,
Много дышит лучей,
Много видит мой взгляд,
И незримый летит над дорогой моей,
То шепнет впереди, то умчится назад,
Ветер, вечный мой брат,
Ветер гор и морей.

XXIV
ВЕТЕР

Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный Ветер, Ветер, Ветер,
Пред тобой дрожит камыш.
Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Что ты душу мне томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спешишь скорей заснуть.
Чуть уснул, и, пробужденный,
Ты готов опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неугомонный?
Вечно — прямо, снова — в путь.

Все места тебе знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябью входишь в водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы,
И опять уходишь в тишь.

О, неверный! Ветер, Ветер,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мне забвенья, Ветер,
Дай стремленья твоего.
Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Ты прекраснее всего!

XXV
ЗАВЕТ БЫТИЯ

Я спросил у свободного Ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий Ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услыхала: «Гори!»

XXVI
ВСКРЫТИЕ ЛЬДА

Как льдины, взгроможденные
Одна на другую,
Весной освобожденные, —
Я звонко ликую.

И как вода, запевшая
За льдиною плотной,
Дрожит душа, вскипевшая
В тоске безотчетной.

В тоске от нетерпения
Я жду поцелуя.
Скорей, скорее — пения,
Блаженствуй, ликуя.

И плотные и тонкие,
Расторгнуты льдины.
Звучите, песни звонкие,
Сверкайте картины!

Живут освобожденные
Создания мысли.
Их радуги сплетенные
Как ткани повисли.

Весь мир — одно сверкание
Улыбки свободной,
Блаженство набегания
Волны полноводной.

Один поток разливистый,
Под дымкою тонкой,
Напев мечты, прерывистый,
Неверный, но звонкий.

XXVII
СЕВЕР

Как пленительна весна
Там где снег — не сновиденье,
Где полгода — тишина,
Перед счастьем возрожденья.

Там душа, волнуясь, ждет:
Что ж, сегодня торжествуем?

Что ж, река разрушит лед
Бурным влажным поцелуем?

Там весна — как смерть врага,
Все вдвойне от Солнца пьяны.
Вас приветствую, снега,
Вас, бессмертные туманы!

XXVIII
ИСПАНСКИЙ ЦВЕТОК

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадрид.
О, белая Леда! Твой блеск и победа
Различным сияньем горит.

Крылатым и смелым
Был тот, кто влюблен.
И, белый на белом, ликующим телом,
Он бросил в столетья свой сон.

Иные есть птицы,
Иные есть сны,
Я вижу бойницы, в них гордость орлицы,
В них пышность седой старины.

Застыли громады
Оконченных снов.
И сумрачно рады руины Гранады
Губительной силе веков.

Здесь дерзость желанья
Не гаснет ни в чем.
Везде изваянья былого влиянья,
Крещенья огнем и мечом.

О, строгие лики
Умевших любить!
Вы смутно-велики, красивы и дики,
Вы поняли слово — убить.

Я вас не забуду,
Я с вами везде.
Жестокому чуду я верным пребуду,
Я предан Испанской звезде!

XXIX
ТОЛЕДО

Город-крепость на горе,
Город-храм,
Где молились торжествующим богам, —
Я тебя хотел бы видеть на заре!

В час, когда поет свирель,
И зовет, —
В час, когда, как будто, ласковый апрель
Дышит в зеркале дремотствующих вод.

В дни, когда ты был одним
Из живых,
И разбрасывал кругом огонь в дым,
Вместе с криками призывов боевых.

Город зримый в высоте,
Между скал,
Безупречный в завершенной красоте,
Ты явил свой гордый лик — и задремал.

Ты, сказав свое, затих,
Навсегда, —
Но поют в тебе отшедшие года,
Ты — иссеченный на камне мощный стих.

XXX
PASEO DE LAS DELICIAS
В СЕВИЛЬЕ

Лиловые гроздья роскошных глициний,
И пальмы с их правильной четкостью линий,

И желто-оранжевый дремлющий хмель, —
Как красочно ласков испанский апрель!

А девственно-бледные дикие розы,
А желтые шапочки нежной мимозы,
А тень кипарисов, их темные сны, —
Как сказочны лики испанской весны!

И сад многоцветный, расцветший так пышно,
Гармонией красок поет нам неслышно
О стройном согласьи своей тишины,
О блеске цветочном испанской весны!

XXXI
К ЦАРИЦЕ ФЕЙ

О, царица светлых фей,
Ты летаешь без усилий
Над кустами орхидей,
Над цветами белых лилий!

Пролетаешь над водой, —
Распускаются купавы,
И росою, как звездой,
Блещут ласковые травы.

Ты везде роняешь след,
И следы твои блистают,
И тюльпан, и златоцвет
За тобою расцветают.

Пролети в душе людской,
О, властительная фея.
Пусть гвоздика и левкой
В ней вздыхают пламенея.

О, царица светлых фей,
Мы — невольники усилий,
Мы не видим орхидей,
Мы не знаем белых лилий.

XXXII
К ЮНОМУ СХИМНИКУ

Схимник юный, узник бледный,
Почему, за мглой страстей,
Мир печали заповедной
Ты отторгнул от людей?

По своей ли ты охоте,
Иль веленьем вражьих сил,
Умерщвленье грешной плоти
Выше счастья полюбил?

Кто, властительный и смелый,
Так жестоко восхотел,
Чтоб, навеки онемелый,
Перешел ты за предел?

За предел миров, где струны
Так узывчиво звенят,
И смеются: «Схимник юный!»
«Ты невольник!» — говорят.

«Ты невольник, и жестоки
Испытания твои.
Мы свободны, мы глубоки,
Как потоки и ручьи.

И в жестокости мы кротки,
И расстались мы с тоской,
И меняемся, как четки —
Но под смелою рукой!»

XXXIII
НЕ ЛУЧШЕ ЛИ СТРАДАНИЕ

«Не лучше ли страдание,
Глухое, одинокое,

Как бездны мироздания,
Непонято-глубокое?

«Не лучше ли мучение,
Чем ясный звонкий смех?
Полюбим отречение,
Разлюбим сладкий грех».

— О, нет, мой брат единственный,
Душа моя смущается,
В ней вечен клич воинственный,
Ей много обещается.

Весь мир им обещается,
Когда его хотим,
И всякий грех прощается,
Когда простим другим.

XXXIV
СУМЕРКИ

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
И слышен лепет в листьях сонных,
И дремлет ветер на цветах.

Тот легкий ветер, что приносит
Благословение небес
И тайно души наши просит
Поверить мудрости чудес.

Чудес ниспосланных нежданно
Для исцеления души,
Которой всюду, беспрестанно,
Был только слышен крик: «Спеши».

Для исцеленья утомленных,
Нашедших чары новых снов,
Под тенью ласковой — лимонных
И апельсиновых садов.

XXXV
УСПОКОЕНИЕ

Вечернее тихое море
Сливалось воздушною дымкой
С грядою слегка-лиловатых
Охваченных сном облаков,
И в этом безмерном просторе
Дышали почти невидимкой,
Как дышут мечты в ароматах,
Бесплотные образы снов.
Они возникали как краски,
Как чувства, зажженные взором,
Как сладкий восторг аромата,
Как блеск и прозрачность воды,
Как светлые вымыслы сказки,
Как тучи, что встали дозором,
Чтоб вспыхнуть на миг без возврата,
Пред ликом вечерней звезды.

XXXVI
СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть может, вся Природа — мозаика цветов?
Быть может, вся Природа — различность голосов?
Быть может, вся Природа — лишь числа и черта?
Быть может, вся Природа — желанье красоты?

У мысли нет орудья измерить глубину.
Нет сил, чтобы замедлить бегущую весну.
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью
«Стой».
Разбив оковы мысли, быть скованным — мечтой.

Тогда нам вдруг понятна стозвучность голосов,
Мы видим все богатство и музыку цветов,
А если и мечтою не смерить глубину, —
Мечтою в самых безднах мы создаем весну.

XXXVII
ВЕРБЫ

Вербы овеяны
Ветром нагретым,
Нежно взлелеяны
Утренним светом.

Ветви пасхальные,
Нежно-печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.

Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.

Светло-печальные,
Песни пасхальные,
Сердцем взлелеяны,
Вечным овеяны.

XXXVIII
ЦВЕТОК

Я цветок, и счастье аромата,
Мне самой Судьбою суждено,
От восхода Солнца до заката
Мне дышать, любить и жить дано.

А с закатом, в пышной чаще сада,
Где я сказкой нежною цвету,
Задрожит высокая ограда,
И умолкнет ветер налету.

Женщина воздушная, вся в белом,
Медленно сквозь главный вход войдет,

И движеньем ласковом, но смелым,
Стебель мой цветущий оборвет.

От восхода Солнца до заката
Измененья тени и лучей.
И растет дыханье аромата...
До заката буду я — ничей!

ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ

I
ПРАЗДНИК СВОБОДЫ

Я спал как воды моря,
Как сумрак заключенья,
Я спал как мертвый камень,
И странно жил во сне, —

С своей душой не споря,
Свое ожесточенье
Любя, как любит пламень
Таиться в тишине.

Скрываться бесконечно,
Мгновения и годы,
В земле, в деревьях, в зданьях,
И вдруг, в свой лучший миг, —

Так быстро и беспечно,
На празднике свободы,
Возникнут в трепетаньях,
Как молния, как крик.

Я спал как зимний холод,
Змеиным сном, злорадным,
И вот мне все подвластно,
Как светлому царю, —

О, как я нов и молод,
В своем стремленьи жадном,
Как пламенно и страстно
Живу, дышу, горю!

II

* * *

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,

Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный взлом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно-юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стиль.

III

* * *

Если в душу я взгляну,
В ней увижу я волну,
Многопенную,

Неба нежную эмаль,
Убегающую даль,
И безбрежность, и печаль,
Неизменную.

Если в душу я взгляну,
Сам себя я обману
Скрытой мукою,

И заплачет звонкий стих,
Запоет о снах моих,
И себя я силой их
Забаюкаю.

IV
МОИ ПЕСНОПЕНЬЯ

В моих песнопеньях журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них женственно-страстные шопоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песне не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

Воздушные песни с мерцаньем страстей
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий свет
Подглядел в сочетаньях планет.

И я в человеческом нечеловек,
Я захвачен разливами рек.
И, в Море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою.

V
СЛОВА-ХАМЕЛЕОНЫ

Слова-хамелеоны,
Они живут спеша.
У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета,

Поблекнут, обновятся,
И в этом их красота.

Все радужные краски,
Все, что чарует взгляд,
Желая вечной сказки,
Они в себе таят.

И сказка длится, длится,
И нарушает плен.
Как сладко измениться,
Живите для измен!

VI

* * *

Все равно мне, человек плох или хорош,
Все равно мне, говорить правду или ложь.

Только б вольно он всегда да сказал на да,
Только б он, как вольный свет, нет сказал на нет.

Если в небе свет погас, значит — поздний час,
Значит — в первый мы с тобой и в последний раз.

Если в небе света нет, значит, умер свет,
Значит — ночь бежит, бежит, заметая след.

Если ключ поет всегда: «Да, — да, да, — да, да», —
Значит, в нем молчанья нет — больше никогда.

Но опять зажжется свет в бездне новых туч,
И, быть может, замолчит на мгновенье ключ.

Красен солнцем вольный мир, черной тьмой хорош.
Я не знаю, день в ночь — правда или ложь.

Будем солнцем, будем тьмой, бурей и судьбой,
Будем счастливы с тобой в бездне голубой.

Если ж в сердце свет погас, значит, поздний час.
Значит — в первый мы с тобой и в последний раз.

VII

* * *

Что достойно, что бесчестно,
Что умам людским известно,
Что идет из рода в род,
Все, чему в цепях не тесно,
Смертью тусклою умрет.
Мне людское незнакомо,
Мне понятней голос грома,
Мне понятней звуки волн,
Одинокий темный челн,
И далекий парус белый,
Над равниной поседелой,
Над пустыней мертвых вод,
Мне понятен гордый, смелый,
Безотчетный крик: «Вперед!»

VIII

* * *

Жить среди беззакония,
    Как дыханье ветров,
То в волнах благовония,
    То над крышкой гробов.

Быть свободным, несвязанным,
    Как движенье мечты,
Никогда не рассказанным
    До последней черты.

Что бесчестное? Честное?
    Что горит? Что темно?
Я иду в неизвестное,
    И душе все равно.

Знаю, мелкие низости
Не удержат меня.
Нет в них чаянья близости
Рокового огня.

Но люблю безотчетное,
И восторг, и позор,
И пространство болотное,
И возвышенность гор.

IX
ВОЛЯ

Валерию Брюсову

Неужели же я буду так зависеть от людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мне велело в неизвестное идти?

Нет, не буду, нет, не буду я обманывать звезду,
Чей огонь мне ярко светит, и к которой я иду.

Высшим знаком я отмечен, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если Море повстречаю, в глубине я утону,
Видя воздух полный света и прозрачную волну.

Если горные вершины развернутся предо мной,
В снежном царстве я застыну под серебряной Луной.

Если к пропасти приду я, заглядевшись на звезду,
Буду падать, не жалея, что на камни упаду.

Но повсюду вечно чуду буду верить я мечтой,
Буду вольным и красивым, буду сказкой золотой.

Если ж кто-нибудь захочет изменить мою судьбу,
Он в раю со мною будет — или в замкнутом гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дам,
Или вместе будет тесно, слишком тесно будет нам.

Так и знайте, понимайте звонкий голос этих струн:
Влага может быть прозрачной — и возникнуть
как бурун.

Солнце ландыши ласкает, их сплетает в хоровод,
А захочет — и зардеет — и пожар в степи зажжет.

Но согрею ль я другого, или я его убью,
Неизменной сохраню я душу вольную мою.

X

* * *

Мне снятся караваны,
Моря и небосвод,
Подводные вулканы
С игрой горячих вод.

Воздушные пространства,
Где не было людей,
Игра непостоянства
На пиршестве страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мне снится, что змеится
И что бежит в простор,
Что хочет измениться —
Всему наперекор.

XI

* * *

Я полюбил свое беспутство,
Мне сладко падать с высоты.
В глухих провалах безрассудства
Живут безумные цветы.

Я видел стройные светила,
Я был во власти всех планет.
Но сладко мне забыть, что было,
И крикнуть их призывам: «Нет!»

Исполнен радости и страха,
Я оборвался с высоты,
Как коршун падает с размаха,
Чтоб довершить свои мечты.

И я в огромности бездонной,
И убегает глубина.
Я так сильнее — исступленный,
Мне Вечность в пропасти видна!

XII
ГЛАЗА

Когда я к другому в упор подхожу,
Я знаю: нам общее нечто дано.
И я напряженно и зорко гляжу
Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленных слов,
Убийств, совершенных в зловещей тиши.
Обрывов, провалов, огня, облаков,
Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу.
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу,
Он вдруг закрывает глаза.

XIII
СКВОЗЬ СТРОЙ

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: «Удвой, и утрой,
В десять раз, во сто раз горячей.
Пусть узнает удар палачей».

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловещей горой,
И горячею кровью облит,
Я еще, и еще, был избит.

Но, идя как игрушка меж вас,
Я горел, я сгорал, и не гас.
И сознаньем был каждый смущен,
Что я кровью своей освящен.

И сильней, все сильней каждый раз,
Вы пугались блистающих глаз.
И вы дрогнули все предо мной,
Увидав, что меж вас — я иной.

XIV
В ЗАСТЕНКЕ

Переломаны кости мои.
Я в застенке. Но чу! В забытьи,
Слышу, где-то стремятся ручьи.

Так созвучно, созвонно, в простор,
Убегают с покатостей гор,
Чтоб низлиться в безгласность озер.

Я в застенке. И пытка долга,
Но мечта мне моя дорога.
В палаче я не вижу врага.

Он ужасен, он странен, как сон,
Он упорством моим потрясен.
Я ли мученик? Может быть, он?
Переломаны кости. Хрустят.
Но горит напряженный мой взгляд.
О, ручьи говорят, говорят!

XV
В ДОМАХ

М. Горькому

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бледные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.

Все скучно в их жизни. Полюбят кого,
Сейчас же наложат тяжелые цепи.
«Ну, что же, ты счастлив?» — «Да что ж...
Ничего...»
О, да, ничего нет нелепей!

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цельно в просторах безлюдных пустынь,
Желанье свободно уходит к желанью.
Там нет заподозренных чувством святынь,
Там нет пригвождений к преданью.

Свобода, свобода! Кто понял тебя,
Тот знает, как вольны разливные реки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навеки.

Кто близок был к смерти и видел ее,
Тот знает, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался в сердце свое,
И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вот предо мною захлопнулись двери,
И в клеточках гномы застыли опять,
Лепечут: «Мы люди, не звери».

Я проклял вас, люди. Живите впотьмах.
Тоскуйте в размеренной чинной боязни.
Бледнейте в мучительных ваших домах.
Вы к казни идете от казни!

XVI
МСТИТЕЛЬ

Если б вы молились на меня,
Я стоял бы ангелом пред вами,
О приходе радостного дня
Говорил бы лучшими словами.

Был бы вам как радостный восход,
Был бы вам как свежесть аромата,
Сделал бы вам легким переход
К грусти полумертвого заката.

Я бы пел вам сладостно звеня,
Я б не ненавидел вас, как трупы,
Если б вы молились на меня,
Если бы вы не были так скупы.

А теперь, угрюмый и больной,
А теперь, как темный дух, гонимый,
Буду мстить вам с меткостью стальной,
Буду бич ваш, бич неумолимый.

XVII
СОПЕРНИКИ

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином, —
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени.
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхожденьи мы будем ступени.
И равны, — пока не полюбим одну.

Тогда мы солжем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только — мой равный! — пока мы вдвоем.

XVIII
ЛОМАНЫЕ ЛИНИИ

Ломаные линии, острые углы.
Да, мы здесь — мы прячемся в дымном царстве
мглы.

Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.

Глянем и захватим вас, вбросим в наши сны.
Мы еще покажем вам свежесть новизны.

Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только нет и да.

Будет откровенно, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! кричат орлы!

XIX
НАШИМ ВРАГАМ

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вам не дано,
Даром канете на дно

Богом кинутые,
И отринутые,
Не согреты вы ничем,
И живете низачем.

Не постигнувшие,
И не двигнувшие
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда

Вы распавшиеся,
Неудавшиеся,
У дорожного столба
Невзошедшие хлеба.

XX
ГАРМОНИЯ СЛОВ

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров.
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

XXI

ДРУГУ

Милый друг, почему бесконечная боль
Затаилась в душе огорченной твоей?
Быть счастливым себя хоть на миг приневоль,
Будь как царь водяной, и как горный король,
Будь со мною в дрожаньи бессвязных ветвей.

Посмотри, как воздушно сиянье Луны,
Как проходит она — не дыша, не спеша.
Все виденья в застывшей тиши сплетены,
Всюду свет и восторг, всюду сон, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

XXII

* * *

Если грустно тебе,
Ты не думай, мой друг.
Весь очерчен в Судьбе
Твой назначенный круг.

Разве думает лес?
Разве плачет о чем?
Он живет для чудес,
Озаренный лучом.

Разве нежный цветок
Будет думать весной?
Верь напевности строк,
Будь без думы со мной.

XXIII

* * *

Ты мне говоришь, что как женщина я,
Что я рассуждать не умею,
Что я ускользаю, что я как змея, —
Ну что же, я спорить не смею.

Люблю по-мужски я всем телом мужским,
Но женское сердцу желанно,
И вот отчего, рассуждая с другим,
Я так выражаюсь туманно.

Я женщин как высшую тайну люблю,
А женщины любят скрываться,
И вот почему я не мог, не терплю
В заветных глубинах признаться.

Но весь я прекрасен, дышу, и дрожу,
Мне жаль, что тебя я печалю.
Приблизься, тебе я всю правду скажу, —
А может быть, только ужалю.

XXIV

* * *

Мы брошены в сказочный мир
Какой-то могучей рукой.
На тризну? На битву? На пир?
Не знаю, я вечно — другой.

Я каждой минутой — сожжен.
Я в каждой измене — живу.
Не праздно я здесь воплощен.
И ярко я сплю — наяву.

И знаю, и помню, с тоской,
Что вниз я сейчас упаду.
Но, брошенный меткой рукой,
Я цель — без ошибки найду.

XXV
АККОРДЫ

В красоте музыкальности,
Как в недвижной зеркальности,
Я нашел очертания снов,
До меня не рассказанных,
Тосковавших и связанных,
Как растенья под глыбою льдов.

Я им дал наслаждение,
Красоту их рождения,
Я разрушил звенящие льды.
И, как гимны неслышные,
Дышут лотосы пышные
Над пространством зеркальной воды.

И в немой музыкальности,
В этой новой зеркальности,
Создает их живой хоровод
Новый мир, недосказанный,
Но с рассказанным связанный
В глубине отражающих вод.

XXVI
SIN MIEDO

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», —
Будь всегда бесстрашным, — властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,

И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблистали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

I
ТРИЛИСТНИК

Дагни Кристенсен

1. ИЗ РОДА КОРОЛЕЙ

Да, тебя я знаю, знаю. Ты из рода королей.
Ты из расы гордых скальдов древней родины твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многих звуков, многих слов,
Оттого что в них не слышно дуновения веков.

Ты не видишь и не знаешь многих красок и картин,
Оттого что в них не светит мощь родных морских глубин.

Но едва перед тобою молвишь беглый вещий звук,
Тотчас мы с тобою вместе, мы в один замкнуты круг.

И когда во взоре можешь силу Моря отразить,
Между мною и тобою тотчас ласковая нить.

Нить призванья, ожиданья, бесконечности мечты,
Долгих песен без названья, откровений красоты.

Между мною и тобою веет возглас «Навсегда».
«Ты забудешь?» — «Невозможно». — «Ты ко мне
вернешься?» — «Да».

Да, тебя я знаю, счастье. Ты — рожденная волной.
Вот, я связан царским словом. Помни. Помни! Будь со мной!

2. В МОЕМ САДУ

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,

В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.

Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается,
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные.
В глазах твоих признанье потемневшее.
И губы, губы красные.

С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется,
О, тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь — пьяна, как гроздья спелые,
В моей душе — звучат призывы страстные,
В моем саду — сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные.

3. СОЛНЦЕ УДАЛИЛОСЬ

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд.

Воздух цепенеет, властно скован мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышет над землей.
Тайно стынут волны меркнущих морей.
— Уходи от ночи, уходи скорей. —

— Где ж твой тихий угол? — Нет его нигде.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где Солнце. Только там, где ты.

II

*
* *

Нет дня, чтоб я не думал о тебе,
Нет часа, чтоб тебя я не желал.
Проклятие невидящей Судьбе,
Мудрец сказал, что мир постыдно мал.

Постыдно мал и тесен для мечты,
И все же ты далеко от меня.
О, боль моя! Желанна мне лишь ты,
Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спеши!

III

*
* *

Я заснул на распутьи глухом.
В высоте, на небесные кручи,
Поднимались тяжелые тучи.
Это было не ночью, а днем.

Я лежал на избитом пути,
На краю много знавшей дороги.
Здесь и люди и звери и боги
Проходили, чтоб что-то найти.

Я дремал как живой, но мертвец,
Как умерший, но чающий жизни.
И, отдавшись душой укоризне,
Задремал я как труп наконец.

И тогда мне явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,

Так любил, безнадежно, безгласно,
Как любить нам велела — Луна.

Надо мною бесплотная тень,
Наклоняя воздушное тело,
Ближе быть, дальше быть, не хотела.
И погас утомительный день.

Все смешалось в сомкнувшейся мгле.
Я мечтал — да, как все — о святыне.
И как труп я покоюсь доныне
На избитой шагами земле.

IV

* * *

Мы прячем, душим тонкой сетью лжи
Свою любовь.
Мы шепчем: «Да? Ты мой? — Моя? — Скажи! —
— Скорей! Одежды брачные готовь!»

Но я люблю, как любит петь ручей,
Как светит луч.
Последний я, иль первый, меж лучей,
Навек, на миг, — мне все равно, — я жгуч.

Но я люблю, как любит льнуть к волне
Воздушность ив.
Мне все равно, что скрыто там на дне, —
Я в зеркале поверхности красив.

Поверхность отражает выси гор,
Измены дня.
Мой милый друг, лелей в себе мой взор,
Как тень, как сон, люби, люби меня!

V
ТОНЧАЙШИЕ КРАСКИ

Тончайшие краски
Не в ярких созвучьях,
А в еле заметных
Дрожаниях струн, —
В них зримы сиянья
Планет запредельных,
Непознанных светов,
Невидимых лун.

И если в минуты
Глубокого чувства
Мы смотрим безгласно
И любим без слов,
Мы видим, мы слышим,
Как светят нам солнца,
Как дышут нам блески
Нездешних миров.

VI
НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

VII
ПОЗДНО

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов угрюмых
Был таинственен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам — поздно.

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзвучало
Без блаженных исступлений.

И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в ваших думах.
Было поздно, поздно, поздно.

VIII
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ
Сонет

В те дни, когда везде был Млечный Путь,
Я полюбил несдержанность мечтанья,
И верю, звездный хаос мирозданья
В моих словах блеснет когда-нибудь.

Теперь! Сейчас! Вольнее дышит грудь.
Я полон сладкой дрожью ожиданья,
Они встают, забытые преданья,
Погасшие, хотят опять блеснуть.

Я вижу первозданную планету,
Воздушную, как остров голубой,
Там в первый раз я счастлив был с тобой.

В начальной тьме оставил я примету,
Сказав тебе: «Прощай, когда-нибудь
Мы вновь с тобой полюбим — Млечный Путь».

IX
ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Она так шумно-весела,
И так светла, —
Как между скал певучий ключ.
Как яркий луч.

В ней все любовь, в ней все мечта.
И красота,
Как все в лесу, в лучах весны,
Любовь и сны.

Зачем же радостный расцвет
Веселых лет, —
Как летний блеск сменен зимой, —
Окончен тьмой?

Теперь навек с одним она,
Прошла весна.
Как дым вкруг пурпура огней,
Он всюду с ней.

Цветок роскошный отблистал,
И мертвый стал.
И как в гербарии он сжег,
Бесцветен взгляд.

В ней ключ застывший усыплен,
В ней смутный сон,
Как тусклый мертвенный налет
Стоячих вод.

X
СОЕДИНЕННЫЕ

Сожженный край томительной равнины,
На ней забытый раненый солдат.
Вдали синеют горы-исполины.
— «Ты не придешь, ты не придешь назад!»

Там, где-то, край обиженный и бедный.
В глухой избе, за пряжей, у окна,
Какая-то одна, с улыбкой бледной,
Вдали от мужа — мужняя жена.

Меняет Солнце область созерцанья,
Роняет тень одним и жжет других.
Все ближе ночь. Все тише восклицанья.
В такую ночь пришел он как жених.

Равнины спят. Пред счастьем пробужденья
Меняет Солнце пышный свой наряд.
К одной стране восходят все виденья.
— Да, он придет, придет к тебе назад!

XI
ПРИДОРОЖНЫЕ ТРАВЫ

Спите, полумертвые увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близь путей заезженных взрощенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась заклятая стезя.

Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли,
Вы, что в небо дальнее светло глядеть могли,

Вы, что встретить счастие могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девической красе.

Спите же, взглянувшие на страшный пыльный путь,
Вашим равным — царствовать, а вам — навек уснуть,
Богом обделенные на празднике мечты,
Спите, не видавшие расцвета красоты.

XII
ВЛЮБЛЕННЫЕ

Ieg gaar fra den ene til den anden Blomst, de er berusede.

K. Hamsun. Pan

Храня влюбленную истому,
Я цепенею и гляжу.
От одного цветка к другому
В саду перехожу.

Воздушно ландыши белеют,
В себя влюбляется нарцисс,
И гроздья красных лилий млеют,
Раскрылись и зажглись.

И счастью преданы немому
Уста раскрывшихся цветов,
От одного цветка к другому
Струят блаженство снов.

Я вижу, как они меняют
Свой легкий праздничный наряд,
Друг друга пылью соблазняют,
Влюбляют и пьянят.

Душистой пылью опьяненный,
Цветок целуется с цветком.

А я, безумный, я влюбленный,
С блаженством незнаком.

Но я храню свою истому,
Тобой живу, тобой дрожу.
И от цветка идя к другому,
Всем — сердце расскажу.

XIII

* * *

Я знаю людей с голубыми глазами,
Я знаю, что принято думать о них.
Но это молчание Неба над нами
Не есть ли горящий безмолвием стих?

Не стих, а поэма, о том, что лазурность
Все видит, все знает, всегда глубина,
И молча твердит нам: «Безбурность. Безбурность.
«Я лучше, чем буря. Я счастие сна».

XIV
ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ

Темнеет вечер голубой,
Мерцают розовые тени.
Мой друг, скорей, войдем с тобой
На те заветные ступени.

Над нами будет желтый крест.
Цветные окна церкви темной.
Зажжется небо, и окрест
Повсюду будет блеск заемный.

Багряно-огненный закат
Во мгле осветит лица наши.
С могил к нам розы обратят
Свои раскрывшиеся чаши.

Для нас надгробные кресты,
В лучах последнего сиянья,
Воспримут чары красоты,
Как знак немого обещанья.

И все тона, и все цвета,
Какие только в небе слиты,
Как в рай забытые врата,
Нам будут в этот миг открыты.

И смолкнут наши голоса,
И мы, друг в друге пропадая,
Погаснем, как в цветке роса,
Как в тучке искра золотая.

XV
ВОЛНЫ

Волна бежит. Волна с волною слита.
Волна с волною слита в одной мечте.
Прильнув к скалам, они гремят сердито.
Они гремят сердито: «Не те! Не те!»

И в горьком сне волна волне шепнула.
Волна волне шепнула: «В тебе — мечта».
И плещут вновь: «Меня ты обманула!»
«Меня ты обманула. И ты — не та!»

XVI
НАРЦИСС И ЭХО

Aire y flor...
Calderon

Цветок, и воздух, смущенный эхом,
То полный плачем, то полный смехом.
Цветок нарцисса, и звук заветный,
Ответом вставший, но безответный.

Над глубью водной, мертво-зеркальной,
Бесплодно стынет цветок печальный.
Своим обманут прекрасным ликом,
Не внемля внешним мольбам и крикам.

А звук заветный, хотя и внешний,
Навек пронизан тоской нездешней,
Ревнует, молит, грозит, пророчит,
И вот рыдает, и вот хохочет.

Но нет слиянья для двух прекрасных.
Мы розно стынем в терзаньях страстных.
И гаснут звуки, и ясны воды
В бездушном царстве глухой Природы.

XVII
МУДРОСТЬ СЕРДЦА

Ты видал ли, как вздыхает вешний ветер меж цветов,
Их целует, и качает, ими прян и сладко-нов.

Ты видал ли, как лелеют волны лотос голубой,
Как они цветок ласкают, окружив его собой.

Ты видал ли, как воздушно светит в сумерках звезда,
Как пред нею, вместе с нею, дышит вечером вода.

В этом мудрость, в этом счастье — увлекаясь, увлекать,
Зажигать и в то же время самому светло сверкать.

Увлекая, увлекаться — мудрость сердца моего,
Этим я могу достигнуть — слишком многого — всего!

XVIII
УТРЕННИЙ ЦВЕТОК

Я нашел в лесу цветок,
Он такой был легкий, нежный,

И рукой моей небрежной
Сломан тонкий стебелек.

Много я сорвал цветов,
И ликующих и бледных,
В этих чащах заповедных.
Далеко от городов.

Но упрямая душа
Говорит, что лишь вначале,
В утро, чуждое печали,
Радость счастья хороша.

И воздушный тот цветок
Я во всех своих скитаньях,
В наслажденьях, и в страданьях,
Позабыть никак не мог.

XIX

* * *

Я не знаю, как же быть?
Продолжать или забыть?
Через улицу, давно,
Из окна смотрю в окно.

И давно ко мне приник,
Сквозь окно, далекий лик.
За воздушною средой,
Манит, нежный, молодой.

Этот лик глядит давно
Сквозь прозрачное окно.
Ближе быть нельзя никак:
Будет как-то все не так.

Нет, не так слились бы мы
В сладкой связи близкой тьмы,

Как мы слиты силой снов,
Без любви, и без оков.

Я не знаю, как же быть?
Как любить — и не любить?
Дух далекий, дух родной,
Вечно ль будешь ты со мной?

XX
ШИПОВНИК

Шиповник алый,
Шиповник белый.
Один — усталый,
И онемелый,
Другой — влюбленный,
Лениво-страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.

Едва вздыхая,
И цепенея,
В дыханьи мал
Влюбляясь, млея,
Они мечтают
О невозможном,
И доцветают
Во сне тревожном.

И близко, близко
Один к другому,
В корнях, так низко,
Хранят истому,
В листах, в вершинах,
В цветах, повсюду,
И в снах единых
Открылись чуду.

О, чудо мая
Неотвратимо!
Но время, тая,
Проходит мимо,
Но май устанет,
И онемеет,
И ветер встанет,
Цветы развеет.

Их рок — быть рядом
И жаждать слиться,
Их рок — лишь взглядом
Соединиться.
О, сон усталый,
О, вздох несмелый!
Шиповник алый,
Шиповник белый!

XXI
СРАЗУ

Ты мне понравилась так сразу оттого,
Что ты так девственно-стыдлива и прекрасна.
Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно,
Коснулось что-то сердца твоего.

В твои глаза взглянув, я вижу в зыбком взоре,
Что страсть была тебе знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая в море,
Ты тонкий стебель нежного цветка.

Дыханьем ветерка, в заветное мгновенье,
Нарушена была твоя немая тишь,
Но было так легко его прикосновенье,
Что ты его едва-едва таишь.

Мне все же чудится, что ласки поцелуя
Ты ясно слышала, и знаешь сладость их,

И я, увидя зыбь глубоких глаз твоих,
Тебя люблю, желая в ревнуя.

XXII
БЕЛЫЙ ЦВЕТОК

В твои глаза взглянувши, я понял в тот же миг,
Что ты цветок воздушный и сладостный родник.

В твоей душе так много прозрачных светлых вод,
И над водой зеркальной цветок-мечта живет.

Весь белый, белый, белый, он лишь в себя влюблен.
Его восторг воздушный ни с кем не разделен.

Но я люблю воздушность и белые цветы.
Прекрасная! Запомни, что мне желанна ты!

XXIII
ТЫ ЗДЕСЬ

Ты здесь, со мною, так близко-близко.
Я полон счастья. В душе гроза.
Те цепенеешь — как одалиска
Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
Теперь томишься? Иль с давних пор?
О чем поешь ты, о чем пророчишь,
О, затененный, но яркий взор?

Мое блаженство, побудь со мною,
Я весь желанье, я весь гроза.
Я весь исполнен тобой одною.
Открой мне счастье! Закрой глаза!

XXIV
ЧЕРЕМУХА

Черемухой душистой с тобой опьянены,
Мы вдруг забыли утро, и вдруг вступили в сны.

И утро превратилось в моря без берегов,
Моря пловучих тучек, ветвей, кустов, цветов.

Цветы, деревья, травы, и травы, и цветы.
Моря цветов и красок, любовь, и я, и ты.

Лицо к лицу склонивши и руку в руку взяв,
Мы вдруг прониклись счастьем легко дрожащих трав.

Безмерным светом Солнце светило с высоты.
И было изумленье, восторг, и я, и ты.

В нас царствовала Вечность, в нас был короткий час,
И утро выростало для нас, для нас, для нас.

Мы были два сиянья, два призрака весны.
Черемухой душистой подсказанные сны.

XXV
ПРОЗРАЧНОСТЬ

Воздух стал прозрачней и печальней,
Умер день, а ночь не родилась.
Из окна, в своей опочивальне,
Лишь одна звезда, блеснув, зажглась.

Облачком окутанная белым,
Ласково глядела с высоты,
Призраком воздушно-онемелым.
Образом нетленной чистоты.

И с тобой, по берегу морскому,
Я вперед безгласно уходил,

К новому, к нежданному, к другому,
К воздуху без туч и без светил.

XXVI

* * *

Ты вся мне кажешься какой-то тайной сладкой,
Когда вот здесь, вот тут, молчишь, едва дыша,
И для меня навек останется загадкой
    Твоя безмолвная душа.

Всем видом сказочным, немножко старосветским,
Напоминающим прадедовские дни,
И этим голосом, задержанным и детским,
    Ты точно говоришь: «Усни».

Когда же ты поешь так сладостно и ровно,
Ты вся мне кажешься нетронутым цветком,
Едва лелеемым, стыдливо и любовно,
    Полувлюбленным ветерком.

XXVII
ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

Счастливая девушка
Шестнадцати лет!
О, возраст влюбленности
И быстрых побед!
О, миг пробуждения,
Румяный расцвет!

Весь мир вам — как житница,
Он нам только пуст.
Он вам улыбается,
Как розовый куст,
Как нежность подвижная
Смеющихся уст.

К вам жизнь приближается,
Ласкает, зовет.

Под солнцем на озере
Вскрывается лед.
На пчельнике топится
И копится мед.

Во всем обещания
И ласковый свет.
Вы спросите, взглянете,
Вам будет ответ.
О, милая девушка
Шестнадцати лет!

XXVIII
ЗАМАРАШКА

Уличной испанке

Бедная ты замарашка,
Серенький робкий зверок,
Ты полевая ромашка,
Никем нелюбимый цветок.

Ты и не знаешь, как манит
Прелесть незнатных полей,
Вид твой души не обманет,
Ты всех мне красавиц милей.

XXIX
КОЛДУНЬЯ

Сонет

Как медленно, как тягостно, как скучно
Проходит жизнь, являя тот же лик.
Широкая река течет беззвучно,
А в сердце дышит бьющийся родник.

И нового он хочет каждый миг,
И старое он видит неотлучно.

Субботний день, как все, прошел, поник,
И полночь бьет, и полночь однозвучна.

Так что же, завтра — снова как вчера?
Нет, есть восторг минуты исступленной.
Меня зовут. Я слышу. Так. Пора.

Пусть завтра встречу смерть в чаду костра,
За сладость счастья сладко быть сожженной.
Меж демонов я буду до утра!

XXX
МОРСКАЯ ДУША

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончанья лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильней всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск.
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Все твердит, взволнованно дыша,
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

XXXI
СЕМИЦВЕТНИК

Люси Савицкой

> Нежнее, чем польская панна,
> И значит, нежнее всего.
>
> *Бальмонт*

1

Лесной ручей поет, не зная почему,
Но он светло журчит и нарушает тьму.
А в трепете лучей поет еще звончей,
Как будто говоря, что он ничей, ничей.

Так ты всегда светла, не зная почему,
И быть такой должна, наперекор всему.
Твоя душа — напев звенящего ручья,
Который говорит, что ты ничья, ничья.

2

Смотри, как звезды в вышине
Светло горят тебе и мне.
Они не думают о нас,
Но светят нам в полночный час.

Прекрасен ими небосклон,
В них вечен свет, и вечен сон.
И кто их видит — жизни рад,
Чужою жизнию богат.

Моя любовь, моя звезда,
Такой, как звезды, будь всегда.
Горя, не думай обо мне,
Но дай побыть мне в звездном сне.

3

Нет, ты не поняла, что в бездне пустоты
Я не обрыв, не тьма, а вольный сон мечты,
Такой же радостный и вкрадчивый, как ты.

Я пропасти люблю, но так же, как леса,
Молчанье, и за ним — земные голоса,
И все подземное, и свет, и небеса.

Я, бесконечное в конечном ощутив,
Люблю и высоту, влюбляюсь и в обрыв,
И я в чудовищном свободен и красив.

Свободен потому, что только миг я в нем.
И сладко сплю в тени, сказавши тьме: «Уснем».
Но вот уж я восстал, я весь огонь с огнем.

Мы всюду встретимся, где чары красоты,
Где в самом хаосе завершены черты,
Где свет гармонии, где счастие, где ты.

4

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
Как сладко снова жить, и видеть солнце вновь.
Я был в глубокой тьме, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгом стала боль, ответом стал вопрос,
От смеха губ твоих, и золота волос.
И тонкий стан ко мне прильнул в воздушном сне,
И предал я свой дух чарующей весне.

О, стройная мечта, не разлучусь я с ней!
Кто в мире может быть моей Люси нежней?
Кто лучше всех? Люси, спроси ручей, цветы:
Лучи, ручей, цветы мне говорят, что — ты!

5

Кто полюбив — не сразу полюбил?
В глубокой тьме — горят огни светил.
И кто устав — свою покинул тьму,
Его звезда — светло горит ему.

К тебе прильнув — я вижу бездну вод.
В моих зрачках — твой гордый блеск живет.
Зеркален лик — прозрачной глубины,
Там два стебля — влюбленно сплетены.

В одном цветке — как бархатная ночь,
В другом цветке — огонь, что рвется прочь.
И мы горим — прекрасней нет светил,
И в первый раз — я сразу полюбил.

6

Когда сейчас передо мною
Ты в сладострастье замерла,
Одною схвачены волною,
Мы отдались любви и зною,
Но в наших взорах пеленою
Возникла трепетная мгла.

И мы глаза свои закрыли,
Чтоб видеть лишь себя во сне,
И в блеске сна, в цветочной пыли,
Мы жизнью слитно-разной жили,
Как два виденья той же были,
Как два луча в одной волне.

И все слова одной страницы
Соединить нас не могли,
Сверкнув друг другу, как зарницы,
Тонули мы, как в небе птицы,
И ты, полуоткрыв ресницы,
Была вблизи — но как вдали!

7

«Зачем ты хочешь слов? Ужели ты не видишь,
«Как сладко мне с тобой, цветок мой голубой?
«Ни друга, ни врага ты взглядом не обидишь,
«Цветешь, всегда цветешь, взлелеянный Судьбой.

«Зачем тебе слова? Я, как и ты, безгласна.
Я сны истомные лелею, как и ты.
Смотри, как дышим мы, тревожно, нежно, страстно...
О, милый, милый мой! Ведь мы с тобой — цветы!»

XXXII

* * *

Влага только на мгновенье
Может к лотосу прильнуть.
Даст ему свое забвенье,
И опять стремится в путь.

Лотос только на мгновенье
Принимает поцелуй
И восторг прикосновенья
Переменно-быстрых струй.

Миг блаженства, легкость ласки,
Вольно-слитные сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновенного конца.

Лотос после быстрой ласки
Весь блестит, легко дрожа,
И вода в подвижной сказке
Обновленна и свежа.

XXXIII
ТРИ ЦВЕТА

Черный, желтый и красный,
Три испанские цвета.
    Слиянье триады согласной
    Разгадано сердцем поэта.

Черный цвет подозренья
Страшен душам неверным,
    Обманчивый миг утоленья
    К возмездьям приводит примерным.

Желтый — дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гневность,
Злорадство рассчитанной мести.

Всех отчетливей — красный,
Полный жизни и смерти.
Доверьтесь триаде согласной,
Любите, но страсти не верьте!

XXXIV
СЕРЕНАДА

Я сомкнул глаза усталые,
Мира больше нет.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Светить вам лишь поздний свет.
Дышут сумерки неясные,
Смотрят звезды с высоты.
Плачьте, страстные, подвластные
Тайнам темноты.

Я закрыл глаза усталые,
Стройный мир погас.
Кровь слагает сказки алые,
И обманывает нас.
Дышут шелесты неясные,
Дымно спит речная гладь.
Плачьте, страстные, безгласные.
Вам недолго спать.

XXXV
КРЕСТОНОСЕЦ
Сонет

Ни ревности, ни скуке, ни злословью,
Моей души живой я не предам.
Блуждая по несчетным городам,
Одним я услажден всегда — любовью.

Мой ум увлек меня к Средневековью,
Ко дням служенья тающим мечтам.
И, крестоносец, годы я отдам,
Чтоб розы снов зарделись алой кровью.

Моей! Моей! Неверных больше нет.
В пустыне — все смешавших — долгих лет
Сравнялись все молитвы и проклятья.

И в верность дней не верю я один.
Во имя жертвы, счастья без объятья,
Я сумрачный, я гордый паладин.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТ

I

*
* *

О, Сафо, знаешь только ты
Необъяснимость откровенья
Непобежденной красоты
В лучах бессмертного мгновенья!

О, Сафо, знаешь только ты, —
Чье имя — сладость аромата, —
Неизреченные мечты,
Для вас блеснувшие когда-то!

О, Сафо, знаешь только ты,
Как ярко ширятся, без счета,
Непостижимые цветы
Из зачарованного грота!

II

*
* *

Жизнь проходит, — вечен сон.
Хорошо мне, — я влюблен.

Жизнь проходить, — сказка нет.
Хорошо мне, — я поэт.

Душен мир, — в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.

III
ОТПАДЕНИЯ

Отпадения в мир сладострастия
Нам самою Судьбой суждены.

Нам неведомо высшее счастие.
И любить, и желать — мы должны.

И не любит ли жизнь настоящее?
И не светят ли звезды за мглой?
И не хочет ли Солнце горящее
Сочетаться любовью с Землей?

И не дышет ли влага прозрачная,
В глубину принимая лучи?
И не ждет ли Земля новобрачная?
Так люби. И целуй. И молчи.

IV

МОЕ ПРИКОСНОВЕНЬЕ

Мое прикосновенье,
Мой сладкий поцелуй —
Как светлое забвенье,
Как пенье вешних струй.

Воздушное лобзанье,
До истощенья сил —
Как сладость приказанья
Того, кто сердцу мил.

Оно легко змеится
Вдоль тела и лица —
И длится, длится, длится,
Как будто без конца.

V

* * *

Мой милый! — ты сказала мне. —
Зачем в душевной глубине
Ты будишь бурные желанья?

Все, что в тебе, влечет меня.
И вот в душе моей, звеня,
Растет, растет очарованье!

Тебя люблю я столько лет,
И нежен я, и я поэт.
Так как же это, совершенство,
Что я тебя своей не звал,
Что я тебя не целовал,
Не задыхался от блаженства?

Скажи мне, счастье, почему?
Пойми: никак я не пойму,
Зачем мы стали у предела?
Зачем не хочешь ты любить,
Себя в восторге позабыть,
Отдать и душу мне и тело?

Пойми, о, нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь — весна, когда пою,
Я — светлый бог, когда целую!

VI
УТРЕННИК

Я нарвал черемухи душистой,
Освеженной утреннею мглой.
Как в ней много пьяности росистой.
Милая, скорей окно открой!

Я тебя к тебе самой ревную,
Я тебя так тесно обовью,
И тебя цветами зачарую,
И тебя росою напою.

Предо мною тонкая преграда,
Сквозь стекло видна твоя кровать.
Нет, не надо твоего, не надо,
Дай тебя мне всю поцеловать!

VII

* * *

Я тебя закутаю
Дрёмой грез пленительных,
Я тебя опутаю
Сетью тонких трав,
Нежно забаюкаю
Сказкой ласк томительных,
Замедленной мукою
Сладостных отрав.
Ты вздохнешь, влюбленная,
Побледнев от счастия,
Сладко-утомленная,
Как вечерний свет.
Скована безбрежностью
Тайны сладострастия,
Ты увидишь с нежностью.
Что с тобой — поэт.

VIII

АРУМ

Тропических цветов, багряно-пышный арум!
Твои цветы грозят ликующим пожаром.

Твои листы горят, нельзя их позабыть,
Как копья, чья судьба — орудьем смерти быть.

Цветок-чудовище, надменный и злоокий,
С недобрым пламенем, с двуцветной поволокой.

Снаружи блещущей сиянием зари,
Светло-пурпуровой, — и черною внутри.

Губительный цветок, непобедимый арум,
Я предан всей душой твоим могучим чарам.

Я знаю, что они так пышно мне сулят:
С любовным праздником в них дышит жгучий яд!

IX
ХОТЬ РАЗ

Мы боимся — мы делим — дробим
Наш восторг пред возникшей картиной.
О, хоть раз я хочу быть любим
С беззаветностью — пусть хоть звериной!

Хоть звериной, когда неземной
На земле нам постичь невозможно.
Вот, ты чувствуешь? Сладко со мной?
Мы не бледно забылись, не ложно.

Утомившись, мы снова хотим,
Орхидейным подобные чашам.
Мы с тобою весь мир победим,
Он возникнет чарующе нашим.

Ты качаешься в сердце моем,
Как на влаге — восторг отражений.
Мы с тобою весь мир закуем
Красотою змеиных движений!

X
АНИТА

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами.
Далеким заревом жила ночная мгла,

Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьем слов своих она меня зажгла,
Испанка смуглая с глубокими глазами.
Альков раздвинулся воздушно-кружевной.
Она не стала мне шептать: «Пусти... Не надо...»
Не деве Севера, не нимфе ледяной,
Твердил я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»
Тигрица жадная дрожала предо мной, —
И кроме глаз ее мне ничего не надо.

XI
СЛИЯНИЕ
Сонет

Красивый зверь из тигровой семьи,
Жестокий облик чувственной пантеры,
С тобой я слит в истомном забытьи,
Тебя люблю, без разума, без меры.

Я знал давно, как властны все химеры,
Я предал им мечтания мои,
Но ты даешь мне сладость новой веры,
Даешь мне звать о новом бытии.

Различности в слиянии едином,
Кошачья мягкость, с женской красотой,
Лик юноши, плененного мечтой.

Влюбленный ангел, с помыслом звериным,
Возьми меня, скорей, мой нектар пей,
Ласкай меня, любя меня, убей!

XII
РУСАЛКА

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я с глубокого, тихого, темного дна.

Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая Луна. Вот, ты видишь? Зажглась!
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же! Ты мой?
Здесь. И здесь. Так. И здесь... Ах, как сладко с тобой!

XIII

* * *

Я ласкал ее долго, ласкал до утра,
Целовал ее губы и плечи.
И она наконец прошептала: «Пора!
Мой желанный, прощай же — до встречи».

И часы пронеслись. Я стоял у волны.
В ней качалась русалка нагая.
Но не бледная дева вчерашней Луны,
Но не та, но не та, а другая.

И, ее оттолкнув, я упал на песок,
А русалка, со смехом во взоре,
Вдруг запела: «Простор полноводный глубок.
Много дев, много раковин в море.

Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных.
Мы — с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных».

XIV
КОЛДУНЬЯ ВЛЮБЛЕННАЯ

Мне ведомо пламя отчаянья,
Я знаю, что знают в аду.
Но, мраку отдавшись, бегу от раскаянья,
И новых грехов задыхаяся жду.

Красивую маску бесстрастия
Лишь равный способен понять.

Глаза мои могут ослепнуть от счастия,
Ослепнуть от муки, — но слез им не знать.

О, да, я колдунья влюбленная,
Смеюсь, по обрыву скользя.
Я ночью безумна, я днем полусонная,
Другой я не буду — не буду — нельзя.

XV
ИГРАЮЩЕЙ В ИГРЫ ЛЮБОВНЫЕ

Есть поцелуи — как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи — как снег холодные.
Есть поцелуи — как оскорбление.

О, поцелуи — насильно данные,
О, поцелуи — во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастия и отвращения!

Беги же с трепетом от исступленности,
Нет меры снам моим, и нет названия
Я силен — волею моей влюбленности,
Я силен дерзостью — негодования!

XVI
НЕРЕИДА

Нет, не даром я по взморью возле пенных волн бродил,
В час, когда встают туманы, как застывший дым кадил.
Нет, не даром я в легенды мыслью жадною вникал,
Постигая духов моря, леса, воздуха, и скал.
Вот и полночь. Над прибоем светит полная Луна.
И упорно возникает, на мгновенье, тишина.
Между шорохом, и шумом, и шипением волны,
Недовольной этим быстрым наступленьем тишины,
Между шелестом свистящим все растущих быстрых вод

Возникают нереиды, отдаленный хоровод.
Все похожи и различны, все влекут от света в тьму,
Все подвластны без различья назначенью одному.
Чуть одну из них отметишь, между ею и тобой
Дрогнет мягко и призывно сумрак ночи голубой.
И от глаз твоих исчезнет отдаленный хоровод, —
Лишь она одна предстанет на дрожащей зыби вод.
Полудева, полурыба, из волос сплетет звено,
И, приблизив лик свой лживый, увлечет тебя на дно.
Я вас знаю, нереиды. Вот и полночь. Тишина.
Над прерывистым прибоем светит полная Луна.
Я взглянул, и мягко дрогнул сумрак ночи голубой.
«Мой желанный! Мой любимый! Как отрадно мне с тобой!
Мой желанный! Мой любимый!» — Нет, постой меня ласкать.
И за сеть волос лучистых я рукою быстрой хвать.
Полудева! Полурыба! Не из водных духов я!
Не огнем желаний тщетных зажжена душа моя.
Если любишь, будь со мною, ласку дерзкую возьми,
И, узнавши власть поэта, издевайся над людьми.
И красавицу морскую я целую в лунной мгле,
Бросив чуждую стихию, тороплюсь к родной земле.
И упрямую добычу прочь от пенных брызг влеку,
Внемля шорох, свист и шелест вод, бегущих по песку.

XVII

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умрет без любви.
Я больше ее не люблю,
И жизнь мою смертью зови.

Я буря, я пропасть, я ночь,
Кого обнимаю, гублю.
О, счастие вольности! — Прочь!
Я больше тебя не люблю!

XVIII

* * *

Да, я люблю одну тебя,
За то, что вся ты — страсть,
За то, что ты, забыв себя,
Спешишь с высот упасть.

С высот холодных и немых
Тебя я заманил
Туда, где слышен звонкий стих,
Где не любить нет сил,

И в этой пропасти глухой
Мы — утро бытия.
Смотри, желанная, я твой,
Смотри, ты вся — моя.

XIX
ХОЧУ

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем!

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!

XX

* * *

Я войду в зачарованный грот,
Я узнаю всю сладость земную.
Там красавица милого ждет,
Я воздушно ее поцелую.

Горячо к ней прижмусь и прильну,
В опьяненьи своем закачаю.
Я люблю молодую волну,
Я желанье лобзаньем встречаю.

Безгранично-глубок небосвод,
И, как небо, мечтанья бескрайны.
Я люблю зачарованный грот:
В нем для любящих вечные тайны.

XXI
ПЕНЬЕ РУЧЬЯ

В пеньи звонкого ручья
Переменность трепетанья.
В нем отдельность бытия,
Восхваленье мирозданья.

Он сорвался с высоты,
Возжелав безвестной дали.
Многоснежные хребты
В нем стремленье воспитали.

И покинув горный склон,
И себя любя без меры,
Весь вспенен, домчался он
До заманчивой пещеры.

В лабиринт ее проник.
Что там было? Что там стало?

Чей-то вскрик в тиши возник,
Так воздушно и устало.

Где-то алые цветы
Зашептались, закачались,
И виденья красоты
Поцелуем повстречались.

Поцелуй? Зачем? И чей?
Кто узнает! Это тайна...
Дальше, прочь бежит ручей,
Он в пещере был случайно.

XXII

* * *

Мы с тобой сплетемся в забытьи:
Ты — среди подушек, на диване,
Я — прижав к тебе уста мои,
На коленях, в чувственном тумане.

Спущены тяжелые драпи,
Из угла нам светят канделябры,
Я увижу волны, блеск зари,
Рыб морских чуть дышащие жабры.

Белых ног, предавшихся мечтам,
Красоту и негу без предела,
Отданное стиснутым рукам,
Судорожно бьющееся тело.

Раковины мягкий мрак любя,
Дальних глаз твоих ища глазами,
Буду жечь, впивать, вбирать тебя
Жадными несытыми губами.

Солнце встанет, свет его умрет.
Что нам Солнце — разума угрозы?
Тот, кто любит, влажный мед сберет
С венчика раскрытой — скрытой розы.

XXIII
ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Веселый дождь низлился с высоты,
    Когда смеялось утро Мая.
Прошел в лесах, взрастил в садах цветы,
    Весь мир улыбкой обнимая.

Веселый дождь, источник нежных снов,
    Твой зов к забвенью сердце слышит.
Как много в мир ты нам послал цветов,
    Ты праздник в жизни всех, кто дышит.

XXIV

*
*   *

У ног твоих я понял в первый раз,
Что красота объятий и лобзаний
Не в ласках губ, не в поцелуе глаз,
А в страсти незабвенных трепетаний, —

Когда глаза — в далекие глаза —
Глядят, как смотрит коршун опьяненный.
Когда в душе нависшая гроза
Излилась в буре странно-измененной, —

Когда в душе, как перепевный стих,
Услышанный от властного поэта,
Дрожит любовь ко мгле — у ног твоих,
Ко мгле и тьме, нежней, чем ласки света.

XXV

*
*   *

За то, что нет благословения
Для нашей сказки — от людей; —
За то, что ищем мы забвения
Не в блеске принятых страстей; —

За то, что в сладостной бесцельности
Мы тайной связаны с тобой; —
За то, что тонем в беспредельности,
Непобежденные Судьбой; —

За то, что наше упоение
Непостижимо нам самим; —
За то, что силою стремления
Себя мы пыткам предадим; —

За новый облик сладострастия, —
Душой безумной и слепой, —
Я проклял все, — во имя счастия,
Во имя гибели с тобой.

XXVI

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

DANSES MACABRES

I
ПОЭТЫ

Ю. Балтрушайтису

Тебе известны, как и мне,
Непобедимые влечения,
И мы — в небесной вышине,
И мы — подводные течения.

Пред нами дышит череда
Явлений Силы и Недужности,
И в центре круга мы всегда,
И мы мелькаем по окружности.

Мы смотрим в зеркало Судьбы,
И как на праздник наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкруг темных склепов собираемся.

И, услыхав полночный бой,
Упившись музыкой железною,
Мы мчимся в пляске круговой
Над раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенских огней
Нас манит сказочными чарами,
Везде, где смерть, мы тут же с ней,
Как тени дымные — с пожарами.

И мы незримые горим,
И сон чужой тревожим ласками,
И меж неопытных царим
Безумьем, ужасом и сказками.

II
ЗАКЛЯТИЕ

1

Я видел правду только раз,
Когда солгали мне.
И с той поры, и в этот час,
Я весь горю в огне.

Я был ребенком лет пяти,
И мне жилось легко.
И я не знал, что я в пути,
Что буду далеко.

Безбольный мир кругом дышал
Обманами цветов.
Я счастлив был, я крепко спал,
И каждый день был нов.

Усадьба, липы, старый сад,
Стрекозы, камыши.
Зачем нельзя уйти назад
И кончить жизнь в тиши?

Я в летний день спросил отца:
«Скажи мне: вечен свет?»
Улыбкой грустного лица
Он мне ответил: «Нет».

И мать спросил я в полусне:
«Скажи: Он добрый — Бог?»
Она кивнула молча мне,
И удержала вздох.

Но как же так, но как же так?
Один сказал мне: «Да»,
Другой сказал, что будет мрак,
Что в жизни нет «Всегда».

И стал я спрашивать себя,
Где правда, где обман,
И кто же мучает любя,
И мрак зачем нам дан.

2

Я вышел утром в старый сад
И лег среди травы.
И был расцвет растений смят
От детской головы.

В саду был черный ветхий чан
С зацветшею водой.
Он был как знак безвестных стран,
Он был моей мечтой.

Вон ряска там, под ней вода,
Лягушка там живет.
И вдруг ко мне пришла Беда,
И замер небосвод.

Жестокой грезой детский ум
Внезапно был смущен,
И злою волей, силой дум,
Он в рабство обращен.

Так грязен чан, в нем грязный мох.
Я слышал мысль мою.
Что, если буду я как Бог?
Что, если я убью?

Лягушке тесно и темно,
Пусть в Рай она войдет.
И руку детскую на дно
Увлек водоворот.

Водоворот безумных снов,
Непоправимых дум.

Но сад кругом был ярко-нов,
И светел был мой ум.

Я помню скользкое в руках,
Я помню холод, дрожь,
Я помню Солнце в облаках,
И в детских пальцах нож.

Я темный дух, я гномный царь,
Минута не долга.
И торжествующий дикарь
Скальпировал врага.

И что-то билось без конца
В глубокой тишине.
И призрак страшного лица
Приблизился ко мне.

И кто-то близкий мне сказал,
Что проклят я теперь,
Что кто слабейшего терзал,
В том сердца нет, он зверь.

Но странно был мой ум упрям,
И молча думал я,
Что боль дана как правда нам,
Чужая и моя.

3

О, знаю, боль сильней всего,
И ярче всех огней,
Без боли тупо и мертво
Мельканье жалких дней.

И я порой терзал других,
Я мучил их... Ну, что ж!
Зато я создал звонкий стих,
И этот стих не ложь.

Кому я радость доставлял,
Тот спал, как сытый зверь.
Кого терзаться заставлял,
Пред тем открылась дверь.

И сам в безжалостной борьбе
Терзание приняв,
Благословенье шлю тебе,
Кто предо мной неправ.

Быть может, ересь я пою?
Мой дух ослеп, оглох?
О, нет, я слышу мысль мою,
Я знаю, вечен Бог!

III
КОСТРЫ

Да, и жгучие костры
Это только сон игры.
Мы играем в палачей.
Чей же проигрыш? Ничей.

Мы меняемся всегда.
Нынче «нет», а завтра «да».
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя Красоты.

Каждый звук — условный крик.
Есть у каждого двойник.
Каждый там глядит как дух,
Здесь телесно грезит вслух.

И пока мы здесь дрожим,
Мир всемерный нерушим.
Но в желаньи глянуть вниз
Все верховные сошлись.

Каждый любит, тень любя,
Видеть в зеркале себя.

И сплетенье всех в одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаем, видя сны.
Все мы здесь, наоборот,
Повторяем небосвод.

Свет оттуда — здесь как тень,
День — как ночь, и ночь — как день.
Вечный творческий восторг
Этот мир как крик исторг.

Мир страданьем освящен,
Жги меня, и будь сожжен.
Нынче я, а завтра ты,
Все во имя Красоты.

IV
ТАЙНА ГОРБУНА

Ты, конечно, проходил
По обширным городам.
Много мраков я светил,
Много разных чудищ там.

Поглядишь и там и тут,
Видишь полчища людей.
Целый мир в любом замкнут,
Мир обманов и затей.

Почему у горбуна
Так насмешливо лицо?
В этом доме два окна,
Есть в нем дверь и есть крыльцо.

Что ж, войдем и поглядим.
В этом скрыто что-нибудь.
Если мы душою с ним,
Он не может дверь замкнуть.

Мы заходим в темный ход,
Видны знаки по стенам.
Опрокинуть небосвод.
И немножко жутко нам!

Ум наш новостью смущен,
Искаженность манит вас.
Здесь нежданный свет зажжен,
Постоянный свет погас.

Кто вошел в такой уют,
К Сатане он бросил взгляд.
В этой храмине поют,
И, как в храме, здесь кадят.

Кверху поднятым лицом
Примешь небо и весну.
Спину выгнувши кольцом,
Встретишь мрак и глубину.

И невольно душит смех,
И ликуешь как змея.
Оттого что тайный грех —
Оттененье бытия.

Оттого у горбуна
И насмешливо лицо.
Эта странная спина —
Сатанинское кольцо!

V
ГОЛОС ДЬЯВОЛА

Я ненавижу всех святых,
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.

За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,

И ядовитую Змею
Они казнят без сострадания.

Мне ненавистен был бы Рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.

Я не хотел бы жить в Раю,
Казня находчивость змеиную,
От детских дней люблю Змею,
И ей любуюсь, как картиною.

Я не хотел бы жить в Раю,
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.

VI
ВРАГ

У меня был враг заклятый,
        У меня был враг.
На его постели смятой
Хохот демона проклятый
Оживлял полночный мрак.
    Без него жена смеялась,
    Обнималась, целовалась.
    Хохот демона был мой.
    Побыл с ней. Ай-да! Домой!

Враг заклятый был далеко.
        Возвратился. «Честь!»
Ты, без страха и упрека!
Я, как ты, во власти рока.
Хочешь? Что же, месть, так месть.
    Час и место. Мы явились.
    Мы сошлись в поклонились.
    Чей-то взор покрылся тьмой.
    Хохот демона был мой!

VII
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО
Сонет

Я с нею шел в глубоком подземельи,
Рука с рукой, я был вдвоем — один.
Мы встретились в сверкающем весельи,
Мы нежились, как лилии долин.

Потом пришли к дверям старинной кельи,
Предстала Смерть, как бледный исполин.
И мы за ней, в глубоком подземельи,
Стремились прочь от зелени долин.

Мы шли во тьме, друг друга не видали,
Любовь была как сказка дальних лет,
Любовь была печальнее печали.

В конце пути зажегся мрачный свет,
И я, искатель вечной Антигоны,
Увидел рядом голову — Горгоны.

VIII
НЕРАЗЛУЧИМЫЕ

Под низкою крышкою гроба,
        Забиты гвоздями,
Недвижно лежали мы оба,
С враждебными оба чертами.

Застывшие трупы, мы жили
        Сознаньем проклятья,
Что вот и в могиле — в могиле! —
Мы в мерзостной позе объятья.

И Дьявол смеялся надгробно,
        Плитой погребальной:
«Эге», — говорил: — «как удобно
«Уродцам — в могиле двуспальной!»

IX
ДВА ТРУПА

Два трупа встретились в могиле,
И прикоснулся к трупу труп,
В холодной тьме, в тюрьме, и в гнили.
Прикосновеньем мертвых губ.

Они, влюбленные, когда-то
Дышали вместе под Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.

Они клялись любить до гроба.
И вот, по истеченьи дней,
Земная жадная утроба
Взяла их в пищу для червей.

Тяжелые, с потухшим взглядом,
Там, где повсюду мгла и мгла,
Они лежат так тесно рядом,
Зловонно-мягкие тела.

Для мелких тварей ставши пищей,
И разлученные с душой,
Они гниющие жилище,
Где новый пир, для них чужой.

И дико спят они в тумане,
И видят сказочные сны
Неописуемых дыханий
И необъятной тишины.

X
НАД БОЛОТОМ

Над болотом позабытым брошен мост,
За болотом позабытым брызги звезд.
Там, за топью, цепенея, спит Лазурь,
Затаив для дней грядущих сумрак бурь.

Неживые, пропадают брызги звезд,
И к болоту от болота брошен мост.
И одно лишь не обманет — жадность бурь,
Ею дышит — с ней в объятьях — спит Лазурь.

XI
ВЕДЬМА

Я встретил ведьму старую в задумчивом лесу.
Спросил ее: «Ты знаешь ли, какой я грех несу?»
Смеется ведьма старая, смеется что есть сил:
«Тебя ль не знать? Не первый ты, что молодость убил.
Отверг живые радости, и стал себе врагом,
И тащишься в дремучий лес убогим стариком».
Я вижу, ведьма старая все знает про меня,
Смеется смехом дьявола, мечту мою кляня,
Мечту мою о праведном безгрешном житии, —
И молвил ей: «А знаешь ли ты чаянья мои?
«Я в лес вошел, но лес пройду, прозрачен, как ручей,
И выйду к морю ясному божественных лучей».
Смеется ведьма старая: «Куда тебе идти?
«Зашел сюда, — конец тебе: зачахнешь на пути.
Сии леса — дремучее, от века здесь темно,
Блуждать вам здесь дозволено, а выйти не дано.
Ишь, выйду к морю светлому! Ты думаешь: легко?
И что в нем за корысть тебе! Темно и глубоко».
И ведьма рассмеялася своим беззубым ртом:
«На море жить нельзя тебе, а здесь твой верный дом».
И ведьма рассмеялася, как дьявол егозя:
«Вода морская — горькая, и пить ее — нельзя».

XII
INCUBUS

Как стих сказителя народного,
Из поседевшей старины,
Из отдаления холодного,
Несет к нам стынущие сны, —

Так темной полночью рожденные
Воззванья башенных часов,
Моей душою повторенные,
Встают как говор голосов.

И льнуть ко мне с мольбой и с ропотом:
«Мы жить хотим в уме твоем».
И возвещают тайным шопотом:
«Внимай, внимай, как мы поем.

«Мы замираем, как проклятия,
Мы возрастаем, как прибой.
Раскрой безгрешные объятия,
Мы все обнимемся с тобой».

И я взглянул, и вдруг, нежданные,
Лучи Луны, целуя мглу,
Легли, как саваны туманные,
Передо мною на полу.

И в каждом саване — видение,
Как нерожденная гроза,
И просят губы наслаждения,
И смотрят мертвые глаза.

Я жду, лежу, как труп, но слышащий.
И встала тень, волнуя тьму,
И этот призрак еле дышащий
Приникнул к сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Как сладко мне ее продлить!
Как будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

И тень все ближе наклоняется,
Горит огонь зеленых глаз,
И каждый миг она меняется,
И мне желанней каждый раз.

Но снова башня дышит звуками,
И чей-то слышен тихий стон,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью он рожден.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатых глаз,
Что я как жертва соприсутствую,
И что окончен сладкий час.

И вот сейчас она развеется,
Моя отторгнутая тень,
И на губах ее виднеется
Воздушно-алый, алый день.

XIII
ПОЖАР

Я шутя ее коснулся,
Не любя ее зажег.
Но, увидев яркий пламень,
Я — всегда мертвей, чем камень —
Ужаснулся,
И хотел бежать скорее,
И не мог.

Трепеща и цепенея,
Вырастал огонь, блестя,
Он дрожал, слегка свистя,
Он сверкал проворством Змея,
Все быстрей,
Он являл передо мною лики сказочных зверей.
С дымом бьющимся мешаясь,
В содержаньи умножаясь,
Он, взметаясь, красовался надо мною и над ней.

Полный вспышек и теней,
Равномерно, неотступно,
Рос губительный пожар.

Мне он был блестящей рамой,
В ней возник он жгучей драмой,
И преступно,
Вместе с нею я светился в быстром блеске
дымных чар.

XIV

* * *

Хорошо ль тебе, девица
Там глубоко под землей?
Ты была цветок, и птица,
Праздник мой!
Хорошо ль тебе, девица,
Так глубоко под землей?

Ты, как все, лишь день светила,
И ничтожно умерла.
Глубока твоя могила,
Сон и мгла.
Ты, как все, лишь день светила,
Потускнела, умерла.

Твой конец последний близок,
Ты остывшей бледный труп.
Терем твой, девица, низок,
Миг твой скуп.
Твой конец последний близок,
Ты посмешище и труп.

XV

В ТОТ МИГ

В тот миг расставанья в нем умерло что-то,
Он с нею был взглядом, не с нею душою.
А в ней лишь одна трепетала забота:
«О, если б могла я быть вечно с тобою!»

Лицо у нее лишь на миг исказилось,
Она, холодея, сдержала рыданья.
«Прощай» у обоих в душе проносилось,
И он ей с улыбкой сказал: «До свиданья!»

В тот миг расставанья, как ветер свободный,
Он только и ждал, чтоб скорей удалиться.
И, вздрогнув, бледнея в тоске безысходной,
Она прошептала: «Я буду молиться!»

XVI
AD INFINITUM

В храме все — как прежде было.
Слышен тихий взмах кадил.
   «Я смеялся, я шутил.
   Неужели ты любила?»

Дымен смутный трепет свеч,
На иконах свет заемный.
Каждый хочет в церкви темной
От свечи свечу зажечь.

В храме будет так, как было.
Слышен тихий звон кадил.
   «А, неверный! Ты шутил.
   Горе! Горе! Я любила».

XVII
К СМЕРТИ

Смерть, медлительно-обманная,
Смерть, я ждал тебя года,
Но для каждого ты странная
И нежданная всегда.

Мне казалась упоительной
Мысль о том, что ты придешь

И прохладою целительной,
Торжествуя, обоймешь.

И воздушною одеждою
Мне навеешь легкий мрак.
Нет, обманут я надеждою,
Ты придешь не так, не так.

Как неведомое, грубое,
Ты возникнешь в тишине.
Как чудовище беззубое,
Ты свой рот прижмешь ко мне.

И неловкими прижатыми
Этих скользких мертвых губ,
Неотвратными объятьями
Превращен я буду в труп.

Но еще не бессознательный,
Не затянутый во тьму,
И мучительно-внимательный
К разложенью своему.

Вот, рука окоченелая
Точно манит и грозит,
Синевато-грязно-белая,
Искривилась... Гнусный вид!

Вот, лицо покрылось пятнами,
Восковою пеленой,
И дыханьями развратными
Гниль витает надо мной.

Отвратительно-знакомые
Щекотания у рта.
Это мухи! Насекомые!
Я их пища, их мечта!

И приходят ночи, низкие,
Как упавший потолок.

Где же вы, родные, близкие?
Мир отпрянувший далек.

Глухо пали комья грязные,
Я лежу в своем гробу,
Дышут черви безобразные
На щеках, в глазах, на лбу.

Как челнок, сраженный мелями,
Должен медлить, должен гнить,
Я недели за неделями
Рок бессилен изменить.

За любовь мою чрезмерную
К наслаждениям земным,
После смерти, с этой скверною
Грешный дух неразлучим.

Целых семь недель томления,
Отвращения, тоски,
Семь недель, до избавления,
Рабство, ужас, и тиски!

Лишь одной отрадой нищенской
Ад могу я услаждать:
Пред оградою кладбищенской
Белой тенью в полночь встать.

СОЗНАНИЕ

I

* * *

Я с каждым могу говорить на его языке,
Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке.

Я знаю, что некогда, в воздухе, темном от гроз,
Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос.

Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле,
Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле.

Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен,
И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон.

Я был беспощадным, когда набегал на врагов,
Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов.

С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе,
И молча я вторил сраженный: «О, слава тебе!»

И мной, безымянным, не раз изумлен был Сократ.
И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят.

Я с каждым могу говорить на его языке,
Ищи меня в небе, ищи меня в темной реке.

II

* * *

Я не знаю, что такое — презрение,
Презирать никого не могу.
У самого слабого были минуты рокового горения,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо — врагу.

Я не знаю, как можно быть гордым
Пред другим. Я горд — пред собой.
О, струны мои, прозвените небывалым аккордом,
Чтоб враг мой был, как я, во мгле голубой!

III

* * *

Я не могу понять, как можно ненавидеть
Остывшего к тебе, обидчика, врага.
Я радости не знал — сознательно обидеть,
Свобода ясности мне вечно дорога.

Я всех люблю равно, любовью равнодушной,
Я весь душой с другим, когда он тут, со мной,
Но чуть он отойдет, как светлый и воздушный
Забвеньем я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рок случайно сделал гневным,
О, смейся надо мной, приди, ударь меня:
Ты для моей души не станешь ежедневным,
Не сможешь затемнить — мне вспыхнувшего — дня.

Я всех люблю равно, любовью безучастной,
Как слушают волну, как любят облака.
Но есть и для меня источник боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью болен,
И тот, другой, как вещь, берег всю жизнь мою,
Я ненависть в душе тогда сдержать не волен,
И хоть в душе своей, но я его убью.

IV
ЗАГЛЯНУТЬ

Позабывшись,
Наклонившись,

И незримо для других,
Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть, —
Это путь,
Для того чтоб воссоздать
То, чего нам в этой жизни вплоть до смерти
не видать.

V
ДУША

Душа — прозрачная среда,
Где светит радуга всегда,
В ней свет небесный преломлен,
В ней дух, который в жизнь влюблен.

В душе есть дух, как в солнце свет,
И тождества меж ними нет,
И разлучиться им нельзя,
В них высшей смысл живет сквозя.

И трижды яркая мечта —
Еще не полная, не та,
Какая выткалась в покров
Для четверичности миров.

Последней, той, где все — одно,
В слова замкнуться не дано,
Хоть ею полон смутный стих,
В одежде сумраков земных.

И внешней лик той мысли дан:
Наш мир — безбрежный Океан,
И пламя, воздух, и вода
С землею слиты навсегда.

VI

* * *

Жемчужные тона картин венецианских
Мне так же нравятся, как темные цвета
Богинь египетских, видений африканских,
И так же, как ночей норвежских чернота.

Но там в Норвегии еще есть ночь иная,
Когда в полночный час горит светило дня.
И яркие цвета, вся сила их земная,
В кровавых кактусах так радуют меня.

Что в мире я ценю — различность сочетаний:
Люблю Звезду Морей, люблю Змеиный Грех.
И в дикой музыке отчаянных рыданий
Я слышу дьявольский неумолимый смех.

VII

ЧАСЫ

Отчего в протяжном бое
Убегающих часов
Слышно что-то роковое,
Точно хоры голосов?

Оттого, что с каждым мигом
Ближе к сердцу горький час.
Верь заветным древним книгам:
Страшный Суд грядет на нас.

Бойся тайных злодеяний,
В тайну жертвы вовлекись.
Нет вины без воздаяний.
Время зыбко. Берегись!

Бойся грозных мук, растущих
Из обманчивых утех.

Бойся мертвых, молча ждущих,
Чтоб раскрыть твой тайный грех.

Нет малейшего мгновенья,
Не записанного там.
Нет пощады, нет забвенья
Улетающим мечам.

Бойся выйти из влиянья
Полной света полосы.
Слышишь голос предвещанья?
Бойся! Это бьют часы.

VIII
МАЯТНИК

Равнодушно я считаю
Безучастное тик-так.
Наслаждаюсь и страдаю,
Вижу свет и вижу мрак.

Я сегодня полновластен,
Я из племени богов.
Завтра, темный, я несчастен,
Близь Стигийских берегов.

И откуда я закинут
К этим низостям земли?
Все равно. Огни остынут.
Я как все умру в пыли.

И откуда так упорно
Манит зов на высоту?
Все равно. Мечта узорна.
Я могу соткать мечту.

Роковое покрывало
Над Изидой вековой,

Все, от самого начала,
Дышит сказкою живой.

Вправо — духи, влево — тени,
Все сплетается в одно.
Ты восходишь на ступени,
Ты нисходишь, — все равно.

Только знай, что влево больно,
Влево — больно, вправо — нет.
Сердце бьется своевольно,
А в уме холодный свет.

Кто что любит, то и встретит:
Насладись и умирай.
Эхо быстрое ответит:
Отрекись и вниди в Рай.

Кто что любит, то в примет:
Хочешь это? Хочешь то?
Но свободы не отнимет
У стремления никто.

Духи, вправо, тени, влево!
Мерный маятник поет.
Все живет в волнах напева,
Всем созвучьям свой черед.

IX
ПАМЯТЬ

Память, это луч небесный
Тем, кто может вспомнить счастье,
Тем, кто может слить начало
С ожидавшимся концом,
В жизни может быть и тесной,
Но исполненной участья,
Где любовь Судьбу встречала
С вечно-радостным лицом.

Память, это совесть темных,
Память, это бич небесный,
Память, это окрик судный
Для неверивших в Судьбу,
Лик Владельца дней заемных,
Вид улик в игре бесчестной,
Сон заснувших в сказке чудной
И проснувшихся — в гробу.

X
УБИЙЦА ГЛЕБА И БОРИСА

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Пушкин

Едва Владимир отошел,
Беды великие стряслися.
Обманно захватил престол
Убийца Глеба и Бориса.

Он их зарезал, жадный волк,
Услал блуждать в краях загробных,
Богопротивный Святополк,
Какому в мире нет подобных.

Но, этим дух не напитав,
Не кончил он деяний адских,
И князь древлянский Святослав
Был умерщвлен близ гор Карпатских.

Свершил он много черных дел,
Не снисходя и не прощая.
И звон над Киевом гудел,
О славе зверя возвещая.

Его ничей не тронул стон,
И крулю Польши, Болеславу,

Сестру родную отдал он
На посрамленье и забаву.

Но Бог с высот своих глядел,
В своем вниманьи не скудея.
И беспощаден был удел
Бесчеловечного злодея.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенеги.
Его как мертвого несли,
Он позабыл свои набеги.

Не мог держаться на коне,
И всюду чуял шум погони.
За ним в полночной тишине
Неслись разгневанные кони.

Пред ним в полночной тишине
Вставали тени позабытых.
Он с криком вскакивал во сне,
И дальше, дальше от убитых.

Но от убитых не уйти,
Они врага везде нагонят,
Они как тени на пути,
Ничьи их силы не схоронят.

И тщетно мчался он от них,
Тоской терзался несказанной.
И умер он в степях чужих,
Оставив кличку: Окаянный.

XI
ТЕРЦИНЫ

Когда художник пережил мечту,
В его душе слагаются картины,
И за чертой он создает черту,

Исчерпав жизнь свою до половины,
Поэт, скорбя о том, чего уж нет,
Невольно пишет стройные терцины.

В них чувствуешь непогасимый свет
Страстей перекипевших и отживших,
В них слышен ровный шаг прошедших лет.

Виденья дней, как будто бы не бывших,
Встают, как сказка, в зеркале мечты,
И слышен гул приливов отступивших.

А в небесах, в провалах пустоты,
Светло горят закатным блеском тучи,
Светлее, чем осенние листы.

Сознаньем смерти глянувшей могуче,
Звучат напевы пышных панихид,
Величественны, скорбны, и певучи.

Все образы, что память нам хранить,
В одежде холодеющих весталок,
Идут, идут, спокойные на вид.

Но, Боже мой, как тот безумно-жалок,
Кто не узнает прежний аромат
В забытой связке выцветших фиалок.

Последний стон. Дороги нет назад.
Кругом, везде, густеют властно тени,
Но тучи торжествующе горят.

Горят огнем переддремотной лени,
И, завладев всем царством высоты,
Роняют свет на дольния ступени.

Я вас люблю, предсмертные цветы!

XII
ОТ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА

От полюса до полюса я Землю обошел,
Я плыл путями водными, и счастья не нашел.

Я шел один пустынями, я шел во тьме лесов,
И всюду слышал возгласы мятежных голосов.

И думал я, и проклял я бездушие морей,
И к людям шел, и прочь от них в простор бежал
скорей.

Где люди, там поруганы виденья высших грез,
Там тление, скрипение назойливых колес.

О, где ж они, далекие невинности года,
Когда светила сказочно вечерняя звезда?

Ослепли взоры жадные, одно горит светло:
От полюса до полюса — в лохмотьях счастья Зло.

XIII
СЛЕПЕЦ

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Сам себя слепым я сделал, как Эдип,
Мудрым будучи, от мудрости погиб.

Я смотрел на Землю, полную цветов,
И в Земле увидел сонмы мертвецов.

Я смотрел на белый Месяц без конца,
Выпил кровь он, кровь из бледного лица.

Я на Солнце глянул, Солнце разгадал,
День казаться мне прекрасным перестал.

И увидев тайный облик всех вещей,
Страх я принял в глубину своих очей.

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Может Рок и вас застигнуть слепотой,
Пожалейте соблазненного мечтой.

XIV

* * *

Прекрасно быть безумным, ужасно сумасшедшим,
Одно — в Раю быть светлом, другое — в Ад нисшедшим.

О, грозное возмездье минутных заблуждений:
Быть в царстве темных духов, кричащих привидений.

Отверженные лики чудовищных созданий
Страшней, чем то, что страшно, страшнее всех страданий.

Сознание, что Время упало и не встанет,
Сжимает мертвой петлей, и ранит сердце, ранит.

И нет конца мученьям, и все кругом отвратно.
О, ужас приговора: «Навеки! Безвозвратно!»

XV
ОДИНОКОМУ

1

Ты благородней и выше других
Вечною силой стремленья.

Ты непропетый, несозданный стих,
Сдавленный крик оскорбленья.

Ты непостижность высокой мечты,
Связанной с тесною долей.
Жажда уйти от своей слепоты,
Жажда расстаться с неволей.

Ты проникаешь сознаньем туда,
Где прекращаются реки.
Другом не будешь ты мне никогда,
Братом ты будешь навеки.

2

Когда я думаю, любил ли кто кого,
Я сердцем каждый раз тебя припоминаю,
И вот, я знаю,
Что от твоей любви — в твоей душе — мертво.

Мертво, как в небесах, где те же день и ночь
Проходят правильно от века и доныне,
И как в пустыне,
Где та же мысль стоит и не уходит прочь.

И вдруг я вздрогну весь — о странный меж людей! —
И я тебя люблю, хоть мы с тобой далеки,
И эти строки
Есть клятва, что и я — не только раб страстей.

3

Я полюбил индейцев потому,
Что в их словах — бесчисленные зданья,
Они растут из яркого страданья,
Пронзая глубь веков, меняя тьму.

И эллинов, и парсов я пойму.
В одних — самовлюбленное сознанье,

В других — великий праздник упованья,
Что будет миг спокойствия всему.

Люблю в мечте — изменчивость убранства,
Мне нравятся толпы магометан,
Оргийность первых пыток христиан,
Все сложные узоры христианства.
Люблю волну . . . .
. . . .

4

Зачем волна встает в безбрежном море,
Она сама не знает никогда.
Но в ней и свет, и мрак, и нет, и да,
Она должна возникнуть на просторе.

В своем минутном пенистом уборе,
Уж новых волн стремится череда.
Бездонна переменная вода,
И все должно в согласьи быть, и в споре.

И потому вознесшийся утес,
Храня следы морских бесплодных слез,
Мне застит вид и кажется ненужным.

Я жду свершенья счастья моего.
Я жду, чтоб волны моря, бегом дружным,
Разрушили со смехом и его.

5

О, Христос! О, рыбак! О, ловец
    Человеческих темных сердец!
Ты стоишь над глубокой рекой,
    И в воде ты встаешь — как другой!

Широка та река, глубока,
    Потонули в ней годы, века.

Потонули в реке и мечты
Тех, что были сильнее, чем ты.

О, Христос! О, безумный ловец
Неожиданно темных сердец!
Ты не знал, над какою рекой
Ты стоял, чтоб восстать, как другой!

XVI
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Когда тебя зовет Судьба,
Не думая иди,
С немой покорностью раба,
Не зная, что там впереди.
Иди, и ставши сам собой,
В тот вечно-страшный час, когда
Ты будешь скованным Судьбой,
Ты волен навсегда.

Мы все вращаемся во мгле
По замкнутым кругам,
Мы жаждем неба на земле,
И льнем как воды к берегам.
Но ты проникаешь в Океан,
Сверхчеловек среди людей,
Когда навек поймешь обман
Влечений и страстей.

Мы все живем, мы все хотим,
И все волнует нас,
Но Солнцем вечно-молодым
Исполнен только высший час.
Тот час, когда, отбросив прочь
Отцовский выцветшей наряд,
Мы вдруг порвем земную ночь,
И вдруг зажжем свой взгляд.

XVII
ДЕМОНЫ

Нужно презирать демонов,
как презирают палачей.

Мальбранш

Вас презирать, о, демоны мои?
Вы предо мной встаете в забытьи,
И в сумраке, мой странный сон лелея,
Вещаете душе о царстве Змея.

И вижу я, как ходят палачи.
Таинственно кровавятся лучи
Какого-то внемирного светила,
И то, что есть, встает над тем, что было.

И слышу я: «Он много в мир вложил,
«От века Богу брат, Сатанаил.
И в Вечности качаются две чаши
Одних весов: они — его и наши».

И зов звучит: «Да снидет в землю вновь
Рожденная для красной сказки кровь.
В земле земное вспыхнет в новой краске,
Вокруг конца горят слова-завязки».

Я слышу вас, о, демоны мои,
Мечтатели о лучшем бытии,
Блюстители гармонии надзвездной,
Удвоенной мучительною бездной.

XVIII

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внешним и жестоким, быть нежным без конца,
И всех манить волненьем красивого лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы все стремимся к Богу, мы тянемся к Нему,
Но Бог всегда уходит, всегда к Себе маня,
И хочет тьмы — за светом, в после ночи — дня.

Всегда разнообразных, Он хочет новых снов,
Хотя бы безобразных, мучительных миров,
Но только полных жизни, бросающих свой крик,
И гаснущих покорно, создавши новый миг.

И маятник всемерный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И Бог всегда уходит. И мы должны идти.

XIX
ИСКАТЕЛИ

Они стучали в дверь поочередно.
Стучали долго. Ночь была темна.
С небесной выси тускло и бесплодно
Глядела вниз всегдашняя Луна.

Молчало время. Ночь не проходила.
На всем была недвижности печать.
И вот рука подъятая застыла,
Уставши в дверь безмолвную стучать.

Бесчувственное каменное зданье
Бросало тень с огромной вышины.
Незримые, но верные страданья
Носились в царстве мертвой тишины.

И все темней, все глуше, холоднее
Казалась дверь, закрытая навек.
И дрогнули два странника, — бледнея,
Как дым над гладью спящих ночью рек.

И время усмехнулось их бессилью.
И двинулось. Прошли года. Века.
Их внешней вид давно кружится пылью.
Но светит их бессмертная тоска!

XX
ПРЕД ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ

Как же должны быть наивно-надменны
Эти плененные верой своей!
Помнишь, они говорят: «Неизменны
Наши пути за пределами дней!»

Помнишь, они говорят: «До свиданья,
Брат во Христе! До свиданья — в Раю!»
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущего темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокие горы,
Низко над ними висят небеса,
Чистеньких рощиц мелькают узоры,
Это, конечно, не наши леса.

Видишь тот край, где отсутствуют грозы?
Здесь пребывает святой Иероним,
Льва исцелил он от острой занозы,
Сделал служителем верным своим.

Львы к ним являлись просить врачеванья!
Брат мой, как я, истомленный во мгле,
Где же достать нам с тобой упованья
На измененной Земле?

XXI
ФРА АНДЖЕЛИКО

Если б эта детская душа
    Нашим грешным миром овладела,
    Мы совсем утратили бы тело,

Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый Бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами,
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с Судьбой,
Чуждые навек заботам хмурным,
Были бы мы озером лазурным,
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом в безбурном.

XXII
РИБЕЙРА

Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.
Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятия основ.

Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в любви.

Ты выразил ужас неволи,
И бросил в беззвездный предел
Кошмары, исполненных боли,
Тобою разорванных тел.

Сказав нам, что ужасы пыток
В созданьях мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.

И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил в Красоте,
Ты брат своего Прометея,
Который всегда в темноте.

XXIII
ВЕЛАСКЕС

Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевшей таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безмолвствует Солнце, всегда молодое!
С каким униженьем, и с болью, и в страхе,
Тобою — бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряхи
В величьи рабочей своей красоты!

И этот Распятый, над всеми Христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!
И эти инфанты, с Филиппом Четвертым,
Так чувственно-ярким поэтом-царем,
Во всем этом блеске, для нас распростертом,
Мы пыль золотую, как пчелы, берем!

Мы черпаем силу для наших созданий
В живом роднике, не иссякшем доныне,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.
Мы так и не знаем, какою же властью
Ты был — и оазис, и вместе мираж, —
Судьбой ли, мечтой ли, умом, или страстью,
Ты вечно — прошедший, грядущий, и наш!

XXIV
СКОРБЬ АГУРАМАЗДЫ

Мотив из Зенд-Авесты

Я царственный создатель многих стран,
Я светлый бог миров, Агурамазда.

Зачем же лик мой тьмою повторен,
И Анграмайни встал противовесом?
Я создал земли, полные расцвета,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
Родил змею в воде, и в землях зиму.
И десять зим в году, и два лишь лета,
И холодеют воды и деревья,
И худший бич, зима, лежит на всем.
Я создал Сугдху, мирные равнины,
Но Анграмайни создал саранчу,
И смерть пришла на хлеб и на животных.
И я, Агурамазда, создал Маргу,
Чтоб в ней царили дни труда и счастья,
Но Анграмайни создал зло и грех.
И создал я Нисайю, что за Бахдги,
Чтоб не было в людских сердцах сомненья,
Но Анграмайни веру умертвил.
Я создал Урву, пышность тучных пастбищ,
Но Анграмайни гордость людям дал.
Я создал красоту Гараваити,
Но Анграмайни выстроил гроба.
И создал я оплот, святую Кахру,
Но Анграмайни трупы есть велел,
И люди стали есть убитых ими.
И я, Агурамазда, создал много
Других прекрасных стран, Гаэтуманту,
Варэну, и Рангха, и Семиречье,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
На все набросил зиму, зиму, зиму.
И много стран глубоких и прекрасных,
Томясь без света, ждут моих лучей,
И я, Агурамазда, создал солнце,
Но Анграмайни, темный, создал ночь.

XXV
ВЕЛИКОЕ НИЧТО

1

Моя душа — глухой всебожный храм,
Там дышут тени, смутно нарастая.

Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.
Дракон, владыка солнца и весны,
Единорог, эмблема совершенства,
И феникс, образ царственной жены,
Слиянье власти, блеска, и блаженства.
Люблю однообразную мечту
В созданиях художников Китая,
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что искрится не тая.
Симметрия — их основной закон,
Они рисуют даль как восхожденье,
И сладко мне, что страшный их дракон
Не адский дух, а символ наслажденья.
А дивная утонченность тонов,
Дробящихся в различии согласном,
Проникновенье в таинство основ,
Лазурь в лазури, красное на красном!
А равнодушье к образу людей,
Пристрастье к разновидностям звериным,
Сплетенье в строгий узел всех страстей,
Огонь ума, скользящий по картинам!
Но более, чем это все, у них,
Люблю пробел лирического зноя.
Люблю постичь, сквозь легкий нежный стих,
Безбрежное отчаянье покоя.

2

К старинным манускриптам, в поздний час,
Почувствовав обычное призванье,
Я рылся между свитков, и как раз
Чванг-Санга прочитал повествованье.
Там смутный кто-то, я не знаю кто,
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно Великое Ничто,
В нем я и ты — мелькаем на мгновенье.
Проходит Ночь, и в роще дышит свет,
Две птички, тесно сжавшись, спали рядом,
Но с блеском Дня той дружбы больше нет,

И каждая летит к своим усладам.
За тьмою — жизнь, за холодом — апрель,
И снова темный холод ожиданья.
Я разобью певучую свирель,
Иду на Запад, умерли мечтанья.
Бесчувственно Великое Ничто,
Земля и Небо — свод немого храма.
Я тихо сплю — я тот же и никто,
Моя душа — воздушность фимиама».

XXVI
НАМЕК

Сгибаясь, качаясь, исполнен немой осторожности,
В подводной прохладе, утонченный ждущий намек,
Вздымается стебель, таящий блаженство возможности,
Хранящий способность раскрыться, как белый цветок.

И так же, как стебель зеленый блистательной лилии,
Меняясь в холодном забвеньи, легенды веков, —
В моих песнопеньях, — уставши тянуться в бессилии, —
Раскрылись, как чаши свободно-живущих цветков.

XXVII
ТРИ ЛЕГЕНДЫ

Есть лишь три легенды сказочных веков.
Смысл их вечно-старый, точно утро нов.

И одна легенда, блеск лучей дробя,
Говорит: «О, смертный! Полюби себя».

И другая, в свете страсти без страстей,
Говорит: «О, смертный! Полюби людей».

И вещает третья, нежно, точно вздох:
«Полюби бессмертье. Вечен только Бог».

Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О, скорей, скорее! Торопись в пути.

В храме снов бессмертных дышит нежный свет,
Есть всему разгадка, есть на все ответ.

Не забудь же сердцем, и сдержи свой вздох:
Ярко только Солнце, вечен только Бог!

XXVIII

* * *

Верьте мне, обманутые люди,
Я, как вы, ходил по всем путям.
Наша жизнь есть чудо в вечном Чуде,
Наша жизнь — и здесь, и вечно там.

Я знаком с безмерностью страданий,
Я узнал, где правда, где обман.
Яркий ужас наших испытаний
Нам не для насмешки плоской дан.

Верьте мне, неверящие братья,
Вы меня поймете через день.
Нашей вольной жизни нет проклятья,
Мы избрали сами светотень.

Мы избрали Зло как путь познанья,
И законом сделали борьбу.
Уходя в тяжелое изгнанье,
Мы живем, чтоб кончить жизнь в гробу.

Но, когда с застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спим,
Он, Незримый, дышит рядом с нами,
И, молясь, беседуем мы с Ним.

И душе таинственно понятно,
В этот миг беседы роковой,

Что в пути, пройденном безвозвратно,
Рок ее был выбран ей самой.

Но, стремясь, греша, страдая, плача,
Дух наш вольный был всегда храним.
Жизнь была решенная задача,
Смерть пришла как радость встречи с Ним.

ХУДОЖНИК-ДЬЯВОЛ

Валерию Брюсову

I
БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИК

Меж древних гор жил сказочный старик,
Безумием объятый необычным.
Он был богач, поэт — и часовщик.

Он был богат во многом и в различном,
Владел землей, морями, сонмом гор,
Ветрами, даже небом безграничным.

Он был поэт, и сочетал в узор
Незримые безгласные созданья,
В чьих обликах был красноречьем — взор.

Шли годы вне разлада, вне страданья,
Он был бы лишь поэтом навсегда,
Но возымел безумное мечтанье.

Слова он разделил на нет и да,
Он бросил чувства в область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтоб вернее было их значенье,
Чтобы означить след их полосы,
Их двойственность, их смену, и теченье, —

Поэт безумный выдумал часы,
Их дикий строй снабдил он голосами:
Одни из них пленительной красы, —

Поют, звенят; другие воют псами;
Смеются; говорят; кричат, скорбя.
Так весь свой дом увесил он часами.

И вечность звуком времени дробя,
Часы идут путем круговращенья,
Не уставая повторять себя,

Но сам создав их голос как внушенье,
Безумный часовщик с теченьем лет
Стал чувствовать к их речи отвращенье.

В его дворце молчанья больше нет,
Часы кричат, хохочут, шепчут смутно,
И на мечту, звеня, кладут запрет.

Их стрелки, уходя ежеминутно,
Меняют свет на тень, и день на ночь,
И все клянут, и все клянут попутно.

Не в силах отвращенья превозмочь,
Безумный часовщик, в припадке гнева,
Решил прогнать созвучья эти прочь, —

Лишить часы их дикого напева:
И вот, раскрыв их внутренний состав,
Он вертит цепь направо и налево.

Но строй ли изменился в них и сплав,
Иль с ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкий нрав, —

И подняли такое завыванье,
И начали так яростно звенеть,
Что часовщик забыл негодованье, —

И слыша проклинающую медь,
Как трупами испуганный анатом,
От ужаса лишь мог закаменеть.

А между тем часы, гудя набатом,
Все громче хаос воплей громоздят,
И каждый звук — неустранимый атом.

Им вторят горы, море, пленный ад,
И ветры, напоенные проклятьем,
В пространствах снов кружат, кружат, кружат.

Рожденные чудовищным зачатьем,
Меж древних гор мятутся нет и да,
Враждебные, слились одним объятьем, —

И больше не умолкнут никогда.

II
ХУДОЖНИК

Я не был никогда такой, как все.
Я в самом детстве был уже бродяга,
Не мог застыть на узкой полосе.

Красив лишь тот, в ком дерзкая отвага,
И кто умен, хотя бы ум его —
Ум Ричарда, Мефисто, или Яго.

Все в этом мире тускло и мертво,
Но ярко себялюбье без зазренья:
Не видеть за собою — никого!

Я силен жестким холодом презренья,
В пылу страстей я правлю их игрой,
Под веденьем ума — все поле зренья.

Людишки — мошки, славный пестрый рой,
Лови себе светлянок для забавы,
На лад себя возвышенный настрой.

Люби любовь, лазурь, цветы, и травы,
А если истощишь восторг до дна,
Есть хохот с верным действием отравы.

Лети-ка прочь, ты в мире не одна,
Противна мне банальность повторений,
Моя душа для жажды создана.

Не для меня законы, раз я гений.
Тебя я видел, так на что мне ты?
Для творчества мне нужно впечатлений.

Я знаю только прихоти мечты,
Я все предам для счастья созиданья
Роскошных измышлений красоты.

Мне нравится, что в мире есть страданья,
Я их сплетаю в сказочный узор,
Влагаю в сны чужие трепетанья.

Обманы, сумасшествие, позор,
Безумный ужас — все мне видеть сладко,
Я в пышный смерч свиваю пыльный сор.

Смеюсь над детски-женским словом — гадко,
Во мне живет злорадство паука,
В моих глазах — жестокая загадка.

О, мудрость мирозданья глубока,
Прекрасен вид лучистой паутины,
И даже муха в ней светло-звонка.

Белейшие цветы растут из тины,
Червонней всех цветов на плахе кровь,
И смерть — сюжет прекрасный для картины.

Приди — умри — во мне воскреснешь вновь!

III
ДЫМЫ

В моем сознаньи — дымы дней сожженных,
Остывший чад страстей и слепоты.
Я посещал дома умалишенных, —

Мне близки их безумные мечты,
Я знаю облик наших заблуждений,
Достигнувших трагической черты.

Как цепкие побеги тех растений,
Что люди чужеядными зовут,
Я льнул к умам, исполненным видений.

Вкруг слабых я свивался в жесткий жгут,
Вкруг сильных вился с гибкостью змеиной,
Чтоб тайну их на свой повергнуть суд.

От змея не укрылся ни единый,
Я понял все, легко коснулся всех,
И мир возник законченной картиной.

Невинность, ярость, детство, смертный грех,
В немой мольбе ломаемые руки,
Протяжный стон, и чей-то тихий смех, —

Простор степей с кошмаром желтой скуки,
Оборыши отверженных племен.
Все внешние и внутренние муки, —

Весь дикий пляс под музыку времен,
Все радости — лишь ткани и узоры,
Чтоб скрыть один непреходящий сон.

На высшие я поднимался горы,
В глубокие спускался рудники,
Со мной дружили гении в воры.

Но я не исцелился от тоски,
Поняв, что неизбежно равноценны
И нивы, и бесплодные пески.

Куда ни кинься, мы повсюду пленны,
Все взвешено на сумрачных весах,
Творцы себя, мы вечны и мгновенны.

Мы звери — и зверьми внушенный страх,
Мы блески — и гасители пожара,
Мы факелы — и ветер мы впотьмах.

Но в нас всего сильней ночная чара:
Мы хвалим свет заката, и затем
Двенадцатого с башен ждем удара.

Создавши сонмы солнечных систем,
Мы смертью населили их планеты,
И сладко нам, что мрак-утайщик нем.

Во тьме полночной слиты все предметы.
Скорей на шабаш, к бешенству страстей.
Мы дьявольским сиянием одеты.

Мешок игральных шулерских костей,
Исполненные скрытого злорадства,
Колдуньи, с кликой демонов-людей,

Спешат найти убогое богатство
Бесплодных ласк, запретную мечту
Обедни черной, полной святотатства.

И звезды мира гаснут налету,
И тень весов качается незримо
На мировом таинственном посту.

Все взвешено и все неотвратимо.
Добро и зло — два лика тех же дум.
Виденье мира тонет в море дыма.

Во мгле пустынь свирепствует самум.

IV
СНЫ

Мне снятся поразительные сны.
Они всегда с действительностью слиты,
Как в тающем аккорде две струны.

Те мысли, что давно душой забыты,
Как существа, встают передо мной,
И окна снов гирляндой их обвиты.

Они растут живою пеленой,
Чудовищно и страшно шевелятся,
Глядят — и вдруг их смоет, как волной.

Мгновенье мглы, и тени вновь теснятся.
Я в странном замке. Всюду тишина.
За дверью ждут, но дверь открыть боятся.

Не знаю, кто. Но знаю: тишь страшна.
И кто-то может каждый миг возникнуть,
Вот, белый, встал, глядит из-за окна.

И я хочу позвать кого-то, крикнуть,
Но все напрасно: голос мой погас.
Постой, я должен к ужасам привыкнуть.

Ведь он встает уже не первый раз.
Взглянул. Ушел. Какое облегченье!
Но лучше в сад пойти. Который час?

На циферблате умерли мгновенья!
Недвижно все. Замкнута глухо дверь.
Я в царстве леденящего забвенья.

Нет «после», есть лишь мертвое «теперь».
Не знаю, как, но времени не стало.
И ночь молчит, как страшный черный зверь.

Вдруг потолок таинственного зала
Стал медленно вздыматься в высоту,
И принял вид небесного провала.

Все выше. Вот заходит за черту
Тех вышних звезд, где Рай порой мне снится,
Превысил их, и превзошел мечту.

Но нужно же ему остановиться!
И вот с верховной точки потолка
Какой-то блеск подвижный стал светиться: —

Два яркие в злые огонька.
И, дрогнув на воздушной тонкой нити,
Спускаться стало — тело паука.

Раздался чей-то резкий крик: «Глядите!»
И кто-то вторил в гуле голосов:
«Я говорил вам — зверя не будите».

Вдруг изо всех, залитых мглой, углов,
Как рой мышей, как змеи, смутно встали
Бесчисленные скопища голов.

А между тем с высот, из бледной дали,
Спускается чудовищный паук,
И взгляд его — как холод мертвой стали.

Куда бежать! Видений замкнут круг.
Мучительные лица вверху вздернув,
Они не разнимают сжатых рук.

И вдруг, — как шулер, карты передернув,
Сразит врага, — паук, скользнувши вниз,
Внезапно превратился в тяжкий жернов.

И мельничные брызги поднялись.
Все люди, сколько их ни есть на свете,
В водоворот чудовищный сплелись.

И точно эту влагу били плети,
Так много было бешенства кругом, —
Росли и рвались вновь узлы и сети.

Невидимым гонимы рычагом,
Стремительно неслись в водовороте
За другом друг, враждебный за врагом.

Как будто бы по собственной охоте,
Вкруг страшного носились колеса,
В загробно-бледной лунной позолоте.

Мятется белой пены полоса,
Утопленники тонут, пропадают,
А там, на дне — подводные леса.

Встают как тьма, безмолвно вырастают,
Оплоты, как гиганты, громоздят,
И ветви змеевидные сплетают.

Вверху, внизу, куда ни кинешь взгляд,
Густеют глыбы зелени ползущей,
Растут, и угрожающе молчат.

Меняются. Так вот он, мир грядущий,
Так это-то в себе скрывала тьма!
Безмерный город, грозный и гнетущий.

Неведомые высятся дома,
Уродливо тесна их вереница,
В них пляски, ужас, хохот, и чума.

Безглазые из окон смотрят лица,
Чудовища глядят с покатых крыш,
Безумный город, мертвая столица.

И вдруг, порвав мучительную тишь,
Я просыпаюсь, полный содроганий, —
И вижу убегающую мышь —

Последний призрак демонских влияний!

V
КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Я в кукольном театре. Предо мной,
Как тени от качающихся веток,
Исполненные прелестью двойной,

Меняются толпы марионеток.
Их каждый взгляд рассчитанно-правдив,
Их каждый шаг правдоподобно-меток.

Чувствительность проворством заменив,
Они полны немого обаянья,
Их modus operandi прозорлив.

Понявши все изящество молчанья,
Они играют в жизнь, в мечту, в любовь,
Без воплей, без стихов, и без вещанья,

Убитые, встают немедля вновь,
Так веселы и вместе с тем бездушны,
За родину не проливают кровь.

Художественным замыслам послушны,
Осуществляют формулы страстей,
К добру и злу, как боги, равнодушны.

Перед толпой зевающих людей,
Исполненных звериного веселья,
Смеется в каждой кукле чародей.

Любовь людей — отравленное зелье,
Стремленья их — верченье колеса,
Их мудрость — тошнотворное похмелье.

Их мнения — лай рассерженного пса,
Заразная их дружба истерична,
Узка земля их, низки небеса.

А здесь — как все удобно и прилично,
Какая в смене смыслов быстрота,
Как жизнь и смерть мелькают гармонично!

Но что всего важнее, как черта,
Достойная быть правилом навеки,
Вся цель их действий — только красота.

Свободные от тягостной опеки
Того, чему мы все подчинены,
Безмолвные они «сверхчеловеки».

В волшебном царстве мертвой тишины
Один лишь голос высшего решенья
Бесстрастно истолковывает сны.

Все зримое — игра воображенья,
Различность многогранности одной,
В несчетный раз — повторность отраженья.

Смущенное жестокой тишиной,
Которой нет начала, нет предела,
Сознанье сны роняет пеленой.

Обман души, прикрытый тканью тела,
Картинный переменчивый туман,
Свободный жить — до грани передела.

Святой Антоний, Гамлет, Дон-Жуан,
Макбет, Ромео, Фауст — привиденья,
Которым всем удел единый дан: —

Путями страсти, мысли, заблужденья,
Изображать бесчисленность идей,
Калейдоскоп цветистого хотенья.

Святой, мудрец, безумец, и злодей,
Равно должны играть в пределах клетки,
И представлять животных и людей.

Для кукол — куклы, все — марионетки,
Театр в театре, сложный сон во сне,
Мы с Дьяволом и Роком — однолетки.

И что же? Он, глядящий в тишине,
На то, что создал он в усладу зренья,
Он счастлив? Он блаженствует вполне?

Он полон блеска, смеха, и презренья?

VI
НАВАЖДЕНИЕ

Когда я спал, ко мне явился Дьявол,
И говорит: «Я сделал все, что мог:
Искателем в морях безвестных плавал, —

«Как пилигрим, в пустынях мял песок,
Ходил по тюрьмам, избам, и больницам,
Все выполнил — и мой окончен срок».

И мыслям как поющим внемля птицам,
Я вопросил: «Ну, что же? Отыскал?»
Но был он как-то странно бледнолицым.

Из двух, друг в друга смотрящих, зеркал
Глядели тени комнаты застывшей,
Круг Месяца в окно из них сверкал.

И Дьявол, бледный облик свой склонивши,
Стоял как некий бог, и зеркала
Тот лик зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовал, что мгла кругом жила,
Во мне конец с началом были слиты,
И ночь была волнующе светла.

Вокруг окна, волшебно перевиты,
Качались виноградные листы,
Под Месяцем как будто кем забыты.

Предавшись чарам этой красоты,
Какой-то мир увидел я впервые,
И говорю: «Ну, что же? Я и ты —

«Все ты, да я, да ты: полуживые,
Мы тянемся, мы думаем, мы ждем.
Куда ж влекут нас цели роковые?»

И он сказал: «Назначенным путем,
Я проходил по царственным озерам,
Смотрел, как травы стынут подо льдом.

«Я шел болотом, лугом, полем, бором,
Бросался диким коршуном со скал,
Вникал во все меняющимся взором».

И я спросил «Ну, что же? Отыскал?»
Но был он неизменно бледнолицым,
И дрогнул лик его меж двух зеркал.

Зарницы так ответствуют зарницам.
«Что ж дальше?» И ответил Дьявол мне:
«Я путь направил к сказочным столицам.

Там бледны все, там молятся Луне.
На всех телах там пышные одежды.
Кругом — вода. Волна поет волне.

Меж снов припоминаний и надежды,
Алеют и целуются уста,
Сжимаются от сладострастья вежды.

От века и до века — красота,
Волшебницы подобные тигрицам,
Там ласки, мысли, звуки, и цвета».

И предан снам, их стройным вереницам,
Воскликнул я: «Ну, что же, отыскал?»
Но Дьявол оставался бледнолицым!

Из двух, друг в друга смотрящих, зеркал
Глядели сонмы призраков сплетенных,
Как бы внезапно стихнувший кагал.

Все тот же образ, полный дум бессонных,
Дробился там, в зеркальности, на дне,
Меняясь в сочетаньях повторенных.

Сомнамбулы тянулись к вышине,
И каждый дух похож был на другого,
Все вместе стыла в лунном полусне.

И к Дьяволу я обратился снова,
В четвертый раз, и даже до семи:
«Что ж, отыскал?» Но он молчал сурово.

Умея обращаться со зверьми,
Я поманил царя мечты бессонной:
«Ты хочешь душу взять мою? Возьми».

Но он стоял как некий бог, склоненный,
И явственно увидел я, что он,
Весь белый, весь луною озаренный —

Был снизу черной тенью повторен.
Увидев этот ужас раздвоений,
Я простонал: «Уйди, хамелеон!

Уйди, бродяга, полный изменений,
Ты, между всех горящий блеском сил,
Бессильный от твоей сокрыться тени!»

И страх меня смертельный пробудил.

VII
ХИМЕРЫ

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокие химеры.
Они умно уселись по местам.

В беспутстве соблюдая чувство меры,
И гнустность доведя до красоты,
Они могли бы нам являть примеры.

Лазурный фон небесной пустоты
Обогащен красою их несходства,
Господством в каждой — собственной черты.

Святых легко смешаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность в нем видна,
В нем явное пороков превосходство.

Но общность между ними есть одна:
Как крючья вопросительного знака,
У всех химер изогнута спина.

Скептически произрастенья мрака,
Шпионски-выжидательны они,
Как мародеры возле бивуака.

Не получив ответа искони,
И чуждые голубоглазья веры,
Сидят архитектурные слепни, —

Односторонне-зрячие химеры,
Задумались над крышами домов,
Как на море уродливые шхеры.

Вкруг Церкви, этой высшей из основ,
Враждебным станом выстроились зданья,
Берлоги тьмы, уют распутных снов, —

И Церковь, осудивши те мечтанья
Сердец, обросших грубой тканью мха,
Развратный хаос в мире созиданья, —

Где дышит ядом каждая кроха, —
Воздвигла слепок мерзости звериной,
Зеркальный лик поклонников греха.

Но меж людей, быть может, я единый
В глубокий смысл чудовищ тех проник,
Всегда иное чуя за картиной.

Привет тебе, отшедший мой двойник,
Создатель этих двойственных видений,
Я в стих влагаю твой скульптурный крик.

Привет вам, сонмы страшных заблуждений!
Ты — гений сводни, дух единорог,
Сподручник жадный ведьмовских радений.

Гермафродит, глядящий на порок,
Ты жабу давишь в пытке дум бессонных,
Весь мир ты развратил бы, если б мог.

Концы ушей, продленно-заостренных,
Стоят, как бы заслышавши вдали
Протяжный гул тобою соблазненных.

Колдуний новых жабы привели.
Но ты уж слышишь ропот осужденья,
Для вас костры свирепые зажгли.

И ты, заклятый враг деторожденья,
Колдунья с птицей, демоны-враги,
Препоны для простого наслажденья!

Твое лицо — зловещий лик Яги,
Нагие десна алчны и беззубы,
Твоя рука имеет вид ноги,

Твои черты безжалостные грубы,
Застыли пряди каменных волос,
Не знали поцелуев эти губы, —

Не ведали глаза химеры слез,
И шерстью, точно сорною травою,
Твой хищный стан уродливо оброс.

Как вестник твой, крича, перед тобою
Стервятник омерзительный сидит,
Покрытый вместо перьев чешуею.

В его когтях какой-то зверь хрустит,
Но как ни гнусен вестник твой ужасный,
Ты более чудовищна на вид.

И оба вы судьбе своей подвластны,
Одна мечта на вас наводит лоск,
Единый гений, жесткий и бесстрастный.

Как сжат печатью вдавленною воск,
Так лоб у вас, наклонно убегая,
К убийству дух направил, сжавши мозг.

И ты еще, уродина другая,
Орангутанг и жалкий идиот,
Ты скорчился, в тоске изнемогая.

Убогий демон, выродок, и скот,
Герой мечты безумного Эдгара,
Зачатой в этом мире в черный год.

В тебе инстинкт горел огнем пожара,
И ты двух женщин подло умертвил,
Но в цвете крови странная есть чара.

Тебя нежданный ужас подавил,
И ты бежал на этот Дом Видений,
Беспомощный палач, лишенный сил.

Вы, дьяволы любовных наслаждений,
Как много в вас отверженной мечты.
Один как ангел, с крыльями... О, гений!

Зачем в беспутном пире срамоты,
Для сладости обманчивого часа,
Принизился до мелких тварей ты!

Твое лицо — бесстыдная гримаса,
Ты нагло манишь, высунув язык, —
Усталых ласк приправа и прикраса.

Ты знаешь, как продлить тягучий миг,
Ты, с холеными женскими руками,
Любовь умом обманывать привык.

Другой наглец, с кошачьими зрачками,
Над Городом Безумия склонясь,
Всем обликом хохочет над врагами.

Он гибок, сладострастен, и как раз
В объятье на смерть с хохотом удавит,
Как змей вкруг тела нежного виясь.

Еще другой, всего превыше ставит
Блаженство в щель чужую заглянуть,
Глядит, дрожит, и грязный рот слюнявит.

Еще, с лицом козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены в орбиты,
Сумел он весь в распутстве потонуть.

Вы разны все, и все вы стройно слиты,
Вы все незримой сетью сплетены,
Равно в семье единой имениты.

Но всех прекрасней в свите Сатаны,
Слияние ума и лицемерья,
Волшебный образ некоей жены.

Она венец и вместе с тем преддверье,
Карикатура ей изжитых дум,
Крылатый коршун, выщипавший перья.

Взамену чувств у ней остался ум,
Она ханжа в отшельнической рясе,
Иссохший монастырский толстосум.

Застывши в иронической гримасе,
Она как бы блюдет их всех кругом.
Ирония прилична в свинопасе.

И все они венчают — Божий Дом!

VIII
ШАБАШ

В день четверга, излюбленный у нас,
Затем что это праздник всех могучих,
Мы собрались в предвозвещенный час.

Луна была сокрыта в дымных тучах,
Возросших как леса и города.
Все ждали тайн в ласк блаженно-жгучих.

Мы донеслись по воздуху туда,
На кладбище, к уюту усыпленных,
Где люди днем лишь бродят иногда.

Толпы колдуний, жадных и влюбленных,
Ряды глядящих пристально людей,
Мы были сонмом духов исступленных.

Один, мудрейший в знании страстей,
Был ярче всех лицом своим прекрасным.
Он был наш царь, любовник всех, и Змей.

Там были свечи с пламенем неясным,
Одни с зеленовато-голубым,
Другие с бледно-желтым, третьи с красным.

И все они струили тонкий дым.
Кто подходил и им дышал мгновенье,
Тот становился тотчас молодым.

Там были пляски, игры, превращенья
Людей в животных, и зверей в людей,
Соединенных в счастии внушенья.

Под блеском тех изменчивых огней,
Напоминавших летнюю зарницу,
Сплетались члены сказочных теней.

Как будто кто вращал их вереницу,
И женщину всегда ласкал козел,
Мужчина обнимал всегда волчицу.

Таков закон, иначе — произвол,
Особый вид волнующей приправы,
Когда стремится к полу чуждый пол.

Но вот в сверканьи свеч седые травы
Качнулись, пошатнулись, возросли,
Как души, сладкой полные отравы.

Неясный месяц выступил вдали
Из дрогнувшего на небе тумана,
И жабы в черных платьях приползли.

Давнишние созданья Аримана,
Они влекли колдуний молодых,
Еще не знавших сладостей дурмана.

Наш круг разъялся, принял их, затих,
И демоны к ним жадные припали,
Перевернув порядок членов их.

И месяц им светил из дымной дали,
И Змей наш устремил на них свой взгляд,
И мы от их блаженства трепетали.

Но вот свершен таинственный обряд,
И все колдуньи, в снах каких-то гневных,
«Давайте мертвых! Мертвых нам!» кричат.

Протяжностью заклятий перепевных,
Составленных из повседневных слов,
Но лишь не в сочетаньях ежедневных, —

Они смутили мирный сон гробов,
И из могил расторгнутых восстали
Гнилые трупы ветхих мертвецов.

Они сперва как будто выжидали,
Потом, качнувшись, быстро шли вперед,
И дьявольским сиянием блистали.

Раскрыв отживший, вдруг оживший, рот,
Как юноши, они к колдуньям льнули,
И всю толпу схватил водоворот.

Все хохоты в одном смешались гуле,
И сладостно казалось нам шептать
О тайнах смерти, в чувственном разгуле.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тело к телу жаться было радо,
В различности искусства обнимать.

Но вот вдали, где кончилась ограда,
Раздался первый возглас петуха,
И мы спешим от гнили и распада, —

В блаженстве соучастия греха.

IX
ПРОБУЖДЕНИЕ ВАМПИРА

Из всех картин, что создал я для мира,
Всего желанней сердцу моему
Картина — «Пробуждение Вампира».

Я, право, сам не знаю, почему.
Заветные ли в ней мои мечтанья?
Двойной ли смысл? Не знаю. Не пойму.

Во мгле полуразрушенного зданья,
Где умерло величье давних дней,
В углу лежит безумное созданье, —

Безумное в жестокости своей,
Бескровный облик с алыми губами,
Единый — из отверженных теней.

Меж демонов, как царь между рабами,
Красивый демон, в лунной полумгле,
Он спит, как спят сокрытые гробами.

И всюду сон и бледность на земле.
Как льдины, облака вверху застыли,
И лунный проблеск замер на скале.

Он спит, как странный сон отжившей были,
Как тот, кто знал всю роскошь красоты,
Как те, что где-то чем-то раньше жили.

Печалью искаженные черты
Изобличают жадность к возбужденьям,
Изношенность душевной пустоты.

Он все ж проснется к новым наслажденьям,
От полночи живет он до зари,
Среди страстей, неистовым виденьем.

Но первый луч есть приговор: «Умри».
И вот растет вторая часть картины.
Вторая часть: их всех, конечно, три.

На небе, как расторгнутые льдины,
Стоит гряда воздушных облаков.
Другое зданье. Пышные гардины.

Полураскрыт гранатовый альков.
Там женщина застыла в страстной муке,
И грудь ее — как белый пух снегов.

Откинуты изогнутые руки,
Как будто милый жмется к ней во сне,
И сладко ей, и страшно ей разлуки.

А тот, кто снится, тут же в стороне,
Он тоже услажден своей любовью,
Но страшен он в глядящей тишине.

К ее груди прильнув, как к изголовью,
Он спит, блаженством страсти утомлен,
И рот его окрашен алой кровью.

Кто более из них двоих влюблен?
Один во сне увидел наслажденье,
Другой украл его — и усыплен.

И оба не предвидят пробужденья.
В лазури чуть бледнеют янтари.
Луна огромна в далях нисхожденья.

Еще не вспыхнул первый луч зари.
Завершена вторая часть картины.
Вампир не знал, что всех их будет три.

На небесах, как тающие льдины,
Бегут толпы разъятых облаков,
У окон бьются нити паутины.

Но окна сперты тяжестью оков,
Бесстыдный день царит в покоях зданья,
И весь горит гранатовый альков.

Охвачена порывом трепетанья,
Та, чья мечта была роскошный пир,
Проснулась для безмерного страданья.

Ее любил, ее ласкал — вампир.
А он, согбенный, с жадными губами,
Какой он новый вдруг увидел мир!

Обманутый пленительными снами,
Он не успел исчезнуть в должный миг,
Чтоб ждать, до срока, тенью меж тенями.

Заснувший дух проснулся как старик.
Отчаяньем захваченный мгновенным,
Не в силах удержать он резкий крик.

Он жить хотел вовеки неизменным,
И вдруг утратил силу прежних чар,
И вдруг себя навек увидел пленным, —
Увидев яркий солнечный пожар!

X
ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ

В одной из стран, где нет ни дня, ни ночи,
Где ночь и день смешались навсегда,
Где миг длинней, во век существ короче.

Там небо — как вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
В стране, где спят немые города.

Там все в своих отдельностях согласно,
Глухие башни дремлют в вышине,
И тени-люди движутся безгласно.

Там все живут и чувствуют во сне,
Стоят, сидят с закрытыми глазами,
Проходят в беспредельной тишине.

Узоры крыш немыми голосами
О чем-то позабытом говорят,
Роса мерцает бледными слезами.

Седые травы блеском их горят,
И темные деревья, холодея,
Раскинулись в неумолимый ряд.

От города до города, желтея,
Идут пути, и стройные стволы
Стоят, как бы простором их владея.

Все сковано в застывшем царстве мглы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Как западни — их темные углы.

В стране, где спят восторги и страданья,
Бывает праздник жертвы раз в году,
Без слов, как здесь вне слова все мечтанья.

Чтоб отвратить жестокую беду,
Чтобы отвергнуть ужас пробужденья,
Чтоб быть, как прежде, в мертвенном чаду.

На ровном поле, где сошлись владенья
Различно-спящих мирных городов,
Растут толпою люди-привиденья.

Они встают безбрежностью голов,
С поникшими, как травы, волосами,
И мысленный как будто слышат зов.

Они глядят — закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду бледных век.
Ждет — избранный немыми голосами.

И вот выходить демон-человек,
Взмахнул над изумленным глыбой стали,
И голову безгласную отсек.

И тени головами закачали.
Семь темных духов к трупу подошли,
И кровь его в кадильницы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся в пыли,
Забывшие о пытке яркой боли,
Виденья сонмы дымных свеч зажгли.

Семь темных духов ходят в темном поле,
Кадильницами черными кропят,
Во имя снов, молчанья, и неволи.

Деревья смотрят, выстроившись в ряд.
На целый год закляты сновиденья,
Вкруг жертвы их — светильники горят.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходят молча люди-привиденья.

В стране, где спят немые города.

XI
ОСУЖДЕННЫЕ

Он каждый день приходить к нам в тюрьму,
В тот час, когда, достигнув до зенита,
Ликует Солнце, предвкушая тьму.

В его глазах вопросов столько слито,
Что, в них взглянув, невольно мы дрожим,
И помним то, что было позабыто.

Он смотрит как печальный серафим,
Он говорит бескровными устами,
И мы как осужденные пред ним.

Он говорит: «Вы были в стройном храме,
Там сонмы ликов пели в светлой мгле,
И в окнах Солнце искрилось над вами.

«Вы были как в спокойном корабле,
Который тихо плыл в стране родимой,
Зачем же изменили вы земле?

«Разрушив храм, в тоске неукротимой,
Меняя направленье корабля,
Вы плыли, плыли к точке еле зримой, —

«Как буравом равнину вод сверля.
Но глубь, сверкнув, росла водоворотом,
И точка не вставала как земля.

«Все к новым бедам, поискам, заботам
Она вела вас беглым огоньком,
И смерть была за каждым поворотом.

«Ваш ум жестоким был для вас врагом.
Он вас завлек в безмерные пустыни,
Где всюду только пропасти кругом.

Вот почему вы прокляты отныне,
Среди высоких плотных этих стен,
С душою, полной мрака и гордыни.

Века веков продлится этот плен.
Припомните, как вы в тюрьму попали,
Искатели великих перемен».

И мы, как раздробленные скрижали,
Свой смысл утратив, бледные, в пыли,
Пред ним скорбим, и нет конца печали.

Он снова речь ведет, — как бы вдали,
Хотя пред нами взор его блестящий,
В котором все созвездья свет зажгли.

Он говорит: «Вы помните, все чаще
Вам скучно становилось между вод,
И смутно от дороги предстоящей.

Но раз попали вы в водоворот,
Вам нужно было все вперед стремиться,
И так свершать круги из года в год.

О, мука — в беспредельности кружиться,
Кончать, чтоб вновь к началу приходить,
Желать, и никогда не насытиться!

Все ж в самой жажде — вам была хоть нить,
Был хоть намек на сладость обладанья,
Любовь была — в желании любить.

Но в повтореньи гаснут все мечтанья,
И как ни жди, но, если тщетно ждешь,
Есть роковой предел для ожиданья.

Искать светил, и видеть только ложь,
Носить в душе роскошный мир созвучий,
И знать, что в яви к ним не подойдешь.

У вас в душе свинцом нависли тучи,
И стал ваш лозунг — Больше Никогда,
И даль закрылась пеною летучей.

Куда ни глянешь — зыбкая вода,
Куда ни ступишь — скрытое теченье,
Вот почему вы мертвы навсегда».

И вспомнив наши прежние мученья,
Мы ждем, чтоб наш казнитель и судья
Дал внешнее для них обозначенье.

Он говорит: «В пустынях бытия
Вы были — ум до времени усталый,
Не до конца лукавая змея.

И демоны вас бросили на скалы,
И ввергли вас в высокую тюрьму,
Где только кровь как мак блистает алый, —

А все другое слито в полутьму,
Где, скукою объяты равнодушной,
Вы молитесь убийству одному.

Молитесь же!» И наш палач воздушный,
Вдруг изменяя свой небесный вид,
Встает как Дьявол, бледный в бездушный, —

Того, другого между вас разит,
Лишь манием руки, лишь острым взглядом,
И алый мак цветет, горит, грозит.

И мы, на миг живые — с трупом рядом,
Дрожим, сознав, что мы осуждены,
За то, что, бросив Рай с безгрешным садом,

Змеиные не полюбили сны.

XII
ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ

Шумящий день умчался к дням отшедшим.
И снова ночь. Который в мире раз?
Не думай — или станешь сумасшедшим.

Я твой опять, я твой, полночный час.
О таинствах мы сговорились оба,
И нет того, кто б мог расторгнуть нас.

Подвластный дух, восстань скорей из гроба,
Раскрыв ресницы, снова их смежи,
Забудь, что нас разъединяла злоба.

Сплетенье страсти, замыслов, и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорей мне праздник чувства покажи.

О, что за боль в минуте ожиданья!
О, что за блеск в расширенных зрачках!
Ко мне! Скорее! Ждут мои мечтанья!

И вот на запредельных берегах
Зажглись влиянья черной благодати,
И ты со мной, мой блеск, мой сон, мой страх.

Ты, incubus таинственных зачатий,
Ты, succubus, меняющий свой лик,
Ты, первый звук в моем глухом набате.

Подай мне краски, верный мой двойник.
Вот так. Зажжем теперь большие свечи.
Побудь со мной. Диктуй свой тайный крик.

Ты наклоняешь девственные плечи.
Что ж написать? Ты говоришь: весну.
Весенний день и радость первой встречи.

Да, любят все. Любили в старину.
Наложим краски зелени победной,
Изобразим расцвет и тишину.

Но зелень трав глядит насмешкой бледной.
В ночных лучах скелетствует весна,
И закисью цветы мерцают медной.

Во все оттенки вторглась желтизна,
Могильной сказкой смотрит сон мгновенья,
Он — бледный труп, и бледный труп — она.

Но не в любви единой откровенье,
Изобразим убийство и мечту,
Багряность маков, алый блеск забвенья.

Захватим сновиденья налету,
Замкнем их в наши белые полотна,
Войну как сон, и сон как красоту.

Но красный цвет нам служит неохотно,
Встают цветы, красивые на вид,
Ложатся трупы, так правдиво-плотно, —

Но вспыхнет день, и вас разоблачит,
Осенний желтоцвет вольется в алость
И прочь жизнеподобие умчит.

На всем мелькнет убогая усталость,
В оттенках — полуглупый смех шута,
В движеньях — неумелость, запоздалость.

Во всем нам изменяет красота,
Везде мы попадаем в паутину,
Мы поздние, в чьем сердце — пустота.

Отбросим же фальшивую картину,
Неверны мы друг другу навсегда,
Как в раззореньи слуги господину.

Мой succubus, что ж делать нам тогда?
Теперь-то и подвластны нам стихии,
Земля, огонь, и воздух, и вода.

Мы поняли запреты роковые,
Так вступим в царство верных двух тонов.
Нам черный с белым — вестники живые.

И днем и ночью — в них правдивость снов,
В одном — всех красок скрытое убранство,
В другом — вся отрешенность от цветов.

Как странно их немое постоянство,
Как рвутся черно-белые цветы,
Отсюда — в междузвездное пространство.

Там дышит идеальность черноты,
Здесь — втайне — блеск оттенков
беспредельных,
И слышен гимн двух гениев мечты:

«Как жадным душам двух врагов смертельных,
Как любящим, в чьем сердце глубина,
Как бешенству двух линий параллельных, —

Для встречи бесконечность нам нужна».

XIII
ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Волшебный час вечерней тишины,
Исполненный невидимых внушений,
В моей душе расцвечивает сны.

В вечерних водах много отражений,
В них дышит Солнце, ветви, облака,
Немые знаки зреющих решений.

А между тем широкая река
Стремит вперед свободное теченье,
Своею скрытой жизнью глубока.

Минувшие незнанья и мученья
Мерцают бледнолицею толпой,
И я к вам полон страстного влеченья.

Мне снится сумрак бледно-голубой,
Мне снятся дни невинности воздушной,
Когда я не был — для других — судьбой.

Теперь, толпою властвуя послушной,
Я для нее — палач и божество,
Картинность дум — в их смене равнодушной.

Но не всегда для сердца моего
Был так отвратен образ человека,
Не вечно сердце было так мертво.

Мыслитель, соблазнитель, и калека,
Я более не полюблю людей,
Хотя бы прожил век Мельхиседека.

О, светлый май, с блаженством без страстей!
О, ландыши, с их свежестью истомной!
О, воздух утра, воздух-чародей!

Усадьба. Сад с беседкою укромной.
Безгрешные деревья и цветы.
Луна весны в лазури полутемной.

Все памятно. Но Гений Красоты
С Колдуньей Знанья, страшные два духа,
Закляли сон младенческой мечты.

Колдунья Знанья, жадная старуха,
Дух Красоты, неуловимый змей,
Шептали что-то вкрадчиво и глухо.

И проклял я невинность первых дней,
И проходя уклонными путями,
Вкусил всего, чтоб все постичь ясней.

Миры, века — насыщены страстями.
Ты хочешь быть бессмертным, мировым?
Промчись, как гром, с пожаром и с дождями.

Восторжествуй над мертвым и живым,
Люби себя — бездонно, ненасытно,
Пусть будет символ твой — огонь и дым.

В борьбе стихий содружество их слитно.
Соедини их двойственность в себе,
И будет тень твоя в веках гранитна.

Поняв Судьбу, я равен стал Судьбе,
В моей душе равны лучи и тени,
И я молюсь — покою и борьбе.

Но все ж балкон и ветхие ступени
Милее мне, чем пышность гордых снов,
И я миры отдам за куст сирени.

Порой — порой! — весь мир так свеж и нов,
И все влечет, все близко без изъятья,
И свист стрижей, и звон колоколов, —

Покой могил, незримые зачатья,
Печальный свет слабеющих лучей,
Правдивость слов молитвы и проклятья, —

О, все поет и блещет как ручей,
И сладко знать, что ты как звон мгновенья,
Что ты живешь, но ты ничей, ничей.

Объятый безызмерностью забвенья,
Ты святость и преступность победил,
В блаженстве мирового единенья.

Туман лугов, как тихий дым кадил,
Встает хвалой гармонии безбрежной,
И смыслы слов ясней в словах светил.

Какой восторг — вернуться к грусти нежной,
Скорбеть, как полусломанный цветок,
В сознании печали безнадежной.

Я счастлив, грустен, светел, одинок,
Я тень в воде, отброшенная ивой,
Я целен весь, иным я быть не мог.

Не так ли предок мой вольнолюбивый,
Ниспавший светоч ангельских систем,
Проникся вдруг печальностью красивой, —

Когда, войдя лукавостью в Эдем,
Он поразился блеском мирозданья,
И замер, светел, холоден, и нем.

О, свет вечерний! Позднее страданье!

XIV
КАМЕНЬ СКАЛ

Как выступы седых прибрежных скал
Источены повторностью прилива,
Что столько раз враждебно набегал, —

В моей душе, где было все красиво,
Изменены заветные черты,
В ней многое как бы ответно криво.

Из царства вневременной темноты
К нам рвутся извращенные мечтанья,
Во всем величьи дикой наготы.

Побыть в стихийной вспышке возрастанья,
Глядеть, как пенно высится вода,
Понять, что хаос — утро мирозданья!

Быть может, не вернется никогда
Вот эта радость дум о необычном,
Хоть ропот волн о них поет всегда.

И сладко встать высоко над привычным,
Соделаться — велением Судьбы —
К своей судьбе стихийно-безразличным.

Но что мы можем, бледные рабы!
Набег страстей шатнулся, отступает,
Как войско, вняв отбойный зов трубы.

Волна, достигши высшего, вскипает,
Меняет цвет зелено-голубой,
Ломается, блестит, и погибает.

Отпрянул неустойчивый прибой,
Бежит назад в безбрежные пустыни,
Чтоб в новый миг затеять новый бой.

И так же ветер, с первых дней доныне
Таящийся в горах с их влажной тьмой,
На краткий миг бросает их твердыни, —

Промчит грозу равниною немой,
Случайно изумит людей циклоном,
И вновь спешит, к ущельям гор, домой.

А я иным покорствую законам,
По воле изменяться мне нельзя,
Я камень скал, с их вынужденным стоном.

Во мне блуждают отклики, скользя,
Недвижно я меняюсь, еле зримо,
А если двинусь — гибелью грозя.

Бледнеет все, бежит неудержимо,
Измены дней отпечатлели след,
Все тени мира здесь проходят мимо,

Но в смене волн для камня счастья нет.

XV
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Закрыв глаза, я слушаю безгласно,
Как гаснет шум смолкающего дня,
В моей душе торжественно и ясно.

Последний свет закатного огня,
В окно входя цветною полосою,
Ласкательно баюкает меня.

Опустошенный творческой грозою,
Блаженно стынет нежащийся дух,
Как стебли трав, забытые косою.

Я весь преображаюсь в чуткий слух,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мне жужжанье мух.

Я замер в сладкой дреме ожиданья,
Вот-вот кругом сольется все в одно,
Я в музыке всемирного мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то в пропасть мчится по уклонам,
Как мертвый камень падает на дно.

Один — светло смеясь, другой — со стоном,
Все падают, как звуки с тонких струн,
И мир объять красиво скорбным звоном.

Я вижу много дальних снежных лун,
Я вижу изумрудные планеты,
По их морям не пенится бурун.

На них иные призраки и светы.
И я в безмолвном счастьи сознаю,
Что для меня не все созвучья спеты.

Я радуюсь иному бытию,
Гармонию планет воспринимаю,
И сам — в дворце души своей — пою.

Просторам звезд ни грани нет, ни краю.
Пространства звонов полны торжеством,
И, все поняв, я смыслы их впиваю.

Исходный луч в сплетеньи мировом,
Мой разум слит с безбрежностью блаженства,
Поющего о мертвом и живом.

Да будут пытки! В этом совершенство.
Да будет боль стремлений без конца!
От рабства мглы — до яркого главенства!

Мы звенья вкруг созвездного кольца,
Прогалины среди ветвей сплетенных,
Мы светотень разумного лица.

Лучами наших снов освобожденных
Мы тянемся к безмерной Красоте
В морях сознанья, звонких и бездонных.

Мы каждый миг — и те же и не те,
Великая расторгнута завеса,
Мы быстро мчимся к сказочной черте, —

Как наши звезды к звездам Геркулеса.

СОДЕРЖАНИЕ

В БЕЗБРЕЖНОСТИ

ЗА ПРЕДЕЛЫ

ТИШИНА

МГНОВЕНИЯ ПРАВДЫ

АККОРДЫ

КОШМАРЫ

ГОРЯЩИЕ ЗДАНИЯ

Лирика современной души

Книга II

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

СОВЕСТЬ

СТРАНА НЕВОЛИ

ВОЗЛЕ ДЫМА И ОГНЯ

Константин Дмитриевич
Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах
ТОМ ПЕРВЫЙ

Редактор *А. Полбенникова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Корректор *Н. Иванова*
Компьютерная верстка *А. Павлов*

Подписано в печать 12.01.10 г.
Формат 84 ×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,46. Уч.-изд. л. 22,39.
Заказ № 0925270.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Литературное
приложение

ОГОНЁК

www.terra.su

ISBN 978-5-904656-83-6

